М. АРЖАНОВ

Гегельянство на службе германского фашизма

ПАРТИЗДАТ 1933

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

М. АРЖАНОВ

Гегельянство на службе германского фашизма

Критика неогегельянских теорий национализма

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1933

Оглавление

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Империализм, фашизм и буржуазный национализм	5
1. Две стадии буржуазного национализма	5
2. Фашизм и национализм	14
3. Фашизм и национализм в Германии	20
Глава II. Назад—к Гегелю!	38
Глава III. «Новое» мировоззрение фашизирующейся буржуазии	52
Глава IV. Национализм — «über alles!»	72
Глава V. «Прусское государство» Гегеля на службе фашизма	91
Глава VI. Гегель — «основоположник империализма»	116
Глава VII. Гегель-«социалист» против Маркса-«капиталиста»	134
Заключение. «III империя» или советская Германия!	147

Ответственный редактор *М. Пашуканис* Техредактор *Б. Затван*

Сдано в производство 2/VI. Подписано к печати 23/VII.

Уполномоченный Главлита Б—31669. Партиздат №353. Тираж 15.000.

Формат 62×94/16 Заказ № 6833. 9½ печ. лис ов. 49. 800 зн. в печ. л.

Набрано и отпечатано фабрикой книги „Красный пролетарий" издательства ЦК ВКП(б). Партиздата Москва, Краснопролетарская, 16.

Предисловие

Основные черты того идеологического лица германского фашизма, которое теперь предстало перед всем миром во всем своем ужасающе-отвратном виде, стали выступать довольно явственно уже в обстановке революционного кризиса Германии в 1919—1923 гг. Объяснение этого обстоятельства читатель найдет в соответствующих главах нашей книги. *Фашизация* идеологии германской буржуазии в последующие годы шла *вширь*, распространяясь на отдельные участки идеологического фронта, охватывая все более широкий круг проблем, *вглубь* —„углубляя" теоретическое „обоснование" фашистских принципов, подводя под них философско-социологический базис и устанавливая все большую связь с фашистской практикой соответственно усилению фашизации империалистического государства и буржуазных партий Германии.

Имея в своем распоряжении многочисленные кадры националистической, реакционной интеллигенции, тысячи ученых лакеев—из профессоров, докторов, доцентов,—огромный разветвленный аппарат пропаганды и агитации, германский империализм создавал на протяжении десятка лет *идеологический аппарат* фашизма, при активной поддержке и посильном участии в этом деле германского социал-фашизма.

Дело, конечно, не ограничивается сумасбродными „теоретическими" писаниями Гитлера и Розенберга и пустыми, демагогическими агитками Геббельса—это лишь вышка идеологической пирамиды фашизма. В теоретическом основании ее лежат архиученые труды философов и социологов по специальности, реакционеров, мракобесов по призванию и назначению — разных Шпенглеров, Кронеров, Биндеров и пр.

Продемонстрировать этот факт, а также тот факт, что общим основанием всей этой идеологической пирамиды является фашизация буржуазного государства и нарастание пролетарской революции в конкретных условиях Германии, показать это на одном участке фашистской идеологии: на фашистских „теориях" *национализма*—такова та задача, которую поставил перед собой автор данной работы.

Работа носит специальный характер, поскольку она ограничивается разбором одного теоретического обоснования фашистской идеологии и то лишь одного из ее элементов—неогегельянской теории национализма, но в то же время автор попытался выяснить и *некоторые общие черты*, свойственные всей загнивающей идеологии германского империализма, в частности и особенности

неогегельянства—этого весьма модного ныне в империалистическом мире философского течения,— поскольку это необходимо для уяснения неогегельянского национализма.

К событиям, развертывающимся сейчас в Германии, приковано внимание всей нашей партии, и в частности ее теоретических кадров, на которые рассчитана преимущественно данная работа.

Революционный пролетариат Германии с его славной коммунистической партией, под руководством Коммунистического интернационала, возглавляемого гениальным нашим вождем т. Сталиным, выдвинут, ходом исторических событий, в авангардную шеренгу международной пролетарской армии, штурмующей империалистический мир.

В своей исключительно трудной борьбе он все больше закаляет себя в духе *марксизма-ленинизма,* он воодушевляется и воодушевляет массы блестящим опытом победы диктатуры пролетариата и социалистического строительства в СССР.

Фашистская Германия становится в то же время идеалом наиболее реакционных, варварски одичавших кругов господствующих классов всего империалистического мира. Теоретики германского фашизма напрашиваются (не без известных оснований) в духовные вожди мировой фашистской контрреволюции, в руководители идеологического антимарксистского „интернационала". Попыткой создания такого интернационала является международный „Гегелевский союз", имевший уже несколько своих всемирных конгрессов.

СССР бурно растет как социалистическое государство, как социалистическая отчизна всемирного пролетариата. Победоносным знаменем и могучим орудием этого роста является *теория марксизма-ленинизма,* продолжающая свое блестящее развитие в трудах т. Сталина, в практике социалистического строительства, в культурной революции, в расцвете науки и техники, вооружающихся марксистско-ленинской методологией.

Умирающий капитализм поднимает в качестве своего идеологического знамени все реакционное и гнилое из своего прошлого и из всего прошлого человечества, в том числе и реакционные взгляды *Гегеля.*

Гегель против Маркса — один из самых распространенных мотивов фашистской философии.

Каков „идейный уровень" и подлинный смысл этого мотива в *националистических* песнопениях германской буржуазии,— вот вопрос, на который пытается дать ответ эта книга.

Автор

ГЛАВА I

Империализм, фашизм и буржуазный национализм

1. Две стадии буржуазного национализма

Основным положением, которым мы руководились в данной работе, посвященной анализу и критике одной из разновидностей современного национализма, является известное ленинское положение о двух стадиях развития капитализма в отношении национального вопроса.

Ленинское положение гласит: „Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д. *Обе тенденции суть мировой закон капитализма.* Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм“ [1]. В многочисленных работах Ленина и Сталина, посвященных национальному вопросу, это положение широко развито. Ленин неоднократно подчеркивает, что необходимо различать национализм поднимающегося капитализма, национализм эпохи буржуазной революции, революционной борьбы с феодализмом, эпохи складывания и формирования капиталистического строя и национализм эпохи империализма, что необходимо отличать первую эпоху от второй. „Первая эпоха, с великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это—восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, *буржуазно-национальных в частности,* эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений. Вторая эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу“ [2]. Противопоставляя империалистическим войнам национальным

---

[1] *Ленин*, т. XVII, стр. 139—140, изд. 3-е. Курсив автора. Ленин цитируется дальше всюду по 3-му изданию.

[2] *Ленин,* т. XVIII, стр. 108.

нально-освободительные войны, Ленин говорит о последних: „А с другой стороны, с.-д. не могут отрицать позитивного значения *революционных* войн, т. е. не империалистских войн, а таких, которые велись, например, от 1789 г. до 1871 г. *ради свержения национального гнета* и создания из феодально раздробленных—национальных капиталистических государств“ [1].

Центральная проблема национализма, проблема „национального единства“, „национального государства“, „национальной культуры“, „национальной общности“ и т. д. рассматривается марксизмом-ленинизмом на конкретной исторической основе. Национализм эпохи поднимающегося капитализма—это идеология борьбы за новый строй, за новый тип хозяйственных и политических отношений, в совокупности составляющих отношения буржуазного общества. Национализм этой эпохи—это отражение прогрессивно-буржуазного движения, составная часть того движения, которое имеет объективно-исторически своим содержанием и задачей создание условий и рамок для развития капитализма—этого нового и более высокого по сравнению с феодализмом общественного строя. Национально-освободительные и национально-объединительные движения, идеология „национального единства“ имеют под собой то основание, что они отражают исторически-правомерные и неизбежные тенденции борьбы за национальную концентрацию, за ликвидацию феодальных пережитков, за развитие буржуазной культуры, национальных рынков, путей сообщений и т. д. *Национализм этой эпохи тесно связан со всем буржуазно-демократическим движением.* Национальные войны этого периода—это войны против национального гнета, это борьба с феодализмом внутри и извне, борьба за буржуазно-демократическое преобразование общества [2]. Этот момент исчерпывающим образом выяснен и с теоретической и с фактической стороны, а также применительно к конкретным условиям в отдельных странах, у разных народов и т. д. в соответствующих работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Огромное теоретическое и практическое значение приобрел конкретно-исторический анализ буржуазного национализма в период до империалистической войны и в самую войну. В той огромной борьбе за революционно-марксистскую, интернационалистскую постановку национальной проблемы, которая была проведена большевизмом в рядах русского и международного рабочего движения, этот анализ дан исключительно глубоко и всесторонне. Как социал-шовинисты различных толков, так и люксембургианцы не понимали необходимости конкретно различать национальные движения, националистические теории этих двух эпох—эпохи начала и эпохи конца капитализма.

Давая характеристику буржуазного национализма эпохи империализма, Ленин исходит из того, что „из освободителя наций,

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 127.

[2] Объективно-прогрессивное, в общем, содержание буржуазного национализма этой эпохи не исключает того, что в известных условиях (как например в Германии) он принимал реакционные, уродливые формы (гегельянский национализм с его пруссачеством и пр.).

каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций"[1]. Сопоставляя национальные войны XVIII, XIX и XX вв., Ленин говорит: „Если национальные войны XVIII и XIX веков ознаменовали начало капитализма—империалистские войны указывают на его конец"[2].

В свете ленинской теории империализма, в частности ленинской характеристики *империалистического национализма,* нам становится совершенно ясным тот глубоко *реакционный, антинаучный, фальшивый в основе своей, демагогический* характер, который имеет установка буржуазных идеологов на то, чтобы изображать империалистические войны как войны „национальные", „народные" и даже „революционные" (как например у некоторых французских шовинистов). Ленин беспощадно разоблачил этот идеологический обман, противопоставив ему революционно-классовую борьбу пролетариата.

Непонимание, затушевывание и отрицание тех исторических особенностей, которые приобретает национальный вопрос в эпоху империализма, было методологическим и политическим пороком и социал-шовинизма и люксембургианства. В частности последнее, хотя *субъективно* стремилось найти интернационалистский, революционный выход из империалистической войны 1914 г., на деле объективно дезориентировало рабочий класс, оказывая объективно помощь и социал-шовинистам и всей буржуазии в деле обмана и развращения трудящихся масс лозунгами национализма. *Р. Люксембург* например выдвинула лозунг „народной республики" в Германии по образцу революционных лозунгов 40-х годов, совершенно забывая, что историческая обстановка начала прошлого столетия и современная обстановка империализма отнюдь не тождественны, а противоположны. Ленин доказал, и опыт всей империалистической войны и послевоенных годов блестяще подтвердил, что единственно объективно возможным революционным выходом из империалистической войны является превращение ее в гражданскую. Объективность такого выхода вытекает именно из того, что империализм является кануном социальной пролетарской революции и что все противоречия, в том числе и противоречия по линии национальных взаимоотношений, могут быть разрешены только пролетарской революцией, в направлении к которой эти противоречия и толкают неминуемо капитализм.

Революционная пролетарская постановка вопроса Лениным имеет своим теоретическим основанием научную характеристику империализма как определенной, последней стадии капитализма. *При характеристике классовой сущности, социально-политического значения современной буржуазной националистической идеологии мы должны исходить из ленинской теории империализма.* Она является теоретической основой для изучения всех сторон современной буржуазной идеологии, в том числе и такой составной ее части, как национализм. Те особые черты, которые Ленин обнаруживает в империалистическом капитализме, определяют собой

---

[1] *Ленин,* т. XVIII, стр. 195.
[2] *Там же,* стр. 50.

и значение национализма во всей идеологии империалистической буржуазии и конкретные, особенные черты национализма этой эпохи. Приведем известное ленинское определение империализма: „Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось *господство монополии и финансового капитала*, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался *раздел мира международными трестами* и закончился раздел всей *территории земли* крупнейшими капиталистическими *странами*"[1]. Такое определение империалистического капитализма прямо указывает на то огромное значение, которое приобретает национальный вопрос в эту эпоху. В другом месте Ленин говорит: „Империализм означает перерастание капиталом рамок *национальных государств*, он означает расширение и обострение *национального гнета на новой исторической основе*"[2]. Выявление специфических сторон, тех *новых моментов*, которые заключает в себе национализм эпохи империализма, проходит красной нитью в работах Ленина и Сталина по национальному вопросу.

Рассмотрим более конкретно характерные черты империализма в разрезе того, как они отражаются на особенностях национализма эпохи империализма и пролетарских революций.

1. Империализм есть капитализм *монополистический*,—отсюда невиданная по своей ожесточенности и по размаху борьба за внешние рынки сырья и сбыта товаров. В этот период концентрация и централизация достигают необычайного размаха, перерастая рамки национального капиталистического хозяйства и объективно ставя проблему единого мирового хозяйства,—все это придает, как мы увидим ниже, ряд новых черт буржуазному национализму.

2. Для империализма характерны принципиального характера качественные, структурные изменения в хозяйстве, что также создает новые условия, новые формы и предпосылки развития национализма. Укажем на такой факт, как факт проникновения буржуазного национализма в ряды *рабочей аристократии* в результате подкупа за счет сверхприбылей, выжимаемых капитализмом из колониальных и полуколониальных стран, верхушки „своих" привилегированных рабочих в империалистических странах.

3. *Сращивание финансового капитала и государственного аппарата* накладывает специфический отпечаток на буржуазное государство, на его функции, на его формы, на идеологические построения буржуазии по вопросам „национального государства".

4. *Империализм есть капитализм умирающий, загнивающий*. Отсюда и наша характеристика всех отдельных сторон буржуазной действительности, в том числе и буржуазной идеологии. Идеология эта носит на себе все черты умирающего, разлагающегося, гниющего на корню капиталистического строя. Империализм означает реакцию по всей линии. Отсюда соответствующие методы господства, подавления трудящихся масс, отсюда и идеологическое

---

[1] *Ленин*, т. XIX. стр. 143. Курсив автора.
[2] *Ленин*, т. XVIII, стр. 323.

обслуживание этих методов господства, также носящее в себе все элементы реакционности.

5. *Особенности классовой борьбы* в этот период непосредственным образом отражаются на соответствующих построениях буржуазных националистических теорий. Отсюда в частности и та своеобразная *социальная мимикрия*, то переодевание буржуазных партий, групп, организаций и т. д. самых различных толков в „социалистические одежды", к которым так часто прибегает умирающий капитализм, обезвреживая свой „социализм" национализмом.

6. Ленинская теория империализма учит, что *капитализм не сойдет добровольно с исторической арены*, что он будет бороться всеми силами за свое сохранение, что он использует все методы борьбы против пролетарской революции, проявив при этом немалую гибкость и маневроспособность. Отсюда и различные виды империалистического национализма: пацифистский (миротворческий), либералистски-демократический и фашистский.

В работах Ленина и Сталина блестяще показана неизбежность усиления в эпоху империализма национального гнета, усиления буржуазного национализма. Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали, что без научной характеристики этого национализма невозможна действительная борьба с шовинизмом всяких модификаций в рядах рабочего движения.

Как мы дальше покажем, *национализм играет исключительно большую роль во всей системе идеологического обслуживания современного буржуазного государства*. Роль националистической идеологии должна была увеличиваться и увеличивалась соответственно тому, как увеличивалось значение идеологии и идеологических орудий во всей системе буржуазного господства. Вспомним ленинское положение о том, что „...капитализм из прогрессивного стал реакционным. Он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу „великих" держав *за искусственное сохранение капитализма* посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода" [1]. Для того чтобы осуществить это „искусственное сохранение капитализма", идеологическая надстройка буржуазного господства должна быть всемерно усилена. Тогда, когда строй в целом исторически отжил и когда ему приходится бороться вопреки действительным интересам развития человечества за свое дальнейшее существование, за то, чтобы, хотя бы, отодвинуть исторические сроки своей гибели, роль его идеологии становится значительно большей, чем в предшествующий период капиталистического развития. Идеология тут становится функцией всемерного *задерживания* хозяйственного и культурного развития общества. Ее функция „доказать" правомерность и даже необходимость *дальнейшего существования* буржуазного строя. С этой целью она должна в большей, чем когда бы то ни было, степени извращать действительность, дать совершенно иное изображение действительности, чем то, которое соответствует положению вещей. Она призвана в первую очередь

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 195. Курсив автора.

„снять“ те противоречия, которые разъедают капиталистический строй и неминуемо приводят капиталистическое общество к гибели. Если действительность такова, что капитализм не может претендовать на право дальнейшего существования, то нужно „преодолеть“ эту действительность. Для этого приходится изобразить капитализм таким образом, что он не только может представлять условия для развития человеческого общества, но что он вообще является единственно мыслимой, правильной, здоровой, культурной и т. д. формой общественной жизни. Действительное назначение современного национализма и заключается в *обосновании, в освящении буржуазного строя,* в оправдании современных методов буржуазного господства, тех мероприятий, какими империализм старается отсрочить свою гибель, *расколоть, дезорганизовать и обессилить рабочий класс,* „предупредить“ пролетарскую революцию. Буржуазии необходима идеология, которая прикрывала бы действительный характер, затушевывала бы все отвратительные черты современного империализма, отвлекала бы внимание и недовольных мелкобуржуазных масс и революционизирующегося пролетариата от действительных путей к уничтожению капитализма и к построению нового строя. Эти требования предъявляются также и в особенности современному национализму. И *действительно*—всем своим острием последний направлен против марксизма, *против пролетарского интернационализма, пролетарской революции, диктатуры пролетариата.*

Это значение буржуазного национализма эпохи империализма особенно ярко выступает в период всеобщего капиталистического кризиса, который заостряет до высшей ступени все *противоречия капитализма.* В характеристике империализма обострение противоречий капитализма играет решающую роль. Припомним высказывание т. Сталина по этому вопросу. Тов. Сталин говорит: „Ленин называл империализм „умирающим капитализмом“. Почему? Потому, что империализм доводит противоречия капитализма до последней черты, до крайних пределов, за которыми начинается революция. Наиболее важными из этих противоречий нужно считать три противоречия:

Первое противоречие—это противоречие между трудом и капиталом.

Второе противоречие—это противоречие между различными финансовыми группами и империалистическими державами в их борьбе за источники сырья, за чужие территории.

Третье противоречие—это противоречие между горстью господствующих „цивилизованных“ наций и между сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира“ [1]. Современный национализм развивается как идеология *выхода из всех противоречий,* как идеология „преодоления“ этих противоречий. Национализм обещает „преодоление“ внутренних и внешних противоречий капиталистической системы. Он сулит буржуазным господствующим классам установление твердого, единого, незыблемого господства. Он дает „выход“ в фашистской диктатуре, которая была бы освя-

[1] *Сталин,* Вопросы ленинизма, стр. 7, изд. 9-е.

щена „интересами нации, национального единства, национальной чести“ и т. д. Он сулит положительные перспективы мелкобуржуазным массам, недовольным тем положением, в которое их все больше и больше загоняет империалистический капитализм. Рабочему классу национализм рекомендуется как идеология, которая стоит „выше“ классовой марксистской теории, которая устраняет „односторонность“, „ошибочность“ марксистской теории. Наконец „всей нации“ национализм „доказывает“ правомерность империалистической экспансии, захвата чужих территорий, открытой междунациональной розни, расовой борьбы и т. д.

В действительности же этот национализм является *идеологией* насильственного уничтожения революционных завоеваний пролетариата, и дальнейшего наступления на него, *во-первых*. Он является, *во-вторых*, идеологией империалистических войн и колониальных захватов, к которым вынужден прибегать империализм, ища выхода из тупика в международных хозяйственных и политических отношениях. Это—идеология *империалистического выхода из противоречий* между империалистическими странами и из противоречий всего империалистического мира с колониями.

В двух этих основных направлениях и развивается современный национализм. В этих направлениях складывается его функциональная роль как идеологии современных методов буржуазного господства.

Те изменения, которые претерпел национализм в своем развитии, в особенности после войны, определяются именно той ролью, которую он призван играть в нынешних условиях. Для того чтобы обосновать *фашизацию государства*, чтобы дать ответ на вопросы, возникающие в связи с кризисом либерализма, парламентаризма и т. д., в связи с *прямой угрозой пролетарской революции*, чтобы в нынешней послевоенной обстановке готовить новые войны, националистические теории должны были быть перестроены, идейно „обогащены“, „облагорожены“ и подняты на новую, еще большую „высоту“. И фашистские националистические теоретики, эти дипломированные лакеи империалистической реакции, в поте лица своего трудятся над тем, чтобы эту задачу идейного „облагорожения“ национализма выполнить с честью.

„Единство“, внутренняя „цельность“ националистической теории, поскольку она должна обосновать и *гражданскую войну против пролетариата и империалистическую войну*, определяется тем, что обе функции друг от друга неотделимы, что они составляют единое целое. Нельзя вести империалистическую войну, не установив „национального единства“, т. е. не подавив сопротивления пролетариата против империалистической политики буржуазии. Нельзя пойти на фронт, не обеспечив тыла. Внутренняя слабость, хозяйственная и политическая, империалистического государства является величайшим препятствием для преуспевания во-вне. Для того чтобы начать войну и вести ее с шансами на успех, необходимо иметь за собой возможно более широкие массы населения. И наоборот, неудача в империалистической войне может окончиться весьма печально для существования всего империалистического государства в целом, во всяком случае может привести, как это

доказано на опыте Германии, к серьезным потрясениям, к внутренним, т. е. классовым, столкновениям, которые могут поставить под угрозу самое существование капиталистической системы. Успешная борьба во-вне, на мировом рынке, в колониальных странах, выжимание там соответствующей массы сверхприбыли могут создать экономическую основу для укрепления *господства внутри, для* подкупа известных групп рабочей аристократии, стало быть для раскола и дезориентации рядов рабочего класса—своего смертельного врага, для улучшения материального положения соответствующих групп чиновничества, офицерства, известных кругов интеллигенции, мелкой буржуазии и т. д.

Ленин блестяще доказал, что нельзя вести борьбу против империалистической политики буржуазии, не ведя ее на принципиальных основах *классовой борьбы,* борьбы с определенной исторически неизбежной классовой политикой господствующих классов. Нельзя интернационально воспитывать массы, не раскрыв с полной ясностью и четкостью *классового содержания* империалистической войны, которую ведут под лозунгом „защиты родины“, „безопасности отечества“, „национального единства“ и т. д. Раздувание империалистической, шовинистической идеологии практикуется буржуазией также как средство переключения недовольства масс капиталистическими „порядками“, недовольства „своим“ правительством, „своей“ буржуазией и т. д. на борьбу с „внешним врагом“. Война рассматривается одновременно и как средство усиления своих позиций во-вне, во внешних отношениях на мировом рынке, и как средство отодвигания, „предупреждения“ классовых столкновений внутри.

Двуединая функция национализма заключается в том, что он объединяет со стороны принципа „национального единства“ попытки выхода *и из внешних и из внутренних* противоречий капиталистической системы. В одном месте, выясняя особенности современного милитаризма, Ленин пишет: „Современный милитаризм есть результат капитализма. В обеих своих формах он „жизненное проявление“ капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях (Militarismus nach aussen, как выражаются немцы), и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата (Militarismus nach innen)“ [1]. Этот момент необходимо подчеркнуть именно потому, что буржуазные националистические идеологи всячески затушевывают истинный характер и истинное назначение националистической идеологии. Конструируются целые „монистические“, „последовательные“ и „научно обоснованные“ теории национализма, причем весь этот процесс изображается как процесс *логического усовершенствования* самой идеи национализма, как логическое *распространение* идеи национализма на все стороны жизни народа. Мы же, марксисты, обнаруживаем за „логическими“ конструкциями соответствующее историческое, социально-экономическое содержание.

---

[1] *Ленин,* т. XII, стр. 312.

Национализм все время остается составной частью буржуазной идеологии. Он в такой же мере является классовой принадлежностью буржуазной идеологии, как интернационализм—пролетарской. Но изменение конкретных условий развития капитализма и господства буржуазии вызывает соответствующие изменения в ее общественном сознании, в ее идеологии.

Показать связь между изменениями в общественном бытии и общественном сознании буржуазии—это элементарная предпосылка исследования буржуазной идеологии в целом и отдельных ее частей. К национализму это относится тем более, что в нем с особой силой выступают антиисторизм, метафизический характер, принцип увековечения своих „ценностей“ и т. д., свойственные буржуазной идеологии. Современные немецкие националисты выдвигают лозунг „назад, к немецким национальным государственным мыслителям“ начала XIX или даже XVIII столетия, избегая конкретной исторической характеристики как современного национализма, так и того, к которому они призывают возвратиться. Внешнее сходство идеологических построений буржуазии используется ими для того, чтобы выхолостить конкретное, социально-историческое содержание и назначение этих построений, чтобы таким образом *затушевать, скрыть их реакционный характер.*

Марксистский исследователь должен выполнить в первую очередь то требование, которое ставят Ленин и Сталин и которое они проводили во всей своей работе,—дать *конкретно-историческое* освещение и объяснение тех или иных националистических теорий, вскрыть их социально-исторические корни, дать им объективную оценку вопреки тому, как они выглядят в изображении буржуазных теоретиков. Мы старались в нашей работе, оперируя самым разнообразным материалом, выполнить это требование и тем самым дать марксистскую, диалектико-материалистическую оценку и критику немецкого национализма [1].

В центре нашего внимания стоит задача установления связи *между неогегельянскими разновидностями современного национализма и действительностью фашизирующейся Германии, политикой фашизирующейся германской буржуазии.*

Выясним основные вопросы, связанные с характеристикой фашизма, в частности в области его националистической концепции.

---

[1] Говоря о буржуазном национализме эпохи империализма, мы имеем в виду национализм *империалистический* и его теоретическое обоснование идеологам буржуазии империалистических стран. Постольку мы его и противопоставляем национализму эпохи начала восходящего капиталистического развития, которую в свое время (на протяжении XVII и XIX столетий) пережили эти страны. Что же касается националистских теорий буржуазии тех стран, которые еще не прошли этого исторического пути и либо только завершили этап создания национального капиталистического государства (как напр. Турция), либо еще не осуществили и этой задачи (Индия, Китай и др.), являясь сами еще объектами империалистической политики колониального гнета, то они естественно значительно отличаются и по своей исторической сущности, и по своим идеологическим формам от империалистских теорий национализма, хотя влияние на них со стороны последних, в той или иной степени и форме — несомненно. В данной работе мы совершенно не касаемся этих теорий, поскольку мы в ней рассматриваем только империалистско-фашистскую теорию национализма — да и то в специфическом ее проявлении — в виде фашистского национализма в Германии.

2. Фашизм и национализм

Общая характеристика империализма, в разрезе, в данном случае нас интересующем, данная Лениным, заключается в том, что империализм—*это капитализм реакционный*. Особенно важна эта характеристика, когда мы сопоставляем идеологию восходящего и идеологию умирающего капитализма, в данном случае—в области национального вопроса. Ленинское положение о реакционности империализма вытекает из всей ленинской характеристики империализма как особенной и последней стадии развития капиталистического строя. Ленин говорит: „Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут *стремления к господству, а не к свободе. Реакция по всей линии* при всяких политических порядках, крайнее обострение противоречий и в этой области—результат этих тенденций. Особенно обостряется также национальный гнет и стремление к аннексиям, т. е. к нарушению национальной независимости“ [1]. В другом месте, говоря о политических тенденциях, свойственных империалистической стадии капитализма, Ленин говорит, что *политически империализм есть вообще стремление к насилию и реакции*. Эти стремления заложены в самой природе империализма как монополистического капитализма, в тех особых формах классовой и межнациональной войны, которые исторически свойственны этой стадии капитализма. Анализируя конкретные факты усиления политической реакции накануне войны и особенно в период ее, Ленин приходит к заключению, что „политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом является *поворот от демократии к политической реакции*“. В качестве общего признака, по которому различаются две стадии развития капитализма, Ленин выдвигает то, что *„свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция“*. Реакция по всем линиям означает неизбежность реакции и в национальных отношениях, в теоретических и практических проявлениях буржуазного национализма. Реакционность эта усиливается по мере дальнейшего развития империализма, и в первую очередь—по мере усиления и обострения классовой борьбы и приближения решающих схваток труда и капитала.

В определенных исторических условиях эта реакция, имманентно свойственная империализму, *принимает конкретные формы фашистской реакции*. Фашизм—это таким образом конкретно-историческая форма империалистической реакции.

Условия возникновения и развития фашизма и его сущность совершенно четко установлены в программе Коминтерна, в неоднократных постановлениях конгрессов и пленумов исполкома Коминтерна и в высказываниях т. Сталина. Вот определение фашизма, данное в программе Коминтерна: „Эпоха империализма, обострение классовой борьбы и нарастание, особенно после мировой империалистической войны, элементов гражданской войны привели к банкротству парламентаризма. Отсюда „новые“ методы и формы управления

---

[1] *Ленин*, т. XIX, стр. 169.

(например система малых кабинетов, создание закулисных олигархических групп, падение и фальсификация роли „народного представительства“, укорочение и уничтожение „демократических свобод“ и т. д.)“. Этот процесс наступления буржуазной империалистической реакции приобретает при особых исторических условиях формы фашизма. Такими условиями являются: *неустойчивость капиталистических отношений,* наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец *постоянная угроза массовых выступлений* пролетариата. Чтобы обеспечить себе большую устойчивость власти, ее твердость и постоянство, буржуазия все более вынуждается переходить от парламентской системы к независимому от межпартийных отношений и комбинаций фашистскому методу. Этот метод есть *метод непосредственной диктатуры, идеологически прикрываемой „общенациональной идеей“* и представительством „профессий“ (а по существу разнообразных *групп господствующих классов),* метод использования недовольства мелкобуржуазных, интеллигентских и прочих масс путем своеобразной социальной демагогии *(антисемитизм, частичные вылазки против ростовщического капитала,* возмущение *парламентской „говорильней“)* и коррупции в виде создания сплоченной и оплачиваемой иерархии фашистских дружин, партийного аппарата и чиновничества; при этом фашизм стремится проникнуть и в рабочую среду, вербуя наиболее отсталые слои рабочих, используя их недовольство, пассивность социал-демократии и т. д. Главной *задачей фашизма является разгром революционного рабочего авангарда, т. е. коммунистических слоев пролетариата и их кадрового состава.* Комбинация *социальной демагогии, коррупции и активного белого террора* наряду с крайней *империалистической агрессивностью* в сфере внешней политики являются характерными *чертами фашизма.* Используя в особо критические для буржуазии периоды антикапиталистическую фразеологию, фашизм, упрочившись у руля государственной власти, все более обнаруживает себя как террористическая диктатура крупного капитала, теряя по дороге свои антикапиталистические побрякушки.

Приспособляясь к изменению политической конъюнктуры, буржуазия использует и *методы фашизма и методы коалиции с социал-демократией,* причем сама социал-демократия в моменты наиболее для капитализма критические *нередко играет фашистскую роль.* В ходе развития она обнаруживает фашистские тенденции, что не мешает ей при другой политической конъюнктуре фрондировать против буржуазного правительства в качестве оппозиционной партии. Метод фашизма и метод коалиции с социал-демократией, будучи методами необычными для „нормального“ капитализма и являясь признаками *общего капиталистического кризиса,* используются буржуазией для *замедления поступательного хода революции“* [1].

Эти установки исходят теоретически, принципиально из ленин-

[1] Программа и устав Коминтерна, стр. 43—44, изд. 1931 г. Курсив автора.

ской теории империализма, из ленинской теории пролетарской революции и диктатуры пролетариата, из ленинского учения об условиях загнивания и гибели капитализма, об условиях борьбы пролетариата против капитализма, за социалистическую революцию, за диктатуру пролетариата. Мы подчеркиваем, что фашизм является одной *из конкретных форм* реакции, которая (реакция) принципиально неизбежна при империализме. Это значит, что и нефашистские формы буржуазного господства, как так называемый „либерализм" (парламентаризм, буржуазные „свободы", „пацифизм" в международных отношениях и т. д.), также являются орудием империалистической реакции. То обстоятельство, что империализм прибегает в той или иной обстановке то к либерализму, то к фашизму, то к сочетанию того и другого, определяется конкретными условиями в экономическом положении, в соотношении всех классов, в уровне классовой борьбы пролетариата, в степени недовольства капитализмом мелкобуржуазных масс, в характере брожения в их среде, в международных отношениях и т. д. Принципиальная сторона этого вопроса блестяще освещена в свое время еще Лениным. Ленин говорит: „На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает *две системы управления, два метода борьбы* за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, *во-первых, метод* насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. Такова сущность консервативной политики, которая все больше перестает быть в Западной Европе политикой землевладельческих классов, все больше становится одной из разновидностей общебуржуазной политики. *Второй метод*—метод „либерализма", шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д." [1]. Этим положением необходимо нам руководиться при сопоставлении фашизма и буржуазной демократии.

Фашизация государственного режима и всей политической и хозяйственной системы господства буржуазии означает переход к еще *более реакционным методам господства,* к более зверским террористическим, открыто диктаторским формам. Темпы и формы этого процесса фашизации различны в различных условиях и носят известные национальные оттенки соответственно обстановке, в которых этот процесс совершается.

Последние годы характеризуются необычайным усилением фашизации в ряде стран. Из ленинской теории империализма отнюдь не вытекает, что фашизм является фатально неибежным спутником, неизбежной формой империалистической реакции во всех странах независимо от тех или иных условий,—фашизм возникает в определенных конкретных условиях. Характер его развития, интенсивность, массовость его базы и т. д. хотя определяются объективными факторами, заложенными в самой природе империализма, но в значительной мере зависят также от субъективных факторов, от степени зрелости, организованности и революционности пролетариата, от

[1] *Ленин,* т. XV, стр. 7. Курсив автора.

степени политической зоркости, дееспособности и маневроспособности его авангарда—коммунистической партии.

Одной из основных предпосылок правильной революционной борьбы с империализмом, с империалистической диктатурой является четкое понимание фашизма и либерализма как методов империалистического господства. Возможна двоякого рода опасность при сопоставлении фашизма и либерализма. С одной стороны, тенденция к смазыванию различия между ними, к *отождествлению* их под тем предлогом, что они являются формами, в которые вкладывается одно и то же социально-историческое содержание империалистического господства. Другая опасность заключается в том, что, поверхностно воспринимая фашистскую фразеологию антилиберализма, уклоняются в сторону *принципиального противопоставления* этих двух методов империалистического господства. И в первом и во втором случае неизбежен ряд политических и тактических ошибок, как это доказано на опыте ряда компартий. Все это относится и к национальному вопросу. Задача заключается в том, чтобы, исходя из того, что и фашизм и либерализм являются различными формами господства крупного капитала, обнаружить за этими формами те сдвиги и изменения, которые происходят в экономике капиталистических стран, в их политической жизни, в ходе классовой борьбы и т. д.

В тот или иной период выпячивается в большей или меньшей степени та или иная сторона фашистской реакции: элементы разложения капитализма и формы террористического подавления рабочего класса. Эти две стороны не исключают и не ослабляют друг друга. Они составляют единое целое, ибо самый факт террористического подавления рабочего класса свидетельствует не о прочности капиталистического режима, не о силе буржуазного строя, а, наоборот, о его неуверенности, о его шаткости, о том, что он может сохранить себя, лишь прибегая к террору, насилию, провокациям, исключительным законам, чрезвычайным декретам и т. д. Подходя к вопросу с точки зрения *самого общего* определения фашизма как явления эпохи *империализма, умирающего, загнивающего капитализма,* можно сказать, что фашизм есть выражение этого умирания, загнивания, продукт разложения этой системы. Но ленинское понимание процесса умирания всякой социально-экономической системы, в том числе и капиталистической, предполагает, что в процессе этого умирания уходящие господствующие классы используют все возможности, и материальные, и идейные, для того, чтобы задержать свое пребывание на арене истории, для того, чтобы отсрочить свою гибель. *Было бы опасно видеть* в фашизме, поскольку идет речь о повседневной политической борьбе с империализмом, в его конкретных политических формах только продукт *разложения капитализма,* ибо, как это показано на опыте „левых“ в компартии Германии, отсюда прямая опасность недооценить силу фашистской реакции, опасность впасть в фатализм, в механическое упрощенство, и отсюда—в пассивность, в бездеятельность вместо самой напряженной, всесторонней, конкретной идейной и политической борьбы с империализмом. *Фашистская теория вырастает из либералистской, так же как*

фашизм в целом вырастает из буржуазной демократии. Перерастание либерализма в фашизм—это процесс усиления, сгущения империалистической реакции.

И фашизм и либерализм одинаково используются буржуазией в меру надобности, в целях проведения своей реакционной политики. В частности при проведении своей внешней политики империализм прибегает и к пацифистской фразеологии, в духе либерализма, и к *откровенной* фашистской ультранационалистической идеологии. Здесь устанавливается необходимое разделение труда, в результате которого должно быть обеспечено проведение в жизнь националистических планов империалистических государств. На это указал с большой силой и выразительностью т. Сталин: „Самой распространенной формой убаюкивания рабочего класса и отвлечения его от борьбы с опасностью войны является нынешний пацифизм с его Лигой наций, проповедью „мира“ и „запрещением“ войны, болтовней о „разоружении“ и т. д. Империалистический пацифизм есть инструмент подготовки войны и прикрытия этой подготовки фарисейскими фразами о мире. Без такого пацифизма и его инструмента Лиги наций подготовка войн в нынешних условиях невозможна... Но для того чтобы подготовить новые войны, недостаточно одного лишь пацифизма, если даже он, этот пацифизм, поддерживается такой серьезной силой, как социал-демократия. Для этого нужны еще некоторые средства подавления масс в центрах империализма. Нельзя воевать для империализма, не укрепляя империалистический тыл. Нельзя укрепить тыл, не подавляя рабочих. *Для этого и существует фашизм*“ [1].

Последние годы характеризуются тем, что фашизм все больше и больше распространяется в соответствующих „национальных“ формах в Австрии, Англии, Японии и Америке и т. д. Все больше вырисовываются за отдельными национальными чертами фашизма общие его признаки. Перед нами выступает во весь свой рост эта новая система буржуазного господства. Последний экономический кризис, принявший *всемирный* размах в большей, чем когда бы то ни было, степени, является основой распространения фашизма как международного явления. В то же время фашизм распространяется *вширь*—происходит *фашизация* всех буржуазных *партий и организаций* (культурно-просветительных, военно-спортивных, религиозных и пр.). Они приобретают все более ярко выраженный контрреволюционный и империалистически агрессивный характер. Этот процесс сопровождается зачастую *распадом* тех партий и организаций, которые стояли на принципах *буржуазной демократии*, или резким их поворотом в сторону *фашизма*, если они сохраняются как таковые.

Все это относится в частности и к такой буржуазной партии, как социал-демократия. Политика последней заключается в содействии процессу фашизации, в подготовке открытой *фашистской диктатуры*,—причем вся эта подлая, контрреволюционная деятельность руководства социал-демократии проводится под лозунгами „борьбы с фашизмом“ при полной поддержке фашистского режима,

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 336, изд. 9-е. Курсив автора.

когда он осуществляется. Социал-фашизм—это одно из крыльев *фашизма.* Национал- и социал-фашисты *не антиподы, а близнецы,* сказал еще в свое время т. Сталин. Это положение блестяще оправдалось всей историей последних лет и особенно на примере германской социал-демократии.

Обострение всех противоречий капиталистического строя, в первую очередь беспримерное *усиление классовой борьбы,* определяет функции фашизма—фашистского движения, фашистских организаций, фашистского государства. Оно определяет в то же время идеологические функции фашизма. Они заключаются в первую очередь и главным образом в том, чтобы прикрыть *действительный характер* той открытой террористической диктатуры, при помощи которой буржуазия стремится спасти от полного крушения свой строй *как таковой,* отстоять его в борьбе с социализмом, уже ставшим реальным фактом больше чем на $^1/_6$ части земного шара. „Национальная" идеология фашистских теоретиков всем своим острием направлена против *принципа классовой борьбы пролетариата, против пролетарской революции.* Классовая борьба объявляется чем-то „недействительным", „неправомерным", противоречащим самой природе общественной жизни, самому „характеру народности", „национальности". Принципу классовой борьбы противопоставляется принцип национальной борьбы. Весь смысл общественной жизни, всех отдельных ее областей, всех ее организаций, всех усилий отдельных ее членов усматривается в *непрерывной борьбе наций и рас.* Действительные противоречия, противоречия классов, объявляются *мнимыми.* С другой стороны, мнимые противоречия, какими являются противоречия между нациями,—ибо не следует смешивать отдельных империалистических группировок, отдельных национальных отрядов всемирной буржуазии с нациями в целом,—эти мнимые противоречия здесь превращены в закономерность, которой подчиняются все слои общества, все классы. Само собой разумеется, что обе части этого стратегического маневра составляют единое целое.

Национализм всегда свойственен буржуазной идеологии. Всякий национализм исходит из принципа „общности интересов всей нации", из принципов враждебности данной нации всем другим. Особенностью фашистского национализма является то, что обе его стороны—и сторона, обращенная против классовой борьбы, и сторона, заостренная против других наций,—получают *новое* содержание и оформление. Фашизм—это открытая диктатура буржуазии, открытая в том смысле, что отбрасываются либералистские побрякушки, атрибуты „демократии", парламентаризм, принцип представительства, разделения властей, самоуправления в широком размере и т. д., но в свою очередь прикрываемая националистической и социальной демагогией.

Национализм играет огромную роль во всей фашистской идеологии. Отсюда и задача конкретного изучения и сопоставлений фашистского национализма и либералистского. Либерализм эпохи империализма, как и предыдущего периода развития капитализма, также националистичен. Национализм свойственен буржуазной идеологии на всем протяжении ее развития. Но фашистский национа-

лизм имеет ряд отличительных черт. Националистические теории фашизма Германии, анализируемые и критикуемые в данной работе, довольно ярко отражают отличительные черты фашистского национализма.

Они имеют в то же время и ряд своих „национальных" особенностей, отражающих конкретные, специфические условия империалистического развития и всеобщего капиталистического кризиса в Германии.

3. Фашизм и национализм в Германии

I

История Германии последних нескольких лет—третьего периода в послевоенном развитии капитализма—это история ее ускоренной фашизации, непрерывного роста крайне фашистских тенденций и элементов в системе буржуазного господства, роста фашистского движения и фашистских партий, завершившегося установлением самой оголтелой и разнузданной фашистской диктатуры—гитлеровского „национал-социалистского" правительства. Это в то же время история неуклонного революционного подъема масс, назревание революционного кризиса, нашедшего свое яркое выражение в усилении экономической и политической борьбы пролетариата крупнейших центров Германии (Рур, Берлин, Гамбург и др.) и особенно в росте германской компартии, в расширении ее влияния на широкие трудящиеся массы, в ряде ее крупных успехов в борьбе с *фашизмом и социал-демократией.*

Таковы две стороны того исключительного обострения классовой борьбы, которое характерно для Германии (и конечно не только Германии) на протяжении последних лет.

Период частичной, относительной, неустойчивой, гнилой стабилизации 1924—1928 гг. сменился периодом глубочайших экономических и политических потрясений, охватывающих империалистический мир, периодом назревания революционного кризиса в ряде решающих узловых пунктов всемирной капиталистической системы.

Мировой экономический кризис, поразивший в той или иной степени все страны капитализма, с *особой* силой проявил себя в Германии. Будучи выражением и составной частью всеобщего кризиса капитализма, он получил в Германии для своего бурного развития ряд добавочных предпосылок и условий. К последним относятся следующие:

во-первых, германский капитализм особенно сильно пострадал от империалистической войны. Вплоть до 1924 г. хозяйство империалистической Германии непрерывно находилось в очень тяжелом состоянии, временами переходившем в состояние полного развала и катастрофы;

во-вторых, по условиям, созданным Версальским договором, Германия лишилась колоний, потеряла часть своей территории с значительными сырьевыми ресурсами и производственными фондами (Эльзас-Лотарингия, Верхняя Силезия и др.), что весьма сильно затруднило внутренне и внешне хозяйственное положение ее;

в-третьих, в течение чуть ли не десятка лет из Германии выкачивались колоссальные *репарационные суммы,* падавшие огромной тяжестью на ее хозяйство, в первую очередь уменьшая покупательную способность трудящихся масс, суживая этим внутренний рынок и создавая дополнительные трудности для промышленности, особенно производящей средства потребления, и для сельского хозяйства Германии. Проведение *плана Дауэса,* так называемая „дауэсизация Германии“, а затем и плана *Юнга* привело к тому, что в германском хозяйстве накопилось много „замороженных иностранных кредитов (в особенности краткосрочных). Начавшийся под влиянием обостряющейся классовой борьбы в стране отлив этих кредитов, как и бегство германских капиталов за границу, вызвал необычайно острый кредитный кризис (особенно в 1931 г.) и подействовал разрушительным образом на финансовое состояние страны и на государственный бюджет, которые были и так поставлены на грань банкротства политикой „самопомощи“ германской буржуазии;

в-четвертых, промышленный кризис переплелся с аграрным кризисом, длящимся в Германии уже многие годы и обостряющим в свою очередь кризис всей экономической жизни Германии. Довольно значительный удельный вес аграрного капитала юнкерства и кулачества в Германии—особенно в социально-политической жизни—обошелся ей очень дорого. Юнкерам и кулакам были даны огромные субсидии и дотации, которые конечно не были в состоянии ослабить аграрного кризиса, а лишь привели, падая своей тяжестью на плечи трудящихся масс, к дальнейшему снижению жизненного уровня этих масс, к еще большему обнищанию деревенской бедноты и таким образом к еще большему сокращению емкости внутреннего рынка;

в-пятых, наконец *развертывание классовой борьбы пролетариата,* расшатывание буржуазного господства, брожение в рядах пауперизованной и разоряющейся мелкой буржуазии, усиление реакционности и агрессивности политики господствующих классов—все это, будучи следствием и выражением кризиса капиталистического строя, в свою очередь превращается в фактор, углубляющий и обостряющий этот кризис. Это обстоятельство играет в условиях Германии—при ее высоком уровне социально-экономического развития, многочисленности и компактности пролетариата, высокой политической активности и организованности его, наличии мощной коммунистической партии, с одной стороны, и массовых, сплоченных, вышколенных буржуазных, контрреволюционных организаций, с другой—*особенно большую роль.*

В силу всего этого Германия является в течение последних нескольких лет ареной ожесточенной классовой борьбы. *Объективные предпосылки* для пролетарской революции тут имеются в большей степени, чем в других крупнейших капиталистических странах. И *субъектиные факторы* социалистической революции—растущий коммунистический авангард пролетариата, революционизирование широких пролетарских масс—здесь также сильнее, хотя еще отстают во многом. Здесь *ключ* к объяснению факта быстрого роста в течение последних лет фашизма в Германии и установления в ней фашистского режима.

В то же время необходимо уяснить, что современный германский фашизм является продуктом *всего* послевоенного развития капиталистической Германии. *Развитие фашизма* в Германии (как и в других странах)—это *сложный, диалектический процесс*, отражающий собою всю сложность и многообразие сторон того явления, которое мы называем *всеобщим кризисом капитализма*. В многолетней борьбе с назревающей пролетарской революцией, с коммунистической партией, борьбе, протекавшей в самых различных условиях,—то гражданской войны, как в период 1919—1923 гг., то „стабилизированной", „успокоенной", „демократической" республики, как в период 1924—1928 гг., то снова в обстановке учащающихся классовых, революционных боев в последние годы, выдвигая на передний план то одну, то другую буржуазную партию, управляя при помощи то социал-демократических правительств, то коалиционных, то целиком крупнокапиталистических, то организуя „пассивное сопротивление" Франции (в 1928 г.), то проводя „политику выполнения" репарационных обязательств,—в *течение больше десятка лет германская буржуазия создавала и организовывала, тренировала и проверяла многочисленные кадры фашистских руководителей*.

В 20-х годах германские фашисты представляют собой еще разрозненные, необъединенные ни идеологически, ни тем более организационно отдельные, преимущественно местного характера, группы. Уже в 1929—1930 гг. они были объединены в две большие централизованные партии—„национал-социалистов" и националистов, их вооруженные силы собраны в двух военизированных, обученных и вышколенных армиях („штурмовые отряды" и „Стальной шлем"), кроме рейхсвера и полиции, которые также неуклонно фашизировались. Тенденция к объединению всех сил фашизма в *одной* организации, под одним общим руководством заметно стала выступать уже в конце 1932 г. Приход к власти Гитлера означал решительный перелом в этой области—начало нового, принципиально отличного в этом отношении периода. Шаг за шагом осуществлялась передача полноты власти в руки гитлеристов. Целое звено фактов и событий составили эту цепь концентрации и централизации фашистских сил германской реакции в одной правительственной, террористической организации—включение штурмовых отрядов в системы государственных и муниципальных организаций, развертывание борьбы внутри лагеря „национальной" революции между „национал-социалистами" и националистами (партией Гугенберга), переход „Стального шлема" к „национал-социалистам" и растворение их в штурмовых отрядах, переход ряда местных организаций и руководителей партии националистов к „национал-социалистам", усиленный нажим со стороны последних на руководство партии националистов в вопросе об „унификации" партийного состава правительства, ряд мероприятий, направленных к тому, чтобы вытеснить из него противников слияния обеих фашистских партий и т. д. *Руководящие верхи* германской буржуазии, исходя из необходимости и неизбежности концентрации всей власти в руках „национал-социалистов"—этой наиболее сильной и массовой партии германского фашизма, переходили к поддержке Гитлера, его

политике унификации фашистского движения под эгидой „национал-социалистов“ и установлению монолитной фашистской диктатуры под их руководством. Достаточно определенно эта линия крупного германского капитала выражена была например органом этих кругов, журналом „Фюрер брифе“, в апрельском номере которого было сказано по этому поводу следующее: „Мы убеждены, что опасность стихийной экономической революции может быть преодолена только правящей теперь партией, которая *одна* обладает властью... Развитие событий неизбежно идет к тому, что национал-социализм должен будет взять на себя полную ответственность не только за государство, но и за экономическую политику. По нашему впечатлению и *деловые круги* (сиречь империалистические элементы.—*М. А.*) чувствуют, что они *могут найти защиту только у национал-социализма*“.

Процесс концентрации и консолидации всех сил фашистской реакции сопровождался и сопровождается, как известно, большими трениями и конфликтами в лагере фашизма, принимавшими временами довольно острый характер. Противоречия в рядах „национальной концентрации“, отражающие собой противоречия между отдельными группами буржуазии (промышленным и аграрным капиталом, легкой и тяжелой индустрией, мелкой и крупной буржуазией и т. д.), давали себя иногда знать весьма ощутительно. Расхождение в вопросах о темпах фашизации, о методах ее, об отношении к отдельным группам внутри буржуазного фронта, в частности об отношении к социал-демократии, к левобуржуазным либеральным группам, в вопросах внешней политики,—все эти разногласия между отдельными фракциями империалистической реакции являются несомненнейшим фактом, игравшим то большую, то меньшую роль в социально-экономической и политической жизни современной Германии.

Сила большевиков в этом вопросе заключалась все время и сейчас заключается в том, что они, *во-первых,* марксо-ленинским анализом вскрывали сущность и конкретные предпосылки этих трений и противоречий в лагере реакции и контрреволюции, *во-вторых,* в том, что они давали совершенно объективную, т. е. революционную, оценку этим фактам, не преувеличивая и не преуменьшая их значения в классовой борьбе пролетариата, и, *в-третьих,* что является наиболее важным и определяющим, большевики (Коминтерн в целом и компартия Германии в частности) подчеркивали *второстепенный и подчиненный характер противоречий в лагере капитализма* по отношению к основным и решающим противоречиям—между революционным пролетариатом и господствующими классами, между восходящим социализмом и умирающим капитализмом; большевики все время ориентировали пролетариат на то, что по мере роста и обострения этих противоречий буржуазия, все более устрашаемая надвигающимся крахом, нарастающей пролетарской революцией, будет стремиться концентрировать и консолидировать, в пределах возможного, свои силы, причем на основе все более реакционной и в определенных условиях все более *фашистской* политики.

Силы революции сплачивают силы контрреволюции, сказал еще в свое время Маркс. Это положение блестяще оправдалось всем

развитием фашизма и реакции в Германии. Большевизм делал отсюда вывод—единственно правильный и революционный—о необходимости сплочения всех сил пролетариата и под его руководством трудящихся масс Германии, о консолидации на революционной основе *большинства пролетариата* и о большевизации германской компартии, о непримиримой борьбе с социал-фашизмом, с предательским руководством социал-демократии как о необходимых предпосылках завоевания большинства рабочего класса на сторону коммунизма.

Достаточно присмотреться к основным этапам развития германского фашизма, особенно его наиболее массовой партии—„национал-социалистов", чтобы убедиться в том, что *главное в фашизме*—это *открыто террористическое* подавление пролетариата, это организация гражданской войны против коммунистов, создаваемая буржуазией с целью „предупредить" пролетарскую революцию, когда она становится непосредственной угрозой, и подавить ее, когда она начинает развертываться. Эти этапы: 1) 1918—1923 гг., 2) 1924—1928 гг., 3) с 1928 г. по настоящий день—совпадают с тремя различными *периодами* в истории послевоенного капитализма. В отношении характеристики фашизма, как и всех других сторон социально-экономической и политической жизни Германии (и всего капиталистического мира), мы должны исходить из той периодизации, которую установил Коммунистический интернационал, которой он руководится в своей теоретической и практической борьбе и которая оказалась единственно верной и революционной. Нельзя понять развитие фашизма в Германии, не связывая этого вопроса с вопросом о состоянии классовой борьбы—о ее напряженности, интенсивности, остроте, о тех или иных формах ее—и в первую очередь и главным образом с вопросом о степени революционности пролетарских масс, с вопросом об объективных и субъективных предпосылках пролетарской революции в Германии в тот или иной период времени.

Первый этап в развитии германского фашизма падает на период с 1918 по 1923 г. Это период первых революционных боев германского пролетариата, закончившихся, как известно, временным поражением пролетарской революции, временным отливом революционной волны в Германии. Главной силой, которая спасла германский капитализм в этой обстановке, которая взяла на себя непосредственно дело подавления революции и потопила революционные восстания масс в потоках пролетарской крови, был контрреволюционный социал-фашизм—Шейдеманы, Носке, Эберты и т. д. Под их руководством и от их имени расправляясь с *советами*, восстанавливали „порядок" вооруженные силы германской контрреволюции. *Рейхсвер* под командованием „республиканских генералов", вроде Секта, и под руководством контрреволюционной *социал-демократии* был призван придушить революцию. Это положение было следствием того, что в той обстановке социал-демократическая, республиканская, конституционная, парламентская и т. д. *форма контрреволюции* имела больше шансов на успех, чем открыто *монархическая*, роялистская, какую собой представляли в большинстве случаев фашистские союзы и организации. В част-

ности международная обстановка больше способствовала этому, ибо надеяться на какую-либо помощь со стороны Антанты в борьбе с большевизмом, если она будет вестись под флагом реставрации вильгельмовской монархии, под знаменами фашизма, германский капитализм конечно не мог. Но решающую роль здесь сыграло то обстоятельство, что *фашизм* не был еще в такой мере *силен,* чтобы он мог справиться с революцией. Он только начал развертываться, делая первые шаги, нащупывая почву, создавая первые свои организации, не имея за собой еще широких масс буржуазии и мелкой буржуазии и не скрывая совершенно своей ненависти к рабочему классу. В этой обстановке фашистские контрреволюционные восстания, направленные не только против большевизма, но и против *буржуазной демократии,* которую активно поддерживали большинство мелкой буржуазии и значительные массы пролетариата, не могли опираться на широкую социальную базу и выродились в *путчи (капповский и гитлеро-людендорфский* в 1923 г.). Спасение буржуазного государства, дезорганизация и насильственное подавление пролетариата оказались миссией *социал-демократии.*

Несомненно однако и то, что фашистское движение, не встречая ни малейшего сопротивления со стороны социал-демократии, а чаще всего поддерживаемое ею, постепенно росло. Особенно это относится к *Баварии,* где классовая борьба приняла особенно острый характер и где факт существования в 1919 г. советской республики толкнул буржуазию и кулачество в объятия самой оголтелой реакции. Здесь фашисты под руководством Гитлера настолько укрепились, что сделали попытку захвата власти (8 ноября 1923 г.), окончившуюся по указанным выше причинам неудачей. С того времени *Бавария* стала цитаделью гитлеровского фашизма, центром национал-социалистского движения в Германии. Этот период, хотя и не принес каких-либо побед германскому фашизму, имел огромное значение для последующего развития фашизма, для выработки его идеологии, программы, стратегии и тактики, методов агитации и пропаганды. *Наиболее* дальновидные круги германской буржуазии сделали из событий 1919—1923 гг. тот вывод, что если социал-демократии удалось благодаря слабости и неопытности германских коммунистов удержать рабочих от революции и спасти буржуазное государство в *первых штурмах революции,* то было бы роковой ошибкой надеяться на то, что и в дальнейшем в аналогичных случаях *демократия и парламентаризм* всегда окажутся достаточными средствами, чтобы удержать массы в повиновении. Им стала ясной необходимость иметь, *помимо армии и полиции,* которые в свое время могли обеспечить буржуазный правопорядок, еще *специальные,* боевые, террористические, вышколенные, вооруженные организации, которые могли бы устоять против натиска революции, которые подавляли бы каждый новый революционный подъем пролетариата в зародыше. Такие организации германская буржуазия создавала в течение всего периода 1919—1923 гг. („Организацию С" (Консула) Эрхардта, Россбаха, „Союз Блюхера", „объединенные отечественные союзы" („V. V. V."), „национал-социалисты", „Стальной шлем", „Оргеш" (организация Эшериха) и т. д.). И если

фашизму в Германии не суждено было тогда утвердиться (как например в Италии, Венгрии и др.), то принципиальное признание в рядах наиболее реакционной буржуазии и мелкой буржуазии он получил вполне определенное, и не только лишь одно признание.

С этого времени, особенно с 1923 г., гитлеровское движение— в будущем наиболее массовое фашистское движение в Германии— субсидируется крупнейшими капиталистами Германии. В течение нескольких лет так называемой „стабилизации" германского капитализма (1924—1928 гг.) „национал-социализм" становится разветвленной организацией, имеющей многочисленные кадры организаторов, пропагандистов и агитаторов, либо вполне обеспеченных по своему имущественному положению, либо щедро оплачиваемых из партийной кассы, пополняемой солидными взносами финансовых и промышленных магнатов. В распоряжении гитлеровцев имеются опытные командиры штурмовых и защитных отрядов, искусные демагоги, ловкие ораторы. Они издают массу газет, собирают тысячи митингов, проводят демонстрации и т. д. Для усыпления бдительности трудящихся масс и для поддержки престижа парламентаризма, поскольку таковой еще нужен, „демократические" правительства иногда симулируют „борьбу" с фашизмом, полиция производит „обыски", социал-демократические шарлатаны заявляют, что они являются достаточной гарантией „против" фашизма и т. д. А на деле буржуазия все более и более отдает свои симпатии фашизму и под шумок социал-демократических и левоинтеллигентских деклараций „против" фашизма укрепляет фашистские организации, перестраивая их, учитывая опыт предыдущего периода его развития, опыт международного фашизма.

Нельзя понять этого явления, если не учесть того, что после 1923 г. коммунистическая партия Германии, оправившись через некоторое время от понесенных потерь, усиливает свои позиции в рабочем классе, развертывает все более успешную борьбу с социал-демократией и превращается с каждым днем во все более грозную революционную силу.

Таким образом, начиная с 1918 г. по настоящий момент, происходил *процесс фашизации буржуазного строя в Германии*. Этот процесс протекал неравномерно, то усиливаясь, то отходя на *время* на второй план, то опять и уже в несравненно большей степени, чем раньше, возрастая. Это—следствие неравномерности развития капитализма в пределах одной страны и в международном масштабе, как и неравномерности развития пролетарской революции, „спасительным" средством против которой фашизм призван служить. Другим обстоятельством, с которым связано развитие германского фашизма, является усиление империалистской агрессии германской буржуазии, рост реваншистских настроений, подъем волны национализма и шовинизма в мелкобуржуазных массах и попытки в той или иной степени освободиться от Версальского договора. Как и в 1922—1923 гг., так и в период 1928—1933 гг. это привело к усилению фашизма в Германии.

Все это естественно нашло свое идеологическое отражение. Сдвиги, происходившие в идеологии германской буржуазии в по-

следний период, шли в направлении фашизации. В частности это демонстрирует собою современное неогегельянство. Последнее мы рассматриваем как конкретную разновидность *идеологического подготовления* фашистской диктатуры, как идеологическое выражение и предвосхищение практики, осуществляемой теперь фашистским режимом в Германии.

Фашистское движение, выступившее под флагом „национальной Германии", получило свое идейное обоснование в националистической и этатистской теории послевоенного неогегельянства. Последнее—это продукт и идеологическое выражение фашизации Германии.

Остановимся на двух основных политических лозунгах германского фашизма—*антиверсале и антивеймаре,* которые, как мы увидим в последующем изложении, стоят в центре социально-политических построений гегельянствующих фашистов.

II

Когда мы говорим о современной Германии как об одном из наиболее слабых звеньев всемирного империализма, то мы непосредственно подходим к вопросам версальской системы. Версальская система является важнейшим фактором, определяющим те *особые* условия и формы, в которых разворачивается всеобщий кризис капиталистической системы в пределах Германии.

Что представляет собой версальская система? Те колоссальные завоевательные империалистические планы, с которыми вступил в империалистическую войну 1914—1918 гг. германский империализм, как известно, потерпели крах. Война 1914—1918 гг. принесла с собой крупнейшие поражения германского империализма, она закончилась Версальским договором, в тисках которого до сих пор зажат германский империализм.

Версальская система подорвала *в первую очередь* экономическую мощь германского империализма. Германия понесла значительные территориальные потери—около 12%—и потери населением—около 8%. Она совершенно лишилась колоний, общая площадь которых составляла около 3 млн. *кв. км.* Она лишилась важнейших источников сырья, саарского угля и силезского железа, она потеряла Эльзас-Лотарингию, и наконец она была вынуждена и обязана платить колоссальнейшие контрибуции—репарации. В форме репарации из послевоенной Германии были выкачены огромнейшие материальные ресурсы деньгами и натурой.

Вторым результатом версальской системы является то, что ею была значительно подорвана, а в первое время почти сведена на-нет военная мощь Германии, несравненно ухудшено ее международное положение. Она была сведена на положение третьестепенной державы. Она была окружена кольцом враждебных империалистических держав. Она была разоружена—у нее отобрали огромное количество вооружения, было уничтожено много крепостей, была запрещена всеобщая воинская повинность, сокращена армия до 100 тыс. человек, установлена регламентация всей военной промышленности, установлен принцип *санкций,* дающий возможность при-

менения ряда репрессий в отношении Германии со стороны Лиги наций[1].

В результате всего этого была закреплена на длительный срок, вплоть до настоящего момента, гегемония Франции на европейском континенте. Версальская система подвела под эту гегемонию экономическое основание. В течение послевоенных лет Франция быстро пошла вперед по линии хозяйственного развития. Она перестроила на более высокой технической основе решающие отрасли своей промышленности, в первую очередь военную, химическую и авиационную. Она создала одну из самых сильных среди империалистических стран армию и воздушный флот. Наконец она создала систему военных союзов из малых государств, которые плотным кольцом окружают побежденную Германию.

Все эти условия были оформлены и получили обязательную силу в целом ряде договоров—в Сен-жерменском, Трианонском, Нейском и Севрском.

Германский империализм *вынужден* был пойти на условия, продиктованные Версалем. *Во-первых,* он не имел возможности дальше вести войну—дальнейшее сопротивление привело бы немецкий империализм к еще более тяжелым поражениям, к еще более унизительным условиям мира. *Во-вторых,* ему непосредственно угрожали внутренний крах, распад империи, гражданская война, пролетарская революция. Поэтому он вынужден был взять на себя обязательства, вытекающие из версальской системы, и вынужден был их выполнять.

Но он никогда не переставал лелеять мечту о реванше. Заправилы крупного германского капитала с полной ясностью представляли себе тот факт, что уничтожение версальской системы возможно только в результате новой войны. С другой стороны, им было совершенно ясно, что отмена Версаля мыслима только как этап к новой империалистической войне, к новому переделу мира, к новой перекройке политической карты Европы и всего мира. Наиболее реакционные и националистические круги немецкой крупной и мелкой буржуазии все время сохраняли и культивировали идею реванша. Достаточно указать, что в программе националистов и „национал-социалистов“ формально зафиксированы несогласие с версальской системой и необходимость борьбы с ней как одна из важнейших задач „немецкого народа“. Германская буржуазия старалась сохранить все, что можно было, из людских и материальных ресурсов для того, чтобы, воспользовавшись в дальнейшем более благоприятными условиями, приступить постепенно к восстановлению армии, к восстановлению своей военной мощи. Ряд задач, поставленных в этой плоскости, был частично выполнен еще в самом начале. Например удалось сохранить лучшую часть офицерства, кадровый состав армии, удалось постепенно создать полувоенные организации, составляющие активные и боеспособные резервы будущей армии, развернуть ряд спортивных организаций, также имеющих аналогичное назначение.

---

[1] В порядке санкций была произведена оккупация правого берега Рейна в 1921 г. и Рура в 1923 г.

Германский империализм пошел на принятие Версальского договора не сразу, а после того, как убедился в невозможности сопротивляться ему, по крайней мере активно. Пассивное сопротивление, иногда в довольно резкой форме, длилось фактически до конца 1923 г., причем одно время оно проводилось даже в организованно-государственном порядке—правительством *Куно* в 1923 г., в период оккупации Францией Рура. Огромную роль при этом играли фашистские боевые организации, которые могли поставлять в самый короткий срок многочисленные военные части—вооруженные, обученные и дисциплинированные. Так было например в период отторжения от Германии части *Верхней Силезии* в пользу Польши и Чехо-Словакии, так было в период „пассивного сопротивления" в Руре. Но полностью использовать эти милитаризованные людские кадры, националистически настроенные и в значительной своей части ставшие профессионалами от войны, германскому империализму не было суждено в тот период. Оживление националистических, фашистских, организаций в такой обстановке было своего рода „производственной практикой" для этих организаций, их подготовкой к грядущим схваткам империалистической Германии с ее империалистическими соперниками, в первую очередь с Францией и ее военными союзниками.

Зато они получали полный простор для своей „национальной деятельности" в установлении „порядка и спокойствия"—в подавлении революционных восстаний пролетариата. Так в апреле 1919 г. в так называемом „временном рейхсвере" числилось около 350 тыс. человек добровольцев. При этом военное министерство считало необходимым производить дальнейшую вербовку людей „ввиду невозможности при этих силах обеспечить внутренний порядок и гарантировать безопасность восточных границ". Когда в 1923 г. по Германии вновь прокатилась волна пролетарской революции, „демократический" генерал Гесслер также организовал дополнительный так называемый „черный рейхсвер", который кроме кадровых 70 тыс. солдат имел еще огромные резервы в лице полувоенных и фашистских организаций и в виде „переменного состава"—из лиц, обучавшихся при нем, а также при официальном рейхсвере. Таким образом военная подготовка кадров для нужд гражданской войны против пролетариата также содействовала накоплению скрытых боеспособных резервов империалистической армии. В дальнейшем, в период „стабилизации", вся эта людская масса из бывших офицеров и унтер-офицеров и фронтовиков вильгельмовской армии и из наемных добровольческих белогвардейски-фашистских армий контрреволюции была организована в полувоенные, спортивные организации, в разного рода контрреволюционные отряды „самообороны" и наконец в основные фашистские военные организации—в „Стальной шлем", штурмовые и защитные отряды „национал-социалистов". Националистической организацией являлся также и „Союз республиканского флага" („Рейхсбаннеры"), состав которого в большинстве своем также воспитывался в шовинистическом, милитаристическом духе. Стало быть подготовка *людского состава* для будущих войн Германии (как и во всех других странах капитала) шла то более, то менее усиленными темпами все время.

Иначе обстоит дело с материальной частью—с *вооружением,* которое строго лимитировано Версальским договором и вывести которое за эти лимиты Германия не имеет право. Вопрос о вооружении—острейший вопрос для германского империализма, и на уступки Германии в этом вопросе блюстители версальской системы не идут и сегодня не собираются итти. Пока что германский империализм упорно готовит силы, в том числе и вооружения, поскольку это возможно в формальных пределах Версальского договора, фактически их обходя для того, чтобы в ближайшей благоприятной обстановке попытаться добиться его отмены вооруженным путем. Но версальская система пока существует. Она, правда, пережила за весь период своего существования весьма значительные изменения. Еще в период капиталистической стабилизации произошли известные сдвиги в том соотношении сил в Европе и во всем мире, которое называется версальской системой. Это произошло, *во-первых,* в результате усиления противоречия между странами-победительницами в последней войне и, *во-вторых,* в результате экономической невозможности выполнения всех обязательств, вытекающих из Версальского договора. Достаточно указать, что уже в период 1923—1924 гг. Германия стояла по существу на краю пропасти. Этими двумя обстоятельствами определялись те линии, по которым шло изменение самой версальской системы. Конец капиталистической стабилизации знаменуется весьма значительными изменениями версальской системы, изменениями, которые характеризуются как *надлом* ее. Но это преимущественно касается вопроса о репарациях. Стало ясно, что не может быть и речи о том, чтобы в нынешних условиях Германия продолжала платить колоссальные репарации. Кризис, особенно обрушившийся на Германию, сделал ее неплатежеспособной даже с точки зрения ее кредиторов. Из этого факта вынуждены исходить блюстители этой системы и в том числе французский империализм. Если в свое время американский доллар сделал возможным кратковременный подъем хозяйства Германии, если план Дауэса создал *рамки,* сделавшие возможным выполнение в соответствующих размерах репарационных платежей, то сейчас, само собой разумеется, для этого условий нет. Сама действительность поставила под вопрос экономическую программу версальской системы. Но военно-политическая сторона ее сохранена. Французский империализм на протяжении последних лет неоднократно со всей ясностью демонстрировал, что он не потерпит даже самой постановки вопроса об изменении военно-политических условий, установленных Версалем, что не может быть разговора о восстановлении довоенных границ, о восстановлении армии и флота Германии и т. д.

Но противоречия все возрастают. Противоречия империалистических стран—Англии, Франции, Италии, Америки и т. д.—образуют самый сложный переплет международных отношений, который делает если не невозможным, то во всяком случае в высшей степени затруднительным сохранение версальской системы в том виде, как она существует до настоящего времени. Немецкий империализм толкается всей объективной обстановкой на путь открытой

борьбы с Версалем. *Во-первых,* он толкается к этому экономическим положением страны, тем фактом, что хозяйство Германии, обремененное колоссальными издержками, связанными с версальской системой, находится на краю пропасти. *Во-вторых,* отмена или хотя бы существенная „ревизия“ Версаля является для германского империализма необходимостью и в силу обострения международных противоречий в условиях подготовки новых империалистических войн, новых столкновений между империалистическими государствами, в стороне от которых (столкновений) Германия конечно остаться не может.

Немецкий империализм в последнее время все более открыто ставит вопрос о пересмотре версальской системы. 1932 и 1933 гг. характеризуются особенным усилением *открытой* антиверсальской борьбы. Об этом говорят не только выступления ответственных представителей германского империализма фон-Папена, фон-Шлейхера, Гесслера, а затем Гитлера, Геринга и др., об этом говорит не только боевой, откровенно антиверсальский тон фашистской прессы,—это подтверждается также и той практической работой, которая ведется по мобилизации, расширению и укреплению военной мощи германского империализма на протяжении последних нескольких лет.

Националистическая борьба с версальской системой занимала и занимает крупнейшее место в теории и практике, пропаганде и агитации немецкого фашизма. Фашизм широко и искусно использовывал те чувства возмущения и протеста против версальской системы, которые все больше накоплялись в массах и на основе разнузданной шовинистической демагогии привлек на свою сторону огромные миллионные массы мелкой буржуазии и крестьянства. В значительной мере благодаря этому „национал-социализм“ превратился в массовую фашистскую партию, все больше разрастался и наконец стал господствующей фашистской партией буржуазии. Со всей четкостью этот факт был отмечен Коминтерном: „Версальская система ограбила Германию и поставила германские трудящиеся массы под гнет невыносимой эксплоатации не только своего, но и иностранного капитала, которому германское правительство должно было переводить репарационные платежи. Гнет Версаля, помноженный на гнет „своей собственной“ немецкой буржуазии, привел к небывалому падению мелкой буржуазии города, при котором часть крестьянства и городской мелкой буржуазии во все большей мере стала считать своим идеалом довоенную Германию, в которой еще не было общего кризиса капитализма и не было такого обнищания масс, как теперь. Понятно поэтому, что в момент сильнейшего экономического кризиса, усугубившего тяжесть внешнего, версальского национального гнета, и в связи с тем, что пролетариат оказался по вине социал-демократии расколотым и значит недостаточно сильным для того, чтобы повести за собой городские мелкобуржуазные и крестьянские массы, в этот момент не мог не вспыхнуть, и действительно вспыхнул, бурный взрыв немецкого национализма и шовинизма, значительно укрепивший политическое положение буржуазии и вынесший на поверхность наиболее дема-

гогическую националистическую партию—партию „национал-социалистов“ [1].

Для фашистского национализма характерна форма более или менее открытой борьбы против Версальского договора. Фашистские националисты доказывают с открыто империалистических позиций неправомерность Версаля, его принципиальную несостоятельность, его обреченность. Это не исключает конечно и того, что эти выступления, эта открыто антиверсальская линия сочетается с выполнением условий, поскольку это еще неизбежно, поскольку сегодня нет фактической возможности игнорировать или саботировать Версальский договор. Это не исключает также и того, что фашистские националисты используют и пацифистскую фразеологию, поскольку она в ходу в международных дипломатических отношениях и поскольку она является идеологической формой борьбы вокруг версальской системы на международной арене. Все силы—и теоретические и политические—германского национализма усиленно работают в том направлении, чтобы идейно дискредитировать версальскую систему, чтобы идейно, психологически подготовить массы к открытой и прямой борьбе с ней, когда для этого сложатся благоприятные условия. Само собой, что *эта борьба идет на последовательно империалистическом, на националистском и фашистском основаниях*. Фашисты-националисты яростно выступают против пацифизма, они выступают против Лиги наций, поскольку ее официальным идеологическим оружием является пацифизм. Но, повторяем, ему противопоставляется открытая империалистская, агрессивная, реваншистская идеология. Таким образом пацифизм отбрасывается в той мере, в какой он как идеология не соответствует задачам мобилизации и подготовки новой империалистической войны. Пацифизм отбрасывается, поскольку он заменяется другой формой подготовки *этой* же империалистической войны, формой более действенной, более, по мнению фашистов, эффективной.

Тут мы переходим к вопросу о всей той националистической *демагогии*, которую германский фашизм развивал и сейчас развивает вокруг Версаля. Версаль превращается в источник буквально всех зол и бедствий, которые переживает „германский народ“. На версальскую систему сваливается, как и на Веймарскую конституцию, ответственность за все то отталкивающее, отрицательное, что характеризует состояние современного германского империализма,—за кризис и крахи банков и трестов, за безработицу, за обнищание масс и т. п. Германские националисты стремятся возможно больше „заработать“ на версальской системе. Они изображают дело таким образом, что, не будь ее, Германия процветала бы, она не только не знала бы никаких бедствий, но она показала бы всем народам дорогу к „прекрасному будущему“. Не будь ее, говорят националисты, германский народ был бы „единым“, он не был бы разбит на отдельные враждующие между собой лагери и т. д. А поскольку, мол, германские националисты являются единственными борцами против версальской системы, постольку лишь они действительно

[1] См. резолюцию Президиума ИККИ по докладу т. Геккерта „О современном положении в Германии“ в апреле 1933 г.

пекутся о судьбах германского „народа“. С националистической демагогией сочетается и соответствующая социальная демагогия. *Империалистический путь выхода из версальской системы* изображается „национал-социалистскими“ идеологами реванша как настоящая „революция“, как революция даже „социалистическая“, как величайший акт „освобождения“ не только германского народа, но и всего мира от цепей „либерализма, международного капитала, еврейства, марксизма“ и т. д. Фашистские националисты сваливают вину за Версаль на большевизм, на „марксизм“, демагогически смешивая в одну кучу пацифистов, культивирующих Лигу наций, и революционных марксистов, борющихся против всяких форм империалистического гнета, в том числе и против политики Лиги наций. В системе националистической демагогии „анти-Версаль“ занимал и занимает исключительно большое место. На деле версальская система является лишь фактором внешним, дополнительным к тем основным факторам, которые привели хозяйство и трудящиеся массы к нищете, к *его внутренним противоречиям,* заложенным в капиталистической системе и нашедшим свое наиболее резкое и концентрированное выражение в кризисе. Германские империалисты, втянувшие страну в войну 1914—1918 гг. и ответственные за те ужасные последствия, к которым она привела в отношении Германии, демагогически сваливают ответственность за *все грехи* германского капитализма на версальскую систему.

Идеологическая и психологическая подготовка новой реваншистской войны германскими империалистами, особенно из лагеря наиболее реакционных националистов, из лагеря фашизма, продолжалась все время. Особенно она усилилась в последние годы. Неогегельянские теории национализма и империализма, как и другие им подобные, можно понять только в свете этой империалистски-антиверсальской политики, пропаганды и агитации германского фашизма.

III

Перейдем теперь к другому лозунгу, с которым связана фашизация буржуазной идеологии в Германии, под знаком которого проводилась фашизация государственного аппарата, фашизация всей внутренней политики господствующих классов Германии. *„Долой Веймар!“*—таков этот лозунг. Открытое отрицание Веймарской конституции, борьба за создание „сильного“ „национального“, т. е. фашистского, государства—такова вторая отличительная черта германских фашистов, как и всех других наиболее крайних партий реакции в Германии. После бурных 1918—1923 гг., в течение которых германский фашизм получил свое первое боевое крещение, он начинает вновь быстро расти, начиная с 1927 г. В 1928 г. значительный подъем новой фашистской волны уже налицо (на майских выборах 1928 г. в рейхстаг фашисты выиграли около $1\frac{1}{2}$ млн. голосов). В то же время политика правительства становится все более реакционной—все буржуазные партии, в том числе и социал-демократы, сдвигаются в своей политике направо. Революционизи-

рование масс толкает буржуазию на путь усиления репрессий, на поспешное свертывание буржуазно-демократических „свобод". В 1929 г. социал-демократический полицей-президент Цергибель расстреливает первомайскую рабочую демонстрацию. Резкий перелом в сторону убыстрения темпов фашизации буржуазии, ее партий и организаций происходит в середине 1930 г. С этого момента фашизация Германского государства уже идет на всех парах. В результате этого уже в конце 1931 г. от Веймарской конституции фактически мало что осталось. Остался только один параграф *48*, который дает возможность по существу игнорировать эту самую конституцию. Вслед за Брюнингом, проводившим фашизацию, не разгоняя рейхстага, мы видим уже правительство фон-Папена, при котором Веймарская конституция является *фактически*, на деле, клочком бумаги. Фон-Папен продемонстрировал совершенно открыто, что германская буржуазия собирается править без рейхстага в том случае, если последний не обеспечит ей твердой и сильной власти.

Умирание Веймарской конституции было результатом всеобщего кризиса капитализма, с особенной силой ударившего по Германии. Постепенная отемна Веймарской конституции означала постепенный переход ко все более *открытым методам* фашистской диктатуры. Разгорающаяся классовая борьба диктовала буржуазии тот вывод, что парламентаризм, буржуазные „свободы" уже не годятся как форма государственного господства буржуазии. То обстоятельство, что усиленно нарастал революционный подъем трудящихся масс, что со все большей быстротой и интенсивностью назревал революционный кризис, что германский капитализм находился уже под непосредственной угрозой пролетарской революции, определяло ускоренный переход буржуазии на рельсы фашистской диктатуры. Крупный капитал Германии бросился искать выход в фашизации, в усиленной реакции, в подавлении всех форм сопротивлений со стороны рабочего класса, в подавлении всех его революционных организаций. В то же время само классовое существо веймарской „демократии", ее эволюция в сторону все большей реакционности, неизбежная в условиях всеобщего кризиса буржуазного строя, противоречия, в ней заложенные,—все это подготовило ее ликвидацию и замену открытым фашистским режимом, когда последнее сделалось для буржуазии необходимым, ибо: „Веймарская „демократическая" буржуазная республика в условиях империализма, тем более в побежденной в империалистической войне стране, капитализм которой глубоко подорван общим кризисом капиталистической системы, могла быть только реакционной диктатурой буржуазии. Рабочее законодательство, страхование и демократические права, которые буржуазия вынуждена была дать рабочим в годы революции, постепенно отнимались у рабочих стоявшей у власти веймарской коалицией, состоявшей из социал-демократов, партии центра и „демократов". Постепенные и непрерывные уступки реакции, постепенная отмена одного пункта конституции за другим, одного завоевания рабочих за другим, постепенная фашизация всего государственного аппарата настолько дискредитировали веймарскую

коалицию и Веймарскую республику, что они потеряли сколько-нибудь серьезное значение в глазах широких масс“ [1].

В связи с этим центр социальной опоры классового господства германской буржуазии постепенно перемещался с социал-демократии на фашизм, в дальнейшем объединивший свои силы вокруг *Гитлера* и превративший „национал-социалистов“ в руководящую господствующую партию крупного финансового, промышленного и аграрного капитала Германии,—причем сам этот процесс фашизации, непрерывного уменьшения роли социал-демократии в руководстве государством, завершившегося в дальнейшем полным изгнанием социал-демократии из государственных органов, протекал все время при поддержке и под прикрытием самой социал-демократии.

Социал-демократия являлась все время главной социальной опорой буржуазии. Но в условиях приближения пролетарской революции она становилась уже недостаточно сильной опорой для осуществления буржуазной диктатуры, и поэтому все более и более выступал на авансцену фашизм. Рабочие все более начинали убеждаться в безвыходности того пути, по которому все время их призывала итти социал-демократическая верхушка, вожди социал-демократии. В их среде стали нарастать элементы недовольства, оппозиционности, недоверия к социал-фашистским руководителям. Под тяжестью чрезвычайных декретов, непрерывного уменьшения зарплаты, ухудшения своего материального уровня они стали тянуться к революционным действиям. Социал-демократические вожди становились все менее и менее способными парализовать эти революционные настроения. Эта социальная опора уже не в состоянии была выдержать колоссальную тяжесть капиталистического господства. Социал-фашизм, как умеренное крыло фашизма, всеми силами старался выполнить свои задачи, задачи расчищения пути целиком фашистской, открыто террористической диктатуре германской буржуазии. „Теоретическим“ оформлением этой предательской тактики была теория „меньшего зла“, при помощи которой социал-демократия поддерживала все более фашизированные правительства и все более фашистскую политику Брюнинга, фон-Папена, Шлейхера, а под конец и „наибольшее зло“—Гитлера, объявив его правительство вполне соответствующим Веймарской конституции.

В числе факторов, приведших „национал-социалистов“ к власти, наиболее важным является контрреволюционная политика раскола рабочего класса, обезоружение его в борьбе с фашизмом, прямая поддержка фашизма, проводившаяся социал-демократией на протяжении многих лет. „Германская социал-демократия, за которой шло большинство пролетариата в ноябрьской революции 1918 г., расколола рабочий класс и, вместо того чтобы вести революцию вперед к диктатуре пролетариата и социализму, что являлось бы обязанностью пролетарской партии, она в союзе с буржуазией и кайзеровскими генералами разгромила восстание революционных масс и положила начало глубокому расколу рабочего класса Гер-

---

[1] Из резолюции Президиума ИККИ по докладу т. Геккерта „О современном положении в Германии„.

мании. Она, под флагом сотрудничества с буржуазией и тактики „меньшего зла", в союзе с буржуазией и при одобрении всего II Интернационала продолжала эту политику жестоких репрессий против революционного движения и линию раскола рабочего класса до последних дней. Она закрыла Союз красных фронтовиков, запрещала революционные рабочие организации, запрещала и расстреливала рабочие демонстрации, срывала экономические и политические стачки против наступления капитала и фашизма и поддерживала власть контрреволюционной буржуазии. Социал-демократия концентрировала в руках своей коррумпированной бюрократической верхушки руководство массовыми рабочими организациями. Она исключала из них революционных рабочих и сетью подчиненных ей централизованных рабочих организаций связала инициативу рабочих масс, подорвала их боеспособность в борьбе против капитала и фашизма и помешала дать решительный отпор наступающей фашистской диктатуре и террористическим фашистским бандам. Таким образом установление фашистской диктатуры в Германии является в конечном счете следствием социал-демократической политики сотрудничества с буржуазией в продолжение всего существования Веймарской республики. *Коммунисты были правы, именуя социал-демократов социал-фашистами*" [1].

Вся послевоенная эволюция социал-демократии—особенно германской—шла в направлении фашизации в области и практики и теории. В частности это относится и к национализму. Разве социал-фашисты не развивали на всякие лады теорию так называемого „национального государства" как надклассового, этим помогая фашистам в их националистической и „социалистической" демагогии? Разве социал-фашисты не подхватили и не разнесли по всему миру фашистскую „теорию организованного капитализма" как фазы мирного перехода от капитализма к социализму, оказывая этим неоценимую помощь загнивающей империалистической реакции в ее борьбе с революционным марксизмом? А теории „государственного социализма", осуществляемого „надклассовым", „надпартийным" государством, разве они не сослужили большую службу в деле дезориентации пролетариата и в подготовке идеологической почвы для „национал-социализма" в мелкобуржуазных массах? Десятки лет пропаганды национализма и яростной борьбы против коммунизма со стороны социал-фашизма сыграли огромную роль в деле облегчения фашистам в их исключительном по размаху и бесстыдству обманывании масс лозунгами зоологического шовинизма и фальшивого мошеннического „социализма". Это настолько бесспорно, что многие социал-фашистские лидеры не скрывают этого, а, наоборот, даже аргументируют этим, выпрашивая себе у Гитлера право оставаться легальной и покорной партией германского капитала. И в теории, как и на практике, германская социал-демократия послушно следовала все время за буржуазией. И если в послевоенный период фашизирующаяся буржуазная идеология повернула „назад—к Гегелю", то социал-фашисты и здесь стремились не отставать. Лозунг

[1] Из резолюции Президиума ИККИ по докладу т. Геккерта „О современном положении в Германии".

„Назад—к Лассалю!“—выдвинутый еще в свое время родоначальником новейшего ревизионизма *Бернштейном*—принял в послевоенное время именно такой характер восстановления и распространения своеобразного, социал-демократического варианта гегельянства. Восстанавливаются и развиваются в *общефашистском* духе лассальянские концепции этатизма, национализма, государственного социализма, его метафизический идеализм и все остальное *гегельянское*, реакционное во взглядах Лассаля, подвергнутое уничтожающей критике в соответствующих работах Маркса—Энгельса [1].

Таковы условия социально-политического и идеологического порядка, на фоне которых следует рассматривать распространение неогегельянского этатизма и национализма в Германии. Оно должно рассматриваться как определенная *составная часть того процесса идеологического подготовления и вооружения германского фашизма, под знаком которого развивалась идеология германской буржуазии в течение в общем и целом всего послевоенного периода.*

---

[1] В данной книге автор не касался вопроса о неогегельянстве в националистских и этатистских концепциях социал-фашистов. Этому вопросу будет посвящена самостоятельная работа о неолассальянстве, которая рассматривается как продолжение и дополнение настоящей.

ГЛАВА II

Назад—к Гегелю!

„Из возвращения к Канту, которое было десятки лет общим лозунгом, постепенно выросло... возвращение к Фихте, Шеллингу, *Гегелю*".

(Виндельбанд)

Давая общую характеристику современному германскому гегельянству, можно, кажется нам, выставить следующее положение.

Если для германского капитализма в его доимпериалистической стадии, в стадии так называемого „классического капитализма", наиболее популярной и общепризнанной философской системой было *неокантианство,* то в эпоху империализма, особенно в последние его периоды, на такую роль—господствующей, наиболее авторитетной и излюбленной философии—начинает претендовать *неогегельянство.* Немецкая идеалистическая философия проделывает как бы *второй тур* своего развития: подобно тому, как в конце XVIII и начале XIX в. совершался переход от Канта к Гегелю так и теперь кантовская философия в современной ее форме уступает место гегелевской философии в форме неогегельянства.

Не случайно то, что возрождение гегельянства в Германии и ряде других стран началось в конце прошлого столетия—*в период вступления капитализма в свою империалистическую стадию.* Интерес буржуазных идеологов к Гегелю быстро возрастает, и уже перед империалистической войной 1914 г., в 1908—1910 гг., симптомы поворота к Гегелю выступают вполне явственно. В руководящих философских кругах официально констатируется возрождение гегельянства. В период империалистической войны это „новое" течение получает, можно сказать, свое боевое крещение как идеология *империалистической* экспансии, как философия современного милитаризма. Наконец послевоенный период—а особенно последние несколько лет всеобщего кризиса капиталистической системы—характерен буквально триумфальным шествием по философским площадям и базарам, по широким дорогам и отдельным закоулкам „идейного мира" немецкого (и не только немецкого) капитализма.

Развитие неогегельянства на протяжении последних лет не оставляет никаких сомнений насчет того, что оно есть одно из идеологических выражений и средств фашизации буржуазного строя, перехода от буржуазной демократии к фашизму. Но так же как фашизм органически вытекает, вырастает из буржуазной демократии, так и его идеологическая надстройка органически вытекает из идеологической надстройки буржуазного либерализма. Так же как фашистские государственно-политические принципы перемешиваются

на практике с буржуазно-демократическими, с парламентскими и пр., так и в теории, в идеологии имеется смесь неокантианских и неогегельянских принципов. Так же как нельзя принципиально противопоставлять фашизм буржуазной демократии, так и неправильно по существу противопоставление неокантианства и неогегельянства. Было бы весьма ошибочным, с другой стороны, умалять различия между ними. Не вскрывать самым внимательным образом *социально-политический* смысл этих различий было бы для коммуниста, большевика, чревато возможностями больших политических ошибок. Нельзя также наметить правильно основные линии борьбы с неогегельянской философией, не анализируя ее как идеологический продукт загнивания капитализма и фашизации буржуазного государства.

Реакционной буржуазная идеология является и в доимпериалистическую стадию. В частности в Германии неокантианский идеализм—в разных его модификациях—удовлетворял основным потребностям идеологической реакции. Это блестяще исчерпывающим образом доказано в работе Ленина „Эмпириокритицизм и материализм". Замечательно то, что Ленин не только констатировал реакционность, бесперспективность неокантианства, но и, гениально отмечая основные идеологические черты современного капитализма (через несколько лет он дал законченную теорию империализма в книге „Империализм как высшая стадия капитализма"), установил неизбежность еще большей реакции, когда буржуазная идеология целиком погрязнет в мистике, будет открыто проповедывать обскурантизм и мракобесие, когда малейшие стихийные „прорывы" диалектики в науке будут проклинаться как исчадие материалистического ада, когда буржуазия совершенно откажется от некиих идеологических грехов своей юности и предаст их анафеме на веки-вечные. Такой *прогноз*, каким одновременно являлся ленинский анализ, заключал в себе не только блестящую теоретическую, научную критику буржуазной философии, и особенно ее новейших реакционных направлений, но и определение *классовой, „партийной"* сущности этих философских направлений. Внутренняя „логическая" несостоятельность, творческая беспомощность, убожество, эклектика, трусость и прочие свойства буржуазной философии конца XIX и начала XX в. рассматриваются Лениным как проявление наступившей, *исторически обусловленной* несостоятельности капитализма как строя и буржуазии как господствующего класса. И так как, повторяем, Ленин представлял себе эту *несостоятельность* глубоко диалектически, так как он с исключительной ясностью видел всю сложность, многообразие, многогранность процесса гибели капиталистического строя и со стороны объективных предпосылок и со стороны субъективных факторов, то можно утверждать, что в ленинской оценке философии, которая им дана в „Материализме и эмпириокритицизме", содержатся моменты, определенно *ориентирующие* на вероятность и неизбежность появления новых „нео", которые и будут означать дальнейшую и „более высокую ступень" *философской реакции*, разложения буржуазной философии. И вот в числе появившихся мы имеем и „неогегельянство".

Путь к нему лежал через развитие всех *реакционных возможностей*, которые лежали в неокантианстве.

Целый ряд особенностей гегельянского идеализма, в особенности его философия национализма и этатизма, о которых мы будем ниже подробно говорить, привлекли к нему симпатии все больше уходившей в реакцию буржуазной идеологии. Что же касается Германии, то здесь действуют еще некоторые добавочные факторы.

К сожалению мы вынуждены тут ограничиться лишь некоторыми, наиболее важными сторонами этой проблемы. Но мы постараемся не терять из виду общую оценку и характеристику неогегельянства как идейного направления, подвизающегося в эпоху империализма и пролетарских революций, как идеологии фашистского мракобесия и террора.

I

Внешне историю неогегельянства можно в основных чертах представить следующим образом. В 90-х годах прошлого столетия происходит перелом в отношении изучения и популяризации гегелевских произведений. В Германии Лясcон, в Голландии Болланд возобновляют издание сочинений Гегеля с соответствующими комментариями; они пишут книги, посвященные популяризации отдельных сторон гегелевской философии. В 1906 г. появляется произведение итальянского философа—гегельянца Кроче—„Живое и мертвое в гегельянстве", сыгравшее значительную роль в усилении интереса к Гегелю. Перед войной появляются уже специальные гегельянские работы, трактующие проблемы использования применительно к современности гегелевской философии—особенно философии истории и права[1]. *Гегелевский национализм* из третьих рук всяких популяризаторов начинает пользоваться известностью даже в некоторых кругах офицерства[2]. Особенно быстрый рост

---

[1] Сюда относятся такие работы, как Hegels Sozialphilosophie *Карла Майеоа, Моро*, в 1910 г., Der Begrift des Volksgeittes bei Hegel *Фридриха Дитмана*, в 1909 г. В то же время гегельянские мотивы все больше проникают в работы и высказывания крупнейших представителей неокантианства (об этом подробнее дальше). В 1907 г. Риккерт, в 1908 г. Виндельбанд громогласно заявляют о намечающейся тенденции возвращения к Гегелю. В 1910 г. Виндельбанд пишет статью под многообещающим заголовком „Die Erneuerung des Hegelianismus", в которой вручает уже „путевку в жизнь" новорожденному „нео". Империалистическая война, сыгравшая решающую роль в кризисе неокантианских теорий общества и государства, вызвала целый ряд попыток поставить Гегеля на службу империалистическим теориям. Упомянем хотя бы *Иоганна Пленге*, написавшего ряд работ, в которых неогегельянские идеи врезываются в гущу современности и используются для обоснования актуальнейших проблем военной экономики и государственности (см. его работы: „Der Krieg und die Volkswirtschaft" 1915 год, „Eine Kriegsvorlesung über die Volkswirtschaft", 1915 год. „Aus der Leben einer Idee. Begleitwort zu einer Denkschrift über eine Unterrichtsanstalt zur Ausbildung prakticher Volkswirtschaft", 1915 год и др.).

[2] В качестве иллюстрации приведем следующий факт. Некий Брунсвиг посвящает свою работу, трактующую взаимоотношения Канта и Гегеля—„*Гегелю, на фронте приобретенному другу*", Герман Геллер в своей книге „Hegel und der nationale Machtstatsgedanke in Deutschland" приводит следующий интересный факт. Во время войны офицер австрийской армии говорил, что „хотя у нас не изучают Гегеля, но дерутся наши офицеры не хуже прусских". В первые годы после войны мы встречаемся уже с такими книгами, как знаменитый „Закат Европы" Шпенглера „Die Entwicklung der Hegelschen Sozialphilosophie" 1920 г. *Фридриха Бюлова* и упомянутая выше Германа Геллера, вышедшая в 1921 г. (можно отметить еще двухтомную работу, весьма обстоятельную, но академически построенную и весьма мало актуализированную *Франца Розенцвейга* „Hegel und der Staat", изд. в 1920 г., в

неогегельянства мы наблюдаем начиная с 1922 г. Книжный рынок начинает наводняться книгами о Гегеле, по поводу Гегеля, о гегельянцах. Тематика значительно расширяется. Мы видим уже работы, посвященные сопоставлению *гегельянства и марксизма* [1] и др., выяснению влияния,—Гегеля на развитие общественной мысли в Германии, на отдельных мыслителей [2]. Появляются „фундаментальные" исторические работы, подводящие итог развитию гегелевских идей в XIX в. [3] и новейшего гегельянства [4]. Неогегельянская тематика завоевывает себе место *в исследовательских работах, в дискуссиях, в диссертациях будущих докторов философии, права.* Наконец в 1930 г. организуется международное объединение гегельянцев—„Hegelsbund"—на их первом всемирном конгрессе в Гааге. Гегельянское движение проявляет большую напористость и энергию. Его руководители не скупятся на громкие, хвастливые слова и саморекламу. В условиях всеобщей „переоценки ценностей" оно декларирует самым широковещательным образом свое призвание „разрешить" самые *острые вопросы современности.* С этой целью оно приписывает себе роль абсолютного и последовательного новатора. Оно, якобы, открыло и продолжает открывать все новые горизонты. В общем оно ведет, якобы, вперед, вопреки тому, что призывает *„назад"*.

II

Остановимся теперь на „внутренней" истории поворота к Гегелю, на основных этапах его развития. Весьма важным является в этой плоскости вопрос о том взаимоотношении, которое складывалось между неогегельянством и неокантианством. Неогегельянцы отвечают на этот вопрос по-разному, соответственно тому, как они мыслят себе это взаимоотношение.

В первые годы, примерно до империалистической войны, преобладающей была такая трактовка вопроса: нельзя ограничиться одним Кантом, надо восстанавливать весь классический немецкий идеализм, в том числе и высший его *синтез*—философию Гегеля. Так высказывались по крайней мере крупнейшие философы германской буржуазии. В лекциях, читанных в 1908 г. и изданных затем под названием „Философия в немецкой духовной жизни XIX в.", *Виндельбанд* говорит: „Из возвращения к Канту, которое

которых неогегельянство определенно заявляет поетензии на руководящую роль). Венский профессор *Отмар Шпанн* категорически выдвигает лозунг: „Назад, к немецким, государственным мыслителям", т. е. в том числе и к Гегелю (в ст. „О воспитании в духе немецкого понимания государства". Журнал „Deutsches Volkstum", 1920 г.). В этот же период появляется ряд работ весьма видного гегельянца государствоведа *Юлиуса Биндера.*

[1] *Bart Paul,* Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann, 1925. *Helander Sven,* Marx und Hegel, 1922, *Mark Siegfrid,* Hegelianismus und Marxismus, 1922.

[2] *Vogel Paul,* Hegels, Gesellschaftsbegrift und seine geschichtliche Vorbildung durch Lorenz Stein, Marx, Engels und Lassale, 1925. *Simon Ernst,* Banke und Hegel, 1928, *Löwenstein Julius,* Hegels Staatsidee, im doppelgeschichte und ihr Einflüsz, 19 Jahrhundert 1927 и др.

[3] *Moog Willy,* Hegel und die Hegelsche Schule, 1930.

[4] *Levy Heinrich,* Die Hegelrenaissance in der Deutschen philosophie mit besonderer Berücksichtingung des Neokantianismus, 1927.

десятки лет было общим лозунгом, постепенно выросло повидимому или обещает вырасти возвращение к Фихте, Шеллингу, Гегелю" (стр. 1). Еще до этого, в 1907 г., *Генрих Риккерт* следующим образом характеризует проблему: „Философские науки к началу XX в. все еще находятся в состоянии реставрации. Реставрация эта обусловлена была возрождением интереса к Канту... Конечно правы и те, которые стали бы утверждать, что и Кант в значительной степени уже оставлен позади. Но это произошло отнюдь не благодаря идеям, возникшим в последнее время; почти каждый действительный прогресс относительно Канта движется в направлении, указанном его непосредственными преемниками, немецкими идеалистами, которые теперь вновь становятся в центре философского интереса"[1]. Так представляли себе положение философского фронта в большинстве случаев. В то время имелось уже крыло, так сказать, ортодоксальных гегельянцев, вроде *Ляссона Георга,* которые не считали необходимым устанавливать закономерность поворота к Гегелю, *аргументируя от Канта.* Они более отвлеченно, независимо от современной философской ситуации, призывали „назад— к Гегелю", обходя вопрос об оценке неокантианства, а тем более о резкой критике его (что широко наблюдается в настоящее время). Обстановка не позволяла этого. Вот как она изображается Виндельбандом. „Старшему поколению, по своему образованию тяготеющему к середине прошлого столетия, кажется совсем удивительным это возрождение гегельянства („Hegelei"). Тогда вдоволь забавлялись по поводу особенностей и извращенности гегелевской терминологии; вдоволь насладились также шопенгауэровскими тирадами против „великого шарлатана" и в большинстве думали, что навсегда от нее избавились. А теперь он опять великий муж, теперь опять должен возобновиться разговор из „в себе", „для себя", „в себе", „для себя"[2]. Даже в 1915 г. Ляссон жалуется на „возмутительное отношение" в Гегелю. „В современной философской науке,—говорит он,—в отношении к Гегелю господствует полная растерянность. Страх перед его именем господствует. Кто является узким (цеховым) философом, тот испытывает настоящий ужас при мысли, что его можно назвать гегельянцем. Гегельянство кажется редкостью, лежащей в стороне от окончательно найденного верного знамени философского мышления. От дебатов с гегельянцем прежде всего охотно уклоняются. Для того чтобы с ним кое-как объясниться, нужно с ним сперва поспорить дни и ночи. *Так велика дистанция между ним и общепризнанным ныне направлением мысли*"[3]. Ляссон указывает даже на то, что в Германии имеются весьма сильные антигегелевские традиции. Ведь лишь „немного более десяти лет назад имя Гегеля все чаще стало называться, в образованном немецком мире. До этого оно на протяжении, большем человеческой жизни, было основательно забыто, и если когда-нибудь вспоминали Гегеля, то о нем говорили, повторяя слова

---

[1] *Генрих Риккерт,* Философия истории, стр. 1.

[2] «Die Erneurung des Hegelianismus». Речь, произнесенная в 1910 г., помещенная в его книге «Präludien», стр. 277.

[3] *Lasson,* Was heist Hegelianismus? S. 6.

Лессинга в отношении участи в его эпоху Спинозы—*как о дохлой собаке*" [1].

Возврат к Гегелю был в то время и возможен и более всего удобен со стороны Канта. С другой стороны, неокантианство все больше запутывалось в своих внутренних противоречиях. Оно разрослось в многочисленные школы, друг с другом спорившие, причем споры принимали все более бесплодный характер. В общественных науках и в естествознании все больше выкристаллизовывается потребность в чем-то новом, а тот, кто еще не отказался от неокантианства принципиально, на деле все больше выходил за его пределы. Тогда путь к Гегелю представился *логической необходимостью,* по аналогии с началом XVIII в. „Когда философия после Канта была направлена со своей отвлеченной работой на *развитие системы* разума, оно было на деле необходимым прогрессом, который вел от Канта через Фихте и Шеллинга к Гегелю, так и *повторение этого процесса* к процессу новейшей философии от неокантианства к неогегельянству не случайно, но заключает в себе фактическую необходимость" [2]. В ближайший период неогегельянство *преимущественно* развивалось в этом направлении. В качестве попытки установить внутренний переход от Канта к Гегелю путем развития кантианских категорий в гегельянские можно назвать книгу „Der Gedanke des ideal—Reichs in der idealistischen Philosophie fon Kant bis Hegel" Eskart fon Sidow'a, написанную в 1914 г. Автор относится довольно сдержанно к Гегелю, но все же, правда нехотя, признает его правоту. В первых своих работах *Пленге* также проводит мысль о вырастании гегелевской теории государства из кантовской и о необходимости их объединения. Показательной в этом отношении является его памфлет „1789 и 1914", в котором он проводит основную мысль, что империализм—это есть высшая ступень либерализма. Наряду с этим, как мы уже упомянули, шло реставрирование Гегеля путем „чистого" восстановления гегельянских идей, как они были отражены в общественной мысли во второй половине XIX в. Представителем этого крыла неогегельянства можно считать Фр. Майнеке. Еще в книге „Weltbügertum und Nationalität", изданной в 1907 г., он уделяет большое внимание Гегелю, но держится того мнения, что его взгляды значительно усовершенствованы и дальше развиты *Ранке* и что их можно использовать лишь, поскольку мы их видим осуществленными в практике Бисмарка. В дальнейшем он выступает как более последовательный гегельянец.

Интересно то обстоятельство, что *Виндельбанд* предупреждал пропротив некритического восстановления гегелевской философии. Он резко выступил против намечающейся тенденции к огульному перенесению в современную философию гегелевских категорий. „Новейшие отпрыски Гегеля,—говорит он,—которые начинают снова с виртуозностью говорить на прежнем старинном диалекте романтической философии, будут осуждены на образование непонятных, загадочных сборищ, если они окажутся не в *состоянии проломить*

---

[1] *Lasson,* Was heist Hegelianismus? S. 6.
[2] *Виндельбанд,* Präludien, S. 279.

скорлупу и привести в плодотворную связь изначально живое содержание идей с духовными потребностями нашего времени"[1]. Виндельбанд оказался неправ. Он не понимал того, что неогегельянство совсем не собиралось разбивать скорлупу и доставать ядро. Таких желаний, а тем более способностей оно не могло иметь. *Виндельбанд* подчеркивает, что только в том случае „возвращение к Гегелю" будет означать „решительный способ оздоровления... (идеологии.— *М. А.*), если оно освободится от удивительных извращений и метафизических промахов старого гегельянства, если оно сможет отбросить шелуху и сохранить ядро"[2]. Но вопрос-то в том и заключается, что является шелухой и что ядром. Оказывается, что ядром он считает 1) *оптимизм,* 2) *антииндивидуализм* и 3) *монизм* Гегеля. Под видом же шелухи рекомендуется выбросить, вернее не восстанавливать, диалектику Гегеля.

Дальше мы увидим, какой оптимизм, монизм и антииндивидуализм получился из неогегельянства. Здесь же должны отметить, что желание Виндельбанда, чтобы неогегельянцы отказались от специфически гегельянской терминологии и специфически спекулятивных форм философствования, не исполнилось. И понятно почему: поскольку эти стороны гегелевской философии отражают ее отрицательные, реакционные черты, поскольку их современные идеологии буржуазии должны были использовать,—и они были использованы. Эпоха умирания капитализма больше, чем когда-либо, благоприятствует „темному" гегелевскому языку, позволяющему вуалировать и скрывать мысль, и спекулятивным приемам, весьма пригодным для того, чтобы строить произвольные схемы, насиловать грубейшим образом действительность и отбрасывать в автономном царстве мысли нелицеприятные факты развала буржуазного строя в целом и буржуазной идеологии в частности. В частности для обоснования новейших теорий национализма и этатизма гегелевская система может оказать и оказывает неоценимые услуги. То действительное опасение, которое объективно могло скрываться за предостережениями Виндельбанда, заключалось видимо в том, чтобы вместе с мутной водой гегельянского мистифицирования неогегельянства по неосторожности не протащило и диалектику. Но в таком случае его опасения были совершенно неосновательны.

Те же отзвуки боязни диалектики даже в ее мистической форме слышатся и в словах Риккерта, который, правда, успокаивал себя тем, что, мол, до этого дело не дойдет. „Что мы вновь повторим уже совершенное нами развитие от Канта к Фихте, от последнего к романтике Шеллинга и от них еще дальше к Гегелю—*этого бояться нечего.* Мы уже не сможем воспользоваться философскими системами в том виде, в каком они нам даны. Наше время несет с собой новые вопросы, которые требуют новых ответов"[3]. Риккерт оказался прав—возврата к настоящему Гегелю не могло получиться и не получилось. В действительности новый Гегель в весьма многих

---

[1] *Виндельбанд,* Философия в немецкой жизни, стр. 3.
[2] *Windelband,* Präludien, S. 279.
[3] *Генрих Риккерт,* Философия истории, стр. 2

отношениях иногда больше похож на Канта, Фихте, Шеллинга, Ранке, Трейчке, Бисмарка, фон-Штейна, Адама Мюллера и пр., чем на самого себя. Это относится ко всем неогегельянским разновидностям, к кому в большей, а к кому в меньшей степени. Разница лишь та, что одни прямо говорят о „синтезе" Гегеля с Кантом и иными, другие же твердо якобы держатся гегелевской философии как „высшего синтеза" всех других классических немецко-идеалистических систем.

Клич „назад—к Гегелю" звучит чем дальше, тем сильнее, увереннее, дружнее. Неогегельянские взгляды распространяются шире и глубже в идеологические толщи. Тем самым оно становится самостоятельным течением, противопоставляющим себя другим и требующим для себя уже не только права гражданства, а монопольного господства. Но это внешняя, декларативная сторона. Наиболее гибкое, наиболее общественно активное и авторитетное крыло неогегельянства понимает, что идет речь об использовании гегелевских взглядов применительно к современности, а не о простой, механической реставрации. Так один из „китов" немецкого и интернационального неогегельянства, один из „ортодоксов" *Кроннер* в книге „От Канта к Гегелю" больше всего старается над тем, чтобы, вопервых, сохранить нити, ведущие от Канта к Гегелю, а во-вторых, освободить Гегеля от его специфически сильных сторон, от рациональных моментов его диалектики. Большинство обозревателей неогегельянства приходят к выводу, что идет речь о попытках применения гегельянства к современной обстановке.

Г. Леви представляет себе поворот к Гегелю как „стремление главных течений современной немецкой философии к *синтезу*, который в существенных чертах родственен гегелевской (философии.—*М. А.)* и который впитает в себя плоды всей послегегелевской работы („Die Hegelrenaissance in der deutschen Philosophie"). Проанализировав тенденции к гегельянству в работах крупнейших немецких философов[1], *Г. Леви* делает следующий вывод:

---

[1] В первую очередь он относит это к направлению, известному под названием „Lebensphilosophie". Виднейшие его представители: *Вильгельм Дильтей*,—написал специальную работу, посвященную молодому Гегелю; *Эдуард Шпрингер* (который пришел к заключению, „что все дороги ведут к Гегелю"); *Гуссерль*—лидер феноменалистов (сочетающий Гегеля с *Больцано и Брентано)*; *Теодор Литт*, восхваляющий диалектику Гегеля на кантианский лад („Единство в раздвоении. Раздвоение в единстве"); *Ганс Фрайер*, доказывающий, что культурно-исторические теории должны притти к „объективному духу" Гегеля; *Эрист Трельч*, в известной работе „Der Historismus und seine Problem", выступающий за понятие гегелевской диалектики, но без спиритуалистического монизма и метафизики, и наконец *Зиммель Георг*, который якобы был философским антиподом гегельянцев, но в последнее время быстро „гегельянизировался". Вся эта школа „жизненной философии" (в действительности эта философия безжизненности и беспринципности, беспардоннейшей эклектики) в целом якобы погружается в лоно гегелевского идеализма. Затем *Леви* рассматривает неокантианские школы: 1) *Марбургскую: Герман Коген*, который обнаруживает элементы гегелевской диалектики в своих ранних работах; в дальнейшем эти элементы все больше сгущаются, особенно в последний период, хотя „он был и остается кантианцем"; *Пауль Наторп*—после войны в его работах заметно выступают гегельянские мотивы; *Эрнст Кассирер*, один из первых перешедший к разработке гегельянской проблематики в работе „Substanzbegriff und Funktionsbegriff" в 1910 г.; *Николай Гартман*, сочетающий трансцендентальную логику и диалектику на последовательно-идеалистической основе в работе Platos „Logik des Seins";

„Поэтому когда немецкое возрождение Гегеля берет за образец тот могучий синтез относительного и абсолютного, исторического и надисторического, философии жизни и разума, то оно не должно также забывать и принципы Канта—принципы скромности и требовательности; только так сможет победить возрождение этой могучей системы в философии и во всеобщей культурной жизни". К такому же выводу приходит и В. *Моог:* „Не о возвращении к Гегелю идет при этом речь, но новейшее развитие философских проблем ведет к тому, что гегелевские мысли должны быть подхвачены и отлиты в новые формы"[1]. Другого мнения держатся „ортодоксы"—*Ляссон,* о котором мы уже говорили, *Глокнер* и др. Последний, перефразируя Гегеля, говорит о гегельянстве: „Ничто не должно пропасть, все принципы, а значит также и принципы девятнадцатого столетия должны быть сохранены"[2]. В частности в отношении диалектики он категорически заявляет: „Я убежден в том, что достигшая очень высокой ступени рассудочная логика, которой мы *сегодня обладаем,* в состоянии разработать проблематику эмпиризма и иррационализма и абсолютную логику противоречий Гегеля „привести к себе самой"[3]. После этого его „убеждения" понятно, о каком „сохранении" Гегеля идет речь: о том, которое „достигнуто" неокантианскими, гуссерлианскими и иными извращениями гегелевской диалектики. В общем для нас должно быть совершенно ясным то положение, что гегелевская диалектика не может теперь восстанавливаться буржуазной философией *даже в том идеалистически-мистически извращенном виде, в каком она дана Гегелем.* Тут от Канта не уйти, дальше „диалектики антиномий", дальше механической „поляризации понятий" неогегельянцам не продвинуться. Мы в этом дальше убедимся на конкретных фактах.

Что касается гегелевского национализма и этатизма, их специфически-реакционных сторон, то в этом отношении вполне возможно, что неогегельянство как философия будет определенными кругами противопоставляться неокантианству как философии либерализма, демократии, пацифизма и т. д. Мы столкнемся далее с такими неогегельянцами, которые широко используют гегельянские идеи, не называя автора, и, наоборот, приписывая Гегелю то, о чем он бы и не подумал, как например *Шпенглер.* Для нас важно в данном случае, *как* используются взгляды Гегеля, каков *классовый* смысл этого использования, какая социально-политическая действи-

---

Артур Либерт еще в 1914 г. в работе „Das Prolbem der Geltung" намечает основные вехи неогегельянской диалектики, а в 1923 г. в другой своей работе „Geist und Welt der Dialektik" доказывает возможность „синтеза Канта и Гегеля на диалектической основе". 2) Югозападную школу: о *Виндельбанде* г. Леви говорит, что „разнообразные гегелевские и антигегелевские компоненты объединяются и проводятся им", у *Риккерта* он находит ряд гегелевских посылок в национальном духе. *Бруно Баух* развивает отдельные категории Гегеля применительно к теории государства наконец *Рихард Кронер*—вождь немецких гегельянцев—завершает всю эту плеяду немецких философов, проделавших с разной быстротой, интенсивностью, смелостью, „последовательностью" и пр. эволюцию от Канта к Гегелю.

[1] *W. Moog,* Hegel und die Hegelsche Schule.

[2] *Glockner,* Krisen und Wandlungen in der Geschichte des Hegelianismus,

[3] *Там же.*

тельность за всем этим стоит независимо от того, а чаще всего и вопреки тому, как себе представляет дело тот или иной буржуазный идеолог.

III

Лозунг „назад—к Гегелю“ вполне созвучен современной эпохе—эпохе старческого упадка, угасания идейных и интеллектуальных сил, умирания *капитализма*—в том отношении, что он звучит в унисон с общим направлением буржуазной идеологии, круто и панически повернувшей назад всем фронтом. Лозунг „нааазааад!!!“, является одной из наиболее характерных черт идеологии умирающего капитализма.

Этот лозунг провозглашается экономистами и техниками,—„назад—к кирке и лопате“, он уже давно нашел свое отражение в буржуазном искусстве—всякие джазы, экзотическая музыка и пр., в государственных идеалах—„назад к Бисмарку, Фридриху, даже к *Маккиавели*“ и т. д. В качестве своих современных идейных вождей немецкая буржуазия хочет поставить представителей прошлого и позапрошлого столетия; имена Лягарда, Ранке, Бисмарка, Трейчке, Родбертуса, Вагнера, фон-Штейна, Мольтке, Фридриха Листа, Адама Мюллера, Людвига, Гегеля, Фрихте, Фридриха Великого и т. д. сулят ей „спасение“ и „возрождение“. Даже такие „вожди“, вроде *Яна, Фридриха-Людвига,* „отца гимнастики“ („turnvater“) в начале XIX в. выискиваются для того, чтобы его авторитетом, ссылкой на него подкрепить какую-нибудь жалкую мыслишку фашистских „теоретиков“. В „прекрасном прошлом“ обнаруживают в готовом виде все, что необходимо человечеству сейчас. Например в качестве практического гения немецкого государственного „социализма“ выкапывают некоего *Аббе,* какого-то совершенно неизвестного провинциального фабриканта и директора техникума, осуществившего якобы „социализм“ в местном масштабе еще несколько десятков лет назад. Итак „назад к Аббе!“ В паническом бегстве назад совершенно теряют всякое чувство меры, и в результате многие находят себе пристанище где-нибудь в *дореформенной* христианской церкви за проповедью какого-нибудь *Экегарта Майстера* (1260—1327 гг.)[1]. А кое-кто чувствует себя спокойно только за спиною *Платона и Аристотеля.*

Но для того чтобы вернуться „назад“, надо прошлое модернизовать, перекрасить под настоящее. Немецкая националистическая историография имеет в этом деле немалый опыт (вспомним так называемые „пруссаческие легенды“). Но в сравнении с тем, что теперь предпринято и частично уже осуществлено, тот опыт выглядит лишь кустарным экспериментом. Особенно дикий характер принимает современная историософия у таких „мыслителей“, как *Шпенглер, Кайзерлинг, Розенберг* и др. Взгляд этих „мыслителей“ в прошлое, назад, это взгляд, дико блуждающий по отдельным эпохам, событиям, фактам и не могущий ни разглядеть, ни понять и осмыслить чего-либо. В результате беглого взгляда („беглого“ в буквальном

---

[1] См. *Alf. Rosenberg,* Der Mythus des XX Jahrhunderts.

смысле слова) на всю многовековую историю человечества появляется готовая схема, разглядывающая все и вся под углом зрения германизма (если можно так выразиться), перемешивающая и опрокидывающая все и вся. После такой героической работы слона в посудной лавке прошлое приведено в „германский“, т. е. фашистски-националистический вид, и вам говорят: „пожалуйста, входите,— вот так-де жили и будут жить германцы и под их руководством все другие народы, которые хотят вообще жить. Возвращаясь назад, вы спасаете человечество!“ В своем возвращенческом азарте *Шпенглер* смешивает в одну кучу самые различные системы, взгляды, направления, оклеивая будущее „прусско-социалистическое“ жилище и снаружи и внутри обрывками мыслей, принципов Фихте, Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Фридриха II и т. д., лишь бы жилье было германским, „точнее пруссаческим“. Но и у него Гегель занимает одно из центральных руководящих мест.

Иначе поступают другие более „научные“ реставраторы Гегеля (которых Шпенглер и шпенглерианцы высмеивают как „профессорских“ философов), как *Биндер, Геллер, Гиезе, Бляшке и др*. Они „объективно“ анализируют, сопоставляют, сличают, скрупулезно выискивают необходимые им элементы, „влияния“ гегелевских идей, „зависимости“ от них разных течений и мыслителей—одним словом, с специфически профессорским педантизмом и систематичностью занимаются „научным“ обоснованием возвращения к Гегелю. Они, ясное дело, не пытаются—за исключением отдельных спорадических и к тому же весьма редких случаев—поставить проблему на конкретные исторические рельсы. Для них даже и не существует вопроса, *что общего и что отличного имеется в эпохе Гегеля и в современную эпоху*. Они не задумываются над фактом, почему Гегель был предан в свое время забвению, почему его теперь воскрешают. И по вполне понятной причине это происходит: достаточно эти вопросы поставить (поставить всерьез, по существу, а не формально, что иногда невзначай случается с фашистскими „теоретиками“), чтобы зашаталось все здание неогегельянства, чтобы *реакционный, фашистский характер* этой затеи стал обнаруживаться самым неприятным образом. В качестве же ответов на возможные вопросы—„почему и как“— выдвигаются следующие утверждения. *Во-первых*, Гегель настолько велик, что выходит далеко за пределы его эпохи, человечество будет еще долго учиться *абсолютной истине* его философии. То обстоятельство, что от него в свое время отказались, свидетельствует лишь о том, что не всего его поняли, что не все доросли до него. *Во-вторых*, немецкая „государственная“, общественная мысль все время находилась под решающим влиянием гегелевской системы [1].

Если идет таким образом речь о возврате к Гегелю, то лишь о

---

[1] Доказательству этого тезиса посвящен ряд специальных работ. В качестве примера приведем книгу *Германа Геллера*, Hegel und die Nationale Machtstaatsgedanke in Deutschland, в которой констатируется гегельянство у Адама *Мюллера*, Генриха *Лудена*, Леопольда *Ранке*, Генриха *Лео*, Густава *Гуго*, Альбрехта *Пютера*, *Оппенгейма*, *Гефтнера*, *Дройзена*, Макса *Дункера*, Константина *Роснера* и др. Политика Бисмарка—это-де гегельянство на практике.

завершении на более высокой ступени всего предыдущего развития. К такому же выводу приходит *Вилли Моог:* „Лишь немногие философские системы оказали столь богатое разнообразное влияние. Значение Гегеля также ни в коем случае не историческое,—более того, можно сказать, что мы стоим в *начале полного понимания его философии.* Ее систематическое содержание еще не исчерпано, скорее оно теперь только постепенно оценивается и оплодотворяется“ [1]. *В-третьих,* жизнь уже якобы оправдала поворот к Гегелю. Неогегельянцы хвастают тем, что оно будто оказалось наиболее „плодотворным“ и „освежающим“ направлением, которое отражает жизненные потребности современности, выросло из гущи жизни, имеет глубокие корни в ней и т. д. Особенно это относится к представителям так называемой „Lebensphilosophie“, философии жизни, которая под лозунгами *актуализации* и *исторической гибкости* выступила с требованием перестройки философии в направлении возврата к Гегелю. Отмечают далее как достижение, что многое уже сделано в разработке „новейшей логики“ на основе гегелевской диалектики, что в результате всего этого формируется *„новое мировоззрение“*. Одним словом, вывод тот, что „на протяжении примерно 20 лет текли из гегелевской системы новые потоки сил в философскую мысль современности“ [2].

Все эти утверждения соответствуют в *известном смысле* действительности. То, что Гегель в свое время не был „понят“, т. е. что немецкая буржуазия не могла подняться на идейную высоту своего философа, это конечно факт. Что в дальнейшем она питалась крохами со стола философского пиршества, какое из себя представлял классический немецкий идеализм Канта, Фихте, Гегеля, размачивая сухие корки гегелевского духа в пресной водичке всяких Ранке; что *Бисмарк* оказался для реакционной буржуазии воплощением „всемирного духа“ в последней инстанции своего развития и пр.,—это конечно факт. Что после всего этого поворот к Гегелю означает некое новшество, способное увлечь истосковавшихся по философским бальзамам и кое у кого создать видимость „духовного возрождения“ и „подъема“,—все это весьма вероятно. В этом смысле неогегельянцы оперируют некоторыми фактами. Но ведь не в этом дело, и не это важно. Дело в том, что все эти новоявленные пророки и „спасители“ человечества, беря у Гегеля все *реакционное,* возводя это реакционное в самую высокую ступень, отбрасывая гегелевское чутье действительности, его историзм, утверждают, что они творят в чистом царстве мысли, идеологии и т. д. Они всеми силами стремятся „не заметить“, затушевать, скрыть тот факт, что все их попытки возродить Гегеля отражают лишь *крах, беспомощность, разложение науки, философии, идеологии* буржуазии на империалистической стадии ее развития. Оставаясь в метафизическом мире идей и принципов, орудуя категориями вне времени и пространства, аргументируя от мифического немецкого „национального духа“, они, прикрываясь авторитетами прошлого, формулируют идеологию, дол-

---

1 „Hegel und die Hegelsche Schule“.
2 *Fr. Blaschke,* Hegels. System d. Sozialphilosophie.

женствующую обосновать политику и практику фашизации. Выдвигая принцип: „все, что мы ищем впереди, находится сзади“ и призывая вернуться даже к „социализму“ Гегеля, эти идеологи *противопоставляют коммунистической революции пролетариата гнуснейшую „социалистическую“ и антикапиталистическую демагогию* „национально-социалистических“ наемников и опричников финансового капитала. При всей своей утопичности и смехотворности лозунг „назад!“ к докапиталистическому, т. е. феодальному, „социализму“, т. е. к феодальной эксплоатации, имеет известное „основание“ для эксплоататорских классов—ведь социализм кончает раз и навсегда со *всякими формами* эксплоатации и с какими бы то ни было возможностями для этого. Разговоры о задачах „феодализации хозяйства“, о возврате к цеховым ограничениям и пр. являются логическим выводом из такой установки. Такие разговоры уже можно услышать в некоторых реакционных кругах немецкой буржуазии и юнкерства. Лозунг „назад“ имеет тот смысл, что крупная, господствующая буржуазия, которая сама по своему классовому положению и инстинкту прекрасно понимает вздорность „феодализации“ и пр. (тем более что конкретную форму „отрицания капитализма“ она наблюдает уже достаточный срок в лице СССР), стремится активно использовать в своей исторической тяжбе с социализмом мелкобуржуазные массы города и села и юнкерство, являющееся в известном смысле „докапиталистическим классом“, одним из основных классов феодального общества. „Антикапиталистическая“ идеология должна получить историческое подкрепление. Попятное движение должно быть обосновано „идейно, научно“. *Отсюда и лозунг „назад“.*

Этот лозунг соответствует также установкам на „исправление“ капитализма, на „борьбу“ с его „крайностями“, на то, чтобы превратить его в „социализм“, но такой, который следовало бы давно еще в свое время осуществлять. В национал-социализме очень много мотивов „феодального социализма“. Одним словом, лозунг „назад“ отражает собою обреченность капиталистической системы, как она вырисовывается в эпоху империализма, и всю сложность процесса умирания, краха капитализма. В этом смысле неогегельянство представляет собой вполне закономерное явление, как закономерен процесс распада и краха буржуазной философии. Для нас совершенно ясен, в этом смысле априорно, исторически обреченный и фальшивый характер попытки сделать Гегеля знаменем империалистической эпохи, попытки вообще вернуться „назад“. Можем лишь сказать в утешение буржуазным идеологам, что и тот строй, на смену которому в свое время пришла германская буржуазия,—германский феодализм—тоже выступал в период своего вынужденного ухода с исторической арены с аналогичными идеями: вспомним немецкий романтизм начала XIX в., его феодальное крыло, вспомним историческую школу права, представители которого могли созерцать только, по выражению Маркса, „заднюю“ историю. Империалистическая буржуазия поворачивается „назад“ к истории, но это потому, что история повернулась к ней „задом“. Маркс в свое время сказал по адресу исторической школы права: „Школа, узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вче-

рашнего, школа, объявляющая мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут старый и прирожденный исторический кнут, школа, которой история показывает, как бог Израиля своему слуге Моисею, только свое a'posteriori,—*эта историческая школа права* изобрела бы немецкую историю, если бы она не была изобретением немецкой истории"[1]. Эта оценка с поправками на конкретное историческое содержание неогегельянства целиком к нему применима. Все подлости на корню гниющего немецкого империализма (и империализма вообще) оно старается изобразить как национально-государственную миссию немецкого народа, как осуществление гегелевских национально-государственных идеалов. *Оно изобрело бы германский фашизм со всеми его отвратительными атрибутами, если бы само не было изобретением его.* Но история идет вперед. Социализм стучится в двери—в Германии более чем где бы то ни было. Под ударами социалистической революции пролетариата капиталистическая Германия рухнет. Революционный пролетариат Германии установит свою диктатуру и поведет массы—по славному примеру пролетариата СССР—вперед к социализму. *Человечество оставит позади себя далеко и навсегда все то, к чему сейчас призывают вернуться представители „культуры" умирающего капиталистического рабства.*

---

[1] *Маркс и Энгельс*, т. I, стр. 401.

ГЛАВА III

«Новое» мировоззрение фашизирующейся буржуазии

«Что сказать, когда блеском прошедшей славы заштукатуривают гнилые раны и сифилитические пятна на повислых щеках выдают за румянец юноши».

(Герцен)

I

Возрождение гегельянства, претендующего на роль „нового“ мировоззрения, „новой“ всеобщей методологии, происходит в условиях кризиса буржуазной идеологии, кризиса, зачастую признаваемого самой буржуазией. Признание это протекает в разных формах— смелых и робких, тихих и буйных, открытых и маскированных. Одни говорят о кризисе науки, другие о кризисе культуры, третьи о „закате Европы“, четвертые о всеобщем кризисе. Немало горьких упреков, едких насмешек, пессимистических оценок по адресу буржуазной идеологии исходит от самих буржуазных идеологов. В этой обстановке *Гегель* поднимается многими как спасительное знамя.

Довольно ярко отразил это I интернациональный конгресс Гегельсбунда. Целиком этой проблеме посвящена статья в сборнике работ этого конгресса *Вигерсма*. Это сплошная жалоба на методологический кризис, на отсутствие единого, цельного мировоззрения. *Вигерсма* констатирует полный разнобой в области науки—всюду различные теории, принципы друг с другом не связанные и друг другу противоречащие. То же в области религии, искусства, в общественной жизни—всюду партии, группировки, школы, направления, „*ничего объединяющего в единое целое*“. Все разрослось, разветвилось в разные стороны. Взаимная борьба, несогласованность, разрозненность. Нет ничего объективного, общепризнанного и общеобязательного. В каждой области идеологии и каждом отдельном направлении господствует субъективный произвол. Центральная задача—объединить все идеи, знания, принципы, установить единство методологическое, поставить все на твердые научные рельсы. Необходима, говорит Вигерсма, *наука наук*, т. е. единая, монистическая философия. С этой задачей может справиться лишь неогегельянство.

Еще в свое время *Виндельбанд* указывал на „голод по мировоззрению, который охватил наше молодое поколение, ищущее насыщения у Гегеля“ [1]. Довольно характерной является также жа-

[1] „Präludien“, S. 273.

лоба *Эммануила Гирша:* „Что нам недостает,—говорит он,—это понимания самых *последних* (общих.—*М. А.) оснований* для наших политических, как и социально-исторических суждений. Мышление нашего столетия обладает замечательной способностью остро и ясно схватывать технически достижимые цели *ограниченного характера,* но эта способность странно расходится с неясностью и плоским характером всех наших попыток объединить ограниченные частичные цели в едином более высокого рода и из возвращения духа к самому себе найти *направляющие* линии для жизни единичного и объединенного“ [1].

У буржуазных идеологов все смешивается в одну кучу. Противоречие между теорией и практикой, между эмпирическими успехами и беспомощностью в области обобщения и синтезирования, отражающее анархичность, стихийность процесса развития буржуазной культуры, *с одной стороны;* разнобой внутри самой буржуазной идеологии, являющейся следствием неоднородности интересов и социального состава внутри буржуазных, господствующих классов—*с другой стороны,* и наконец классовые противоречия и антагонизмы в идеологии, наличие революционного пролетарского мировоззрения, блестящие успехи его—*с третьей стороны,*—все это смешивается в одну кучу. Буржуазный идеолог хочет на закате своих исторических дней добиться „единого мировоззрения“. Ему невдомек, что это стремление—результат его идеологической слабости, а не силы. Предпосылки и смысл тяготения буржуазных идеологов к монизму носят определенный исторический характер. В основном они заключаются в том, что *все* противоречия, разъедающие, расшатывающие капиталистический строй, достигают в период империализма невиданной силы, принимают теперь такие размеры, что прямо ставят вопрос перед буржуазными идеологами: как же быть дальше? „Культура“ умирающего капитализма расползается, распадается на „отдельные части“. *Классовая борьба на идеологическом фронте все более обостряется и ожесточается.* Диференциация общественных классов и групп все углубляется и расширяется.

Идеология пролетариата—марксизм-ленинизм—отличается единством, цельностью, последовательностью; она не знает противоречий теории и практики, философии и науки, отдельных областей мышления. Буржуазный же идеологический фронт внутренне разобщен, необъединен, анархичен. Отсюда проблема единства мировоззрения у буржуазных идеологов. Социальная функция идеологического единства, это, *во-первых,* консолидация сил самой буржуазии, всех эксплоататорских классов и, *во-вторых,* „объединение“, „примирение“ с пролетариатом, с эксплоатируемыми классами, на основе „объединения ограниченных частных целей в „едином“ более высокого рода“ и пр., т. е. на основе подчинения их классовой идеологии, как одному из средств их подчинения политике, экономическому гнету капитализма. Но буржуазный идеолог, боящийся, как чорт ладана, классового анализа, „объединяет“ две совершенно *классово различные* задачи в одну и ставит это все в плоскость

---

[1] Ст. *Эммануила Гирша,* Судьба немецкого государства, народа и человечества в свете этическо-исторической точки зрения, „*Логос*“, 1929 г.

„усовершенствования“ механизма мышления, „исправления недостатков методологии“ и т. д.

Но в то время как идеалистический профессор упорно трудится над приведением в нужный порядок соответствующих категорий, силлогизмов, суждений и умозаключений, в широкой публике буржуазии и мелкой буржуазии раздаются возгласы о том, что такая философия вообще не нужна, бесполезна, о том, что правы были в свое время *Шопенгауэр, Ницше,* зло высмеивавшие университетскую философию и профессорские системы и школы. Буржуазная и мелкобуржуазная молодежь не удовлетворяется абстрактными схемами и конструкциями. Время такое, что *нужно не столько рассуждать, сколько действовать.* А если философия хочет претендовать на внимание, то пусть она влезет в гущу жизни и непосредственно поможет „бороться немецкому народу“. Фашизирующаяся буржуазия крепко давит на свой идеологический фронт, требуя его перестройки, актуализации. То, что уже сделано в этой области сторонниками Lebensphilosophie, и первые шаги неогегельянства кружат кое-каким идеологам голову. Им кажется, что они под знаменем Гегеля „преодолеют“ все. Но тут-то им выливают на голову ушат воды. „Социальный заказчик“—фашизирующаяся буржуазная публика недовольна качеством выполненного заказа. Философ не находит достаточного созвучия со своим классом и в награду иногда получает грубый пинок и грозный окрик: „Пошевеливайтесь, друзья, больше жизни, чутья, действенности“. Тоска по „действенной“ „жизненной“ идеологии возрастает по мере того, как становится все более неясным, как *действовать* дальше, чтобы остаться в *живых.* В определенных кругах фашистской публики растут и культивируются антифилософские, антинаучные настроения. Разочаровываются в науке, в научной философии (бедная буржуазная философия—ее упрекают в „научности“!), в просвещении, в образовании, в „буржуазно-либеральном“ смысле слова. *Шпенглер, Кайзерлинг* и им подобные прямо говорят о том, что мышление, философствование по старым немецким образцам потерпело фиаско, продемонстрировало свою „неистинность“, беспомощность. Побольше „чувства“, „интуиции“, мистики. И в то время как „дипломированные лакеи“ фашизирующейся буржуазии из людей науки, философии проповедуют те же идеи краха науки, но „обосновывая“ это научно—в виде самого крайнего агностицизма и утонченного фидеизма, демагоги и трибуны мятежной, „антифилософской“, фашистской толпы, истошно требующей внимания „душе“, успокоения „души“, восстановления душевного спокойствия,—*Шпенглеры* больших и малых форматов, талантливые и бездарные, подвергают линчеванию тут же, на уличном фонаре, самую идею научности философии.

Характерным документом, иллюстрирующим довольно ярко эти антифилософские настроения, является книга под названием „Wir suchen Deutschland“, представляющая собой дискуссию между *Шульце-Пфельцером* и майором *Бухбрукером, Гербертом Бланком, Отто Штрассером* (первый „либерал“, последние три—„национал-социалисты“, отколовшиеся от Гитлера). По вопросу об идеологии выступал *Бланк.* Выступления Бланка весьма симптоматичны именно

потому, что выражают прямо и откровенно то, что думает фашистский актив. Основным мотивом в его оценке современной буржуазной идеологии является следующее. Германия сейчас на распутьи. Она вступает в новую эпоху. Нужны новые принципы, новое мышление. Старая, университетская, факультетская философия профессоров и академиков не поможет „немецкому народу“ обновить свою жизнь. Необходима иная. „Если вы меня спросите о философах, которые являются для нас руководящими, то я назову вам имена: *Ницше, Лягард* и *Шпенглер*“ [1]. Затем он преподносит ходячую критику „абстрактной философии“, но ставя точки над і. Грош цена, говорит он, философам, не связанным непосредственно с практикой. „Для нас великие практики жизни были одновременно и лучшими философами. Специалист-философ устанавливает теорию о том, как должно быть. Настоящий философ указывает, как она должна быть осуществлена. В „Мыслях и воспоминаниях“ Бисмарка заключается больше философии, чем в целой сотне трудов факультета“ [2]. Фашистский активист по-своему разъясняет философам, что *философия партийна*, что ее самостоятельность мнима, что ее высокомерие несерьезно и смешно. Фашистские башибузуки иногда говорят умнее и правильнее утонченно-культурных, буржуазных ученых, обширно „фундирующих“, доказывающих с соответствующим обширным, „высоконаучным“ аппаратом обычные пошлости. Фашист-практик Бланк высмеивает профессорский, докторский, приват-доцентский *катедер-фашизм*. Не будучи силен в науке и философии, отказываясь от них „за ненадобностью“, фашист вообще ждет от них всяких неприятностей. Что может, говорит он, дать „немецкому народу наука Дарвина, Вирхова, Дюбуа Раймонда, Геккеля, Планка и Эйнштейна, которая разорвала связь души и бога“. К чорту! *Науку и философию—за борт!* „Мы скорей за мировоззрение, которое ругают *как варварство*, ибо мы, нужно заметить, считаем одним из лучших боевой клич *„назад к варварству“*, провозглашенный в последние годы“ [3]. По поводу всяких „социологий“ и „государственных теорий“ он ехидно острит: „Все же, вульгарно выражаясь, ситуация такова: раньше народ был здоров, а медицина больна, сегодня народ болен, а медицина здорова“ [4]. Вывод его в общем таков: „хватит мудрствовать, уж ум за разум зашел“. Отныне *лозунг образования* объявляется либералистским лозунгом, который якобы направлен против *„национального воспитания“*. А между тем сила в последнем. Это доказано 1914 г. Всякая эпоха выдвигает свой принцип воспитания. Воспитание означает социальное воспитание. Превосходство *воспитания, выучки* над образованием блестяще было продемонстрировано *Фридрихом Великим*. Его офицерский корпус состоял из необразованных, но он был лучшим в то время. Идея образования—это эгалитаристский принцип „бескровного либерализма“: каждый-де, мол, может стать образованным. Глубоко ошибочен тезис о том, что знание всесильно. Наоборот, *знание—это неволя, несвобода.*

---

[1] „Wir suchen Deutschland“, S. 160.
[2] *Там же*, стр. 159.
[3] *Там же.*
[4] *Там же*, стр. 16[illegible].

Основной тон бланковских рассуждений—*поменьше рассуждать, побольше слушаться;* поменьше вникай, побольше исполняй. Фашист-практик, мечтающий о государстве по образцу *прусской казармы Фридриха Второго,* не доверяет иногда фашистским философам, идейно обосновывающим то же государство. Это недоверие коричневой рубашки штурмовика философскому фраку профессора („уж они, ученые, напутают"). Рубашке конечно можно в конце концов втолковать, что она не совсем права, что ее „спецеедство" не имеет оснований, что фашистские философы благонадежны вполне и пр., но этим проблема идеологического единства еще не исчерпана и тем более не разрешена. Ведь эти идеологические разногласия отражают собой не только процесс разложения буржуазной идеологии как *таковой.* Они являются также выражением и следствием неоднородности *социальных кругов,* втянутых в фашистское движение, в фашизацию буржуазного строя. За спиной *Бланка* и др. стоит разоряющийся *мелкий буржуа,* по-своему недовольный капитализмом, по-своему боящийся *пролетарской революции* и ненавидящий ее, по-своему зачастую мечтающий о „социализме" (реакционном, мелкобуржуазно-утопическом). А *разногласия* внутри отдельных фракций крупной буржуазии, между аграрным и промышленным капиталом и т. д.! Профессорские *книги* катедер-фашистов найдут себе конечно сбыт. В частности неогегельянская литература растет довольно быстро. Но все же положение дел весьма далеко от того, чтобы говорить о „всеобщем интересе к неогегельянству", о его способности стать *всеобщей формой мышления* и пр. И если его апостолы об этом самоуверенно говорят, возвещая новое „духовное просперити", то это лишь обычный прием *„философского заклинания идеологической погоды"* (перефразируя слова Маркса о „заклинании экономической погоды").

Неогегельянцы, как и другие представители фашистской идеологии, из кожи лезут вон, чтобы создать теоретическую, *идейную* платформу *консолидации* всех реакционных классов, групп, партий, организаций и пр. под *одним лозунгом „спасения нации",* т. е. спасения капиталистического строя. С этой целью они „отвлекаются" от тех крупнейших противоречий, которые разъединяют, разъедают „единый национальный фронт". И если, извращая действительность, абстрагируясь от нее, можно создать в *воображении идеологов* некое *идеальное „единство"* разнородных социальных групп, то от этого *реальным* такое „единство" отнюдь не становится. Об этом лучше всего говорит действительность нынешней Германии.

Безнадежными являются неогегельянские рецепты „устранения" классовой борьбы пролетариата, пролетарской революции, диктатуры пролетариата методом террора и обмана. Но тем большее значение приобретает наиболее *тонкая, замаскированная защита и обоснование фашизма.* Нелегки задачи, что и говорить, поставленные перед современной буржуазной теорией. Тяжела ты, шапка нео-Гегеля. Но назвался груздем, полезай в кузов. И дипломированные ученые фашисты лезут в гегельянский кузов и извлекают оттуда на „благо немецкого народа" и всего человечества необходимые „идейные ценности".

II

Возвращаясь „назад“ в поисках монистической идеологии, фашистские теоретики приходят к Гегелю. Речь идет конечно о его монистическом идеализме, о его системе (в какой мере она действительно „монистична“ блестяще показал в свое время Маркс) социально-политических взглядов. Эти взгляды привлекают симпатии фашизма уже потому, что они *ультраидеалистичны и ультрареакционны*. Но особую, главную прелесть им придает то, что идеализм и реакционность (национализм, этатизм, органицизм и пр.) объединены *внешне* в стройную систему. Буржуазии теперь необходим монизм, который примирил бы теорию и практику, т. е. теоретически обосновал бы, идейно санкционировал бы *фашистскую практику*, который „снял бы“ в себе не только противоречия между классами-антагонистами, буржуазией и пролетариатом, но и различия внутри господствующей буржуазии в лагере эксплоататоров; который, одним словом, примирил бы все непримиримые противоречия, разъедающие буржуазный мир. Все это направляет философский корабль, беспомощно несущийся по бурному морю противоречий в спасительную гавань гегелевского монизма. Ибо „чем более поднимается *тоска эпохи по всеобщему осмысливанию всей действительности*, тем очаровательнее действуют импонирующее *единство* и *грандиозная замкнутость* систематической композиции, в которой явился гегелевский панлогизм“ [1]. Как мы уже отмечали, тоска по единству, по монистической науке и философии является не самодовлеющим логическим, методологическим фактом. Это *отражение материальной, социальной действительности*. Эта тоска появилась в период умирания, загнивания капитализма. Это предсмертная тоска господствующего класса, наиболее дальновидные и умные представители которого начинают догадываться, по крайней мере инстинктивно ощущать, что дни его господства сочтены. „Единое“ буржуазное общество разрывается на части, „единство“ стало фикцией, социальным обманом. Истинного единства всего человечества этот строй никогда не мог, а тем более теперь не может дать. Но для того чтобы *истину затемнить*, нужно *возвысить* обман. Высота гегелевского идеалистического монизма для этого достаточна, тем более если его соответствующим образом подправить. Тривиальный факт социального, политического обмана трудящихся (и самообмана, самоутешения господствующих классов) представляется как „величайшая миссия духа“, как „возвращение духа к самому себе“, как „устранение всех противоречий“ и пр. Гегелевский идеализм привлекает тем, что он вооружен грандиозным методологическим аппаратом. Его монизм—это довольно сложный, усовершенствованный инструмент, это механизм не просто отбрасывающий противоречия, а искусно объединяющий и примиряющий их, лишающий их смертельного жала. Единство дается логического, а не онтологического характера.

Переворачивая формулу Виндельбанда, можно сказать, что чем

---

[1] *Windelband*, Präludien, S. 278.

дальше выступают наружу противоречия капиталистической действительности, тем более опасно было признать их в идеологическом мире. *„Дуализм“*, *„плюрализм“* и пр.—это ненавистные враги, подлежащие уничтожению, „снятию“. Неогегельянский монизм различно выглядит. Некоторые, не мудрствуя лукаво, прямо восстанавливают его в гегелевских одеждах, другие модифицируют его. К числу последних относится и *Циглер*, которому мы уделим в нашей книге особое внимание. Он считает, что основное, что должно быть взято у Гегеля для теории национализма,—это монизм. „В последовательном монизме,—говорит он,—который *снимает противоречивость отдельных, различных сфер естественного и человеческого существования*, утверждается идентичность „действительности“ и „ценности“, „бытия“ и „долженствования, „свободы“ и „необходимости“ и т. д. Гегелевская философия является прежде всего панлогистической систематизацией духовно-нравственного мира на исторической основе. Дух является единственной действительностью, и он развертывается в едином процессе целостности его естественного и исторического существования“ [1]. Принцип „идентичности“ Циглер и кладет в основу своей теории нации. Он поддерживает, что гегелевский монизм строго *выдержан* идеалистически. Он дает понять, что именно в этом,—в том, что такой идеализм становится неуязвимым, последовательным, свободным от противоречий,—и заключается сила гегелевского монизма.

Буржуазным идеологам вероятно небезызвестно, что существует подлинный *монизм диалектического материализма*. Но они делают вид, что им ничего не известно о его существовании. Монизм, говорят они, возможен лишь как идеалистический. Поэтому марксистскому мировоззрению приписываются всяческие неприсущие ему противоречия, чтобы, представив его в извращенном виде, легче с ним „расправиться“. Старый прием буржуазных идеологов—валить с больной головы на здоровую. Благодаря этому замазываются действительные противоречия буржуазного идеализма и одновременно „преодолевается“ „грубый материализм“—известный воровской прием „держите вора!“ Абсолютный идеализм Гегеля, его панлогизм привлекает к себе фашистскую философию, ибо важнейшим моментом ее является гипертрофированный *идеологизм*. Последний является следствием того, что *идеологический обман* масс приобретает в эпоху империализма, особенно в период всеобщего кризиса капитализма, исключительное значение. Буржуазная идеология в целях дезориентации масс набрасывает на весь мир, на действительность *сплошное покрывало*, которое должно скрыть действительность от человеческого сознания и представить мир сквозь это покрывало в ложном, извращенном—„идеальном“ виде. Как такое *сплошное*, цельное покрывало и рассматривается гегелевский абсолютный идеализм.

Поскольку же гегелевский монизм сооружен при помощи соответствующих „категорий“, логических конструкций, вне которых он теряет всю свою силу, то неогегельянцы трудятся над „восстановлением“ гегелевской методологии. Они однако со всей реши-

---

[1] *H. Ziegler*, Die moderne Nation, S. 148.

тельностью отмежевываются от гегелевской диалектики единства как единства противоречий. Они делают такое сильное ударение на *„единстве“*, что противоречия совершенно исчезают, причем последнее даже выдается за специфическую особенность гегелевского единства, гегелевской методологии единства. Такое кастрирование Гегеля теперь весьма популярно. В этом направлении изощряются представители неогегельянства в разных областях философии и социологии. Следует отметить, что некоторые наиболее откровенные гегельянцы типа Циглера прямо признают, что обезвреживание гегелевской диалектики достигается усилением идеалистических элементов его философского монизма, т. е. еще большей мистификацией мистической гегелевской диалектики. Таким образом и невинность, якобы, соблюдается, и капитал приобретается. Философия Гегеля, в которой противоречия играют огромную роль, превращается в философию монизма, освобожденного от противоречий (хотя на словах они иногда сохраняются). Абсолютный идеализм Гегеля как бы продолжает стоять на крепких основаниях категорий, но последние пропитаны обезвреживающим идеалистическим, метафизическим, мистическим раствором. Они растворены, т. е. потоплены в идеализме. Сохранилась лишь их тень, их отражение на зеркально гладкой, застывшей безбрежной поверхности идеализма, где нет ни вечного, опасного движения, ни подводных камней. От них остается лишь видимость, наружность, и только в таком виде „категории“ приемлемы. В другом виде, даже в таком, как они представлены у Гегеля, они устарели. Как говорит *Циглер:* „Именно своеобразие и специфическая окраска такого мышления, его структура и основные категории, „погруженные“, так сказать, во всеобщий мир представлений эпохи, определяет *наружность,* в то время как систематическая взаимосвязь, теоретическое значение самой науки уже снято или пережито“ [1]. Как мы дальше увидим, *Циглер* стремится применить гегелевскую категорию монизма, называя ее „идентичностью“, „погружая“ ее в современное *фашистское государство.*

Другие ортодоксальные гегельянцы действуют более тонко. Они декларируют, что восстанавливают гегелевскую философию целиком—и систему, и метод, но оставляют за собой право приспособить их к современности. Естественно, что в результате „приспособлений“ от гегелевской диалектики остаются рожки да ножки. Приспособление состоит в том, что отдельные стороны гегелевского метода механически вырываются из всей совокупности, односторонне „развиваются“ и в результате через Гегеля возвращаются к Фихте (Джентиле) или снова к *Канту* (Кронер, Либерт). „Монистическая философия“ Гегеля превращается в универсальный магазин, в котором можно достать все что угодно—товары самого различного производства и самых различных фирм, но с *единой* этикеткой, которая удостоверяет, что данный продукт изготовлен, продезинфицирован и обезврежен от всяких марксистских и либеральных бактерий по самому лучшему способу („Вне конкуренции. Остерегайтесь подделок!“).

---

[1], *H. Ziegler,* Die moderne Nation, S. 144.

Такая „диалектика“ „годна к употреблению“, может быть использована и использовывается в разные случаи жизни. *Г. Леви,* к примеру, отмечает, что из всей совокупности гегелевских категорий „особенно подхватываются (категории.—*М. А.*) *диалектического* поворота, *творческой личности* и... *непрерывности*“ [1]. Достаточно иметь самое общее знакомство с неогегельянским, философским-воровским жаргоном, чтобы перевести все это на понятный язык политической практики: *„творческая личность“*, т. е. фашистская диктатура, при помощи *„диалектического поворота“*, т. е. ликвидацией буржуазной демократии, путем фашистской „национальной революции“ обеспечивает „непрерывность“ „общественного строя“, т. е. сохранение капиталистических порядков. Ясное дело, что такой „диалектический (!) поворот“ не только не страшен, но даже необходим в интересах „непрерывности“ (философский псевдоним антиреволюционности).

Применительно к теории нации и государства наиболее важными методологическими категориями, которые развиваются неогегельянством, кроме категории „Единства“, являются категории *„Целостности“* (Ganzheit), общности (Gemeinschaft). В силу этого займемся разбором и этих методологических принципов.

Выясним однако некоторые общие вопросы. Проблема *единства* предполагает собою необходимо и проблему *взаимоотношения* отдельных элементов единства. Неогегельянство „разрешает“ ее таким образом, что единство конкретизируется как „единство целого и частей“, „общности и индивидуума“, „всеобщего и единичного“. Сущность единства заключается в *примате* целого, совокупного, всеобщего, общности над частью, единичным, индивидуальным, отдельным и т. д. Таковы основные, определяющие, решающие, имеющие „действительность“, выражаясь гегелевской терминологией, категории. От них нужно исходить, к ним нужно стремиться, к ним в конце концов приходить. *Они—цель.* „Противоположные“ им величины—лишь средство, преходящее, несущественное, второстепенное, производное от действительных, решающих. Интересы первых преобладают над интересами вторых, они их в себе содержат и „снимают“. В переводе с философского жаргона на язык социальной практики это значит следующее: „Единство“ общества, совокупные интересы всего „народа“, хозяйственного целого, целостность государства и пр. и пр., т. е. *интересы капиталистического общества,* являются целью, они стоят выше интересов отдельных „частей“ общества „индивидуумов“, „групп“ и пр., т. е. *классовой борьбы.* Последняя недействительна, незакономерна, несущественна и стало быть неразумна. Она должна быть „снята“ в интересах „целого“. Поступки и действия всех классов и отдельных лиц должны определяться нуждами „целого“. Кто знаком с фашистской фразеологией, без труда узнает за этой терминологией агентуру монополистического капитализма. Гегелевские категории превращены в своеобразную лестницу, по которой поднимается „на должную высоту“ фашистская диктатура, прикрывающаяся интересами „Целого“, в ступеньки, по которым должны подняться трудящиеся

---

[1] *H. Levy,* Die Hegelrenaissence in der deutschen Philosophie.

классы, чтобы принести в жертву свои „частные“, „единичные“ и „особенные“ интересы на алтарь „общности“, „целостности“, „совокупности“, конкретнее—„народа“, „государства“, „нации“, т. е. монополистического капитала.

Идеология *фашистской диктатуры* получает внешне весьма стройное, методологически выдержанное и законченное обоснование. Разодетая в роскошные философские одежды она вводится в храм науки, поднимается на уровень цельного и последовательного мировоззрения. Неогегельянский национализм усматривает свою особую силу именно в этих своих чертах. *Чтобы превратить национализм в мировоззрение, необходимо было философские, общеметодологические принципы перестроить применительно к самому дикому и разнузданному национализму.* Так обстоит дело—сознают или не сознают этого неогегельянские националисты. Национализм является не „логическим выводом“ из соответствующих „научных“ „объективных“ конструкций. Он является их исходным пунктом, движущим мотивом, внутренним содержанием, как бы сложен ни был процесс образования фашистско-националистической идеологии. То обстоятельство, что фашизирующаяся буржуазная мысль приходит одновременно на разных участках к одним и тем же или к однородным по своему характеру общим принципам, методологическим предпосылкам,—лишь указывает на социальную *сущность этого явления*. Буржуазный идеолог, отражающий интересы своего класса, питающийся его соками, обладающий инстинктом этого класса, стоящий на идейных, политических позициях капиталистической реакции, схватывает основные идеи, которые вынашивает в себе этот класс, и облекает их в соответствующие, наукообразные формы. Это явление наблюдается сейчас в разных отраслях буржуазной науки и культуры—всюду происходит процесс фашизации, усиление реакционности, всюду выдвигаются принципы, направленные к подавлению „частного“ и сохранению „всеобщего“. Это происходит и в области теории права и государства, и в экономической теории, и в естественных науках, и в общефилософской мысли. *Перестраивается, фашизируется весь идеологический фронт буржуазный.* Поэтому задачей марксистского исследования современного фашистского национализма является выявить общий идеологический фон, на котором развиваются националистические теории, показать общие их черты и тем самым облегчить их социальный анализ, их политическую характеристику.

Вернемся теперь к вопросу о целом, общности и пр. в связи с неогегельянским национализмом.

„Примат „Целого“ над частью“ достигается выхолащиванием действительных противоречий внутри целого. Для этого противоречия выводятся за пределы этого „Целого“ (нация, государство). Но ведь *различий-то* по крайней мере нельзя замолчать—как с ними быть? Вопрос разрешается таким образом, что за ними признается действительность, лишь поскольку они составляют *„Целое“*, стремятся к *„Целому“*. В *„Целом“* лишь они обретают свою реальность. Отсюда и следует, что сами по себе части целого—это величины мнимые, ирреальные и иррациональные. Гегель превращается в самого вульгарного механиста. Вот например как понимает Геринг

взаимоотношение частей и целого по Гегелю. „По мнению Гегеля,— говорит он,—лишь через, например, определенное тело любящего может быть получена необходимая *противоположность и диференциация*, равно как и *постоянная тоска по предстоящему соединению*, которое, как мы знаем, так необходимо для живого *диалектического духовного* единства“ [1]. Итак не *„раздвоение единого“ (Ленин)* как метод действительного изучения единства, а *соединение* „различных тел“ воедино. *„Целое“* фашистов это только „единство“, но не противоречия. Отсюда *главная и основная задача* в познании „Целого“,—это не выяснение взаимоотношений *частей* его, а *преодоление их мнимой реальности*, отказ от того, чтобы их рассматривать как таковые. Декретировав этот тезис, *Геринг* получает возможность следующим образом говорить о диалектическом методе Гегеля: „Ведь он означает не что иное, как то, что я, чтобы достичь *полного* понятия или *полной* реальной сущности (оба для Гегеля идентичны) феномена, должен перешагнуть через прежде всего *фальшиво изолированное* и поэтому, как мы знаем, слишком *самостоятельное*, но поэтому также в большинстве *нежизненное, пассивно-абстрактное, спокойное единичное и частичное* и его дополнить недостающим ему для жизненного единства другим (А— другим не-А); так например *мнимого* одного любящего (как субъект)—другим необходимо сюда относящимся, любимым“ [2]. Стало быть диалектический метод заключается в том, чтобы, игнорируя часть как таковую, дополнять ее другой частью. Если довести до конца этот принцип, то получается, что целое не состоит из частей, а *стоит над ними*, либо их нет вообще. С одной стороны, внутренняя структура целого—это не взаимоотношения частей между собой (ибо без частей нет и целого), а отношение отдельных частей к целому. Благодаря этому неогегельянец освобождается от необходимости анализировать *действительные, противоречивые отношения частей между собой*. С другой стороны, сущность диалектического анализа сводится к *дополнению* одной частью другой, причем отбрасывается различное и противоположное положение этих частей внутри целого, их разное и противоположное отношение к целому и целого к ним. Этим достигается то, что неогегельянец освобождается от необходимости определять целое через часть и часть через целое.

Что же мы имеем в результате такой „диалектики“ „Целого и части“? Ни диалектического взаимоотношения, ни малейшего намека на что-либо подобное. Просто механистическое сложение и вычитание „феноменов“ (Кант, ау!) и „понятий“ (чтобы отдать должное Гегелю). Ни частей, ни целого. *Сплошная путаница* (один пример чего стоит—любящая и любимый как „диалектическое целое“!),—но путаница, через которую пробивается все одна и та же цель—философского обоснования националистической политики империализма, политики подавления классовой борьбы пролетариата. Уже в период империалистической войны мы встречаемся с этой националистической „методологией“. Вот например как про-

[1] *Haering*, Gemeinschaft und Persönlichkait in der Philosophie Hegels.
[2] *Там же.*

поведывалась идея послушания и подчинения, даже самопожертвования, империалистическому государству: „Основная формула *идей 1914 г.*, как мы уже знаем, значит: поставить себя... на свое *место;* действуй как часть целого, в котором ты находишься; действуй для целого. Или коротко: создавай, включайся, живи в *целом*“ [1]. Требуются ли какие-либо комментарии к этому апофеозу национализма?

Приведем в качестве иллюстрации еще такой факт. Известный фашистский экономист, венский профессор Отмор Шпанн, ставит в качестве эпиграфа к книге „Fundamente der Volkswirtschaftslehre“ изречение Аристотеля: „Das Ganze ist notwendig früher als der Feil“ (*Целое* необходимо предшествует части). Долой часть, да здравствует целое! Целое фигурирует здесь как нечто вечное и неизменное. А если бы оно и изменилось в чем-либо, то ни в какой связи с его внутренней структурой, с взаимоотношением частей, с их взаимной борьбой, с гибелью одной из них и т. д. *Нет противоположностей внутри целого и нет движения на основе их борьбы.* Если целое движется, изменяется и пр., то благодаря тем или иным отношениям с другим целым. В конечном счете весь мир представляет собой либо одно целое без частей, т. е. одну огромную *монаду,* либо одни отдельные целые—бесчисленное количество монад. А так как в применении этого принципа к общественной жизни „Целое“ это есть „Нация“, „Государство“, то приложение такого понятия „Целого“ к капиталистическому обществу освобождает фашистского идеолога от необходимости анализировать *противоречия классов в этом обществе,* их движущий характер, изменения, происходящие в нем, неизбежность замены его противоположным „целым“—*социализмом,* неизбежность пролетарской революции и пр. позволяет этим идеологам объявить все это „антинаучным“, „недействительным“, противопоставить националистическую постановку вопроса—классовой. *Что* и требовалось „доказать“!

Неогегельянская философия *единого и целого* также связана с той реакцией на *индивидуализм,* с тем крайним *антииндивидуализмом,* который столь характерен для фашизирующейся буржуазной идеологии. Кризис индивидуализма имеет уже солидную давность. О нем заговорили еще в начале нынешнего столетия, за несколько лет до империалистической войны. Укажем на кризис индивидуализма в области теории права и государства, который породил специальную литературу [2]. Проблема индивидуума в его отношении к коллективу (нации, государству) трактуется буржуазными идеологами в разных направлениях. Империалистическая война сыграла решающую роль в формировании антииндивидуалистических тенденций как преобладающих и господствующих. Буржуазный и мелкобуржуазный индивидуализм, *связанный с либерализмом, с пацифистским гуманизмом,* все больше разлагался. Этот процесс усилился в послевоенные, *особенно в последние годы всеобщего кризиса капитализма.* Теперь уже не так легко найти сторонников, а тем более защитников, этого господствовавшего на протяжении ве-

[1] *I. Plenge,* 1789 и 1914.

[2] См. например книгу Анри Мишеля „Идея государства“, затем нашего отечественного гегельянца Новгородцева „Кризис современного правосознания“ и др.

ков идейного, философского стиля буржуазии. С „индивидуализмом" фашистская идеология ведет „священную войну", предав его анафеме и считая его причиной чуть ли не всех бедствий современности. Его превратили буквально в „мальчика для битья" в области теории, философии. Задачу „преодоления индивидуализма" буржуазная идеология, в частности неогегельянство, прокламирует как одну из главных своих задач. Указание на это мы встречаем еще у Виндельбанда, в его высказываниях о задачах немецкой философии. „Таким образом,—говорит он,—мы с полным сознанием переживаем величайшую проблему исторического движения: отношение между *личностью и массой.* И в этом смысле вопрос об *общеобязательности ценности* имеет свое культурно-философское значение. От его разрешения будет зависеть, может ли немецкая *философия исполнить задачу,* которую ставит ей современное состояние нашей народной жизни" [1]. В вопросе о переходе от Канта к Гегелю проблема антииндивидуализма занимала и занимает одно из центральных мест. Достаточно четко и прямо это высказал еще во время войны И. Пленге (по нашему мнению это одна из наиболее интересных для *истории* неогегельянства фигур): „Мы не можем себе представить путь от Канта к Гегелю лишь в одном отношении. Это путь двойной: он ведет от индивидуалистического сознания лишь самого себя мыслящего я—разума—к сознанию включения единичного во всеобщее; в то же время духовную работу „Разума в себе", которую еще с гордой силой подчеркивал Фихте, он превращает в творческое восстановление духа всей природой и всеми частями исторической жизни. Гегель означает в обоих отношениях завершение этого пути" [2]. Пленге высказывает ту мысль, что в Гегеле содержится не просто отрицание Канта, но положительная замена индивидуализма принципом „Всеобщего". Разработку этого принципа применительно к обстановке империалистической войны и дал Пленге в упомянутых выше работах. В дальнейшем мы будем весьма часто встречаться с антииндивидуализмом в ряде конкретных вопросов теории нации и государства. Здесь же мы приведем еще некоторые иллюстрации из писаний фашистских идеологов. Так А. Шпенглер, уничтожающий индивидуализм пруссачеством, вещает: „Прусский дух требует, чтобы *воля отдельного лица растворялась в общей воле.* Корпус офицеров, чиновничество, рабочие Бебеля, наконец народ 1813, 1870, 1914 гг. чувствуют, хотят, действуют, как *сверхличные* существа" [3]. „Радикалы" типа Розенберга выдвигают тезис о том, что индивидуализм, субъективизм вообще всегда были отрицательным, неполноценным явлением. „Субъективизм как философская проблема, а также как проблема искусства—это результат внутреннего бесплодия (расового скрещения) народа, индивидуальности, целой эпохи или вообще, как конец, направление духовно-расового краха"? [4]. В той или иной форме этот тезис отстаивают все немецкие фашисты. Индивидуализм—это у них универсально-отрицательное определение, это самый ругательный

---

[1] „Философия в немецкой жизни", стр. 149.
[2] „1789 и 1914 годы", стр. 98.
[3] "Пруссачество и социализм", стр. 34.
[4] *Rosenberg,* Der Mythus, S. 332.

эпитет, которым фашистские идеологи награждают всех своих действительных и мифических, настоящих (марксизм) и мнимых (социал-фашизм, буржуазный либерализм, пацифизм, еврейство и пр.) противников. Неогегельянство считает себя особенно призванным и способным покончить с индивидуализмом, ссылаясь при этом на Гегеля, который, мол, еще в свое время вел борьбу с ним. Ссылаются на Гегеля также в борьбе с *„атомизмом"*, с *„универсализмом"*, являющимся оборотной стороной индивидуализма. „Бесцеремонный индивидуализм и безграничный универсализм взаимно обусловлены" [1]. Чтобы доказать несостоятельность какого-нибудь явления, достаточно приписать ему тяжкий смертный грех индивидуализма. К примеру „план Дауэса и план Юнга—оба суть выражения сочетания универсализма и бескровного индивидуализма" [2]. Угробил, что называется, план Юнга и план Дауэса!

С индивидуализмом связывают также *материализм и механицизм*, которым противопоставляются *идеализм и органицизм*. Нечего и говорить, что на это имеется столько же научных оснований, сколько на все предыдущие антииндивидуалистические комбинации. Совершенно ясно, что действительно преодолеть индивидуализм можно лишь на основе *пролетарского коллективизма*. Буржуазное же сознание не может от него избавиться, оно может лишь видоизменить его. Ведь частную собственность, товарно-капиталистические рыночные отношения, эту основу основ индивидуализма, и пр., фашисты не собираются отменить. Чем же они могут заменить ненавистный им либеральный индивидуум? Как мы увидим на примере национализма и энтузиазма, индивидуум заменяется „личностью". Несомненно, что различия между ними есть. Но это различия между либерально-демократическим и фашистским индивидуумами, различия внутри буржуазного индивидуализма, как и различия между буржуазной демократией и фашизмом суть различия методов господства одного и того же капиталистического строя. Нет сомнения—*прежний* индивидуализм становится непригодным идеологическим оружием господства и угнетения. Новый индивидуализм имеет ряд специфических особенностей применительно к нуждам идеологической маскировки. Либерально-демократическая фразеология больше негодна. Пользоваться ею в новой обстановке невозможно, как невозможна больше либерально-демократическая практика. Ибо, как говорит итальянский собрат германских фашистов, „Настал день, когда эта система (т. е. буржуазная демократия.—*М. А.)* привела к своим заключительным выводам и принесла наибольший вред, угрожая ввергнуть всю современную цивилизацию в состояние всеобщей анархии, и когда выдвинулась проблема реорганизации общества и государства уже не на прежней основе *индивидуалистического атомизма,* философии французской революции, а на основе признания общества как органического целого" [3]. На таком фоне происходит разработка неогегельянцами новой „ценности"—идеи целого и общности.

[1] *Rosenberg*, Der Mythus, S. 366.
[2] *Там же*, стр. 508.
[3] *A. Rocoo*, La nuova disciplina del laboro et la Stato corporativo. „Gerarchia" № 7, 1926.

Категория „Gemeinschaft“ (общности) является одной из наиболее излюбленных в системе методологических упражнений неогегельянства, да и вообще всей фашистской философии. На ней пробуют свои силы, в разной форме и разных областях, весьма многие философы, социологи, правоведы и даже... медики[1].

Довольно характерную и типическую попытку поставить Гегеля на службу современной методологической проблематики, мы встречаем например у *Геринга*. Проблему общности у Гегеля *Геринг* изображает чисто националистически—Гегель якобы исходит из одного практического вопроса, как *„оживить народную жизнь“*. Ответу на этот вопрос якобы посвящена вся система Гегеля, чуть ли не все его идейное творчество. „В специальной форме проблемы *народной общности* и индивидуума она (т. е. проблема общности.—*М. А.*) образует для него... главную часть его основной проблемы. А так как для настоящего оживления народной общности играют необходимую роль все другие формы общности и их оживление и вопрос о жизненном качестве и структуре индивидуума в жизненном целом, то в основном ответе Гегеля должен заключаться также ответ на вопрос об индивидууме и *общности в самом общем и всеохватывающем* смысле“[2]. В чем же этот ответ заключается? *Геринг* стремится дать всеобщую, всеохватывающую постановку проблемы. По двум линиям у него идет разрешение ее: 1) по линии взаимоотношения различных форм общности между собой (религия, нравственность, государство, хозяйство, искусство и т. д.) и личностей внутри отдельной формы, 2) по линии взаимоотношения *целостностей, общностей* (отдельных наций, читай) между собой. Взаимоотношения первого и второго рода взаимно противоположны. То, что хорошо для одного, плохо для другого и наоборот. Для взаимоотношений второго рода он считает характерными и доминирующими *противоречия, самостоятельность, качества, активность и свобода*. Общим конститутивным признаком *общности* является то, что у Гегеля эта категория стоит выше всяких других. „В то время как другие философы пытаются объяснить феномен общности всякими другими возможными категориями, у которых они ему заимствуют феномены действительности, Гегель делает, наоборот... одну *всеобщую структуру* живого отношения общности основной категорией объяснения всякой другой жизни, отказывая ей в объяснении каким-либо иным путем“[3]. В силу этого общность—это не только конкретная идея, понятие, это метод. Тут Геринг вступает в весьма опасную для него область—гегелевской диалектики. Общность, соглашается он, есть *„диалектическая об-*

---

[1] Укажем хотя бы на такой факт. Лейпцигский съезд философов в 1928 г. был специально посвящен серии докладов под общим названием: *„Phliosophie* der Gemeinschaft“. Темы докладов самые различные, и это должно было свидетельствовать об универсальном общефилософском значении проблемы. Были заслушаны следующие доклады; 1) *Haering Theodor*, Gemeinschaft und Persönlichkeit in der Philosophie Hegels, 2) *Freyer Hans*, Gemeinschaft und Volk, 3) *Friedrich Delekat*, Was ist und wie entsteht Gemeinschaft, 4) *Stopel*, Leibnizs Metaphysik der Gemeinschaft, 5) *Victor von Weiztäcker*, Kranker und Arzt, 6) *Friedrich Hempelmann*, Frühformen der Gemeinschaft in der Tierwelt и др.

[2] *Haering*, Gemeinschaft und Persönlichkeit, S. 9.

[3] *Там же*, стр. 15.

щность". Отношения внутри общности—это отношение единства и противоположностей. С прямо завидной смелостью он бросается в *бурный поток „диалектики*". „И противоположность контрагентов общности—индивидуумов между собой, и их общность, объединенность должны получить свое право и „быть сняты" в гегелевском смысле, в настоящем *диалектическом* понятии *живой общности*, т. е. *настоящей, противоречия* сохраняющей или преодолевающей объединенности" [1]. В другом месте он говорит, что „для Гегеля главным источником является признание необходимости *противоположности* для всякой жизни". Но из дальнейших разъяснений Геринга становится совершенно ясным, что он лишь спекулирует некоторыми гегелевскими терминами. На деле диалектики нет и в помине. Он настолько подчеркивает *единство* противоположностей, что последние как таковые теряют всякое действительное, реальное значение. Единство существует *до* противоречий. Становление происходит из единства и приводит к единству. Подобно тому как у Шпана целое существует раньше части, так и единство у Геринга предшествует противоположностям. Впрочем Геринг сознает видимо, что ссылаться на Гегеля и совсем выбрасывать основное в гегелевском принципе противоположностей—движение, историзм—все же неудобно. Поэтому он включает в теорию общности и принцип развития. Принимает его как принудительный ассортимент. Он, полемизируя с Куно Фишером, выдвигает положение, что, *во-первых*, Гегель пришел к идее развития довольно поздно, а *во-вторых*, пришел к нему окольным путем через триаду... Бытие, мол, занимает у Гегеля более прочное место, чем становление, к которому он пришел значительно позже и якобы под влиянием внешних моментов. В общем, он страшно неохотно допускает принцип развития, заранее дискредитируя его всякими оговорками, намекая на то, что это довольно несимпатичная „категория", и ставя при этом Гегеля наголову,—всякий мало-мальски знакомый с гегелевской диалектикой знает, как неправильно противопоставлять по ней бытие становлению и приписывать Гегелю мысль, что главное—это триада. Но все это еще недостаточно обезвреживает принцип развития. Поэтому Геринг делает еще одно разъяснение, окончательно обезвреживающее диалектику. Каждая общность, говорит он, имеет свою определенную *природу*, свою сущность, свой жизненный принцип. Развитие заключается в том, что разворачиваются и реализуются все возможности, таящиеся в природе данной общности. *Выйти за пределы этого никак невозможно.* Движение совершается по замкнутому кругу, и, как бы ни была велика центробежная сила, разорвать этот круг невозможно. Таково естественное, нормальное состояние общности. Если же мы встречаемся с ненормальностями внутри общности, угрожающими даже распаду ее, то это происходит в результате отклонения движения от пути, имманентно присущего данной общности. В частности ненормальности, наблюдающиеся в жизни той или иной нации, имеют своей причиной *„денатурирование отношений"* внутри „национальной общности". Локомотив, двигающий национальную

---

[1] *Haering*, Gemeinschaft und Persönlichkeit, S. 16.

жизнь, сошел с рельсов, выбит из колеи—вывод ясен: „оздоровление“ народной жизни требует восстановления нормальных естественных отношений внутри общности. „Диалектика“ здесь заключается в установлении „жизненных отношений“ между отдельными формами общности внутри целостной народной жизни, т. е. *горизонтального* единства, и между контрагентами, членами общества—индивидуумами, группами, классами, т. е. *вертикального единства.* Все это называется у Геринга *„всеобщей структурой отношений общности“,* и в этом он видит гвоздь проблемы. Совершенно ясно, что под *горизонтальным единством* Геринг понимает единство и *полную согласованность действий всех орудий и средств буржуазного господства*—госаппарата, церкви, прессы, школы, искусства и т. д., строгое проведение во всех этих областях и этими организациями единой „национальной“, т. е. *классово выдержанной* империалистической линии и политики[1]. *Под вертикальным единством,* он разумеет *единство классов,* устранение классовых противоречий в лоне „национального единства“, подавление революционной классовой борьбы пролетариата[2]. Такова несложная „диалектика“ фашистского „оздоровления национальной жизни“. Конкретной характеристики принципов и природы отдельных общностей Геринг не дал. Это уж дело второстепенное. Главное, как философски увековечить при помощи Гегеля эту общность (в которой читатель вероятно уже узнал *буржуазное общество).* Геринг делает это путем выхолащивания противоречий, путем полного их кастрирования, в результате чего развитие, движение как таковое становится невозможным. Общность застыла в своей „вечной природе“, она приняла вполне приличный, метафизический вид. Противоречия и движение, поскольку они признаются, носят целиком механический и ни в коей мере не *диалектический характер.* Гегелевской диалектикой тут и не пахнет. Бурный поток диалектики благополучно превращен в обыкновеннейшую эклектичную лужицу, спокойное болотце, в котором Геринги себя чувствуют вполне безопасно и даже приятно.

Проявив такую незаурядную смелость в отношении „диалектики противоречий“, Геринг не изменяет себе и в других вопросах. Неверно, говорит он, понимают Гегеля, когда в его борьбе против безудержного *индивидуализма и атомизирования,* против „суммационной“, механической теории общности усматривают якобы принижение роли личности, уничтожение ее свободы и самостоятельности. В действительности-де он с большой силой подчеркивает значение активной личности, самостоятельных граждан. Без них, особенно без *героических личностей,* невозможна никакая живая общность. Смысл геринговского восстановления прав „индивидуума“ ясен—он подкрепляет свою общность, покоящуюся на естественном основании единства „индивидуумов“, *активизмом, „героизмом“ и прочими качествами фашистской „творческой личности“.* Затем он хвастливо заявляет, что надо-де уметь разбираться в

[1] Правительство Гитлера, как известно, проводит на практике эту „линию“.

[2] В области установления этого типа „единства“ правительство Гитлера также *прославляет* себя „блестящими“ деяниями.

свойствах разных общностей, а не болтать об общности вообще. Гегель, мол, говорит о конкретных формах, которые он устанавливал эмпирическим, а не априорным путем. Эта часть геринговских упражнений в „общностях“ звучит как призыв к представителям отдельных областей буржуазной философии и идеологии перестать говорить вообще об „общности“, а взяться за применение этого принципа, каждому по своей специальности. Знание неогегельянской общности должно быть водружено на всех участках идеологического фронта, и тогда „народная жизнь“ будет оздоровлена. „Сим победиши!“

Кроме категории *„целого и общности“* неогегельянство еще оперирует, как мы указали, категориями *целостности*, *всеобщего*, *целокрупного* и пр., которые также жестоко расправляются с *особенным, своеобразным*, отдельным и пр. Вряд ли имеет смысл нам излагать здесь философические изыскания и конструкции того же рода, ибо характер их тот же, что в разобранных нами случаях. Таков же их социальный смысл. О последнем достаточно красноречиво говорит в частности неогегельянец Фр. Бляшке: „Гегель учил нас целостность понимать не как единичное, но как совокупное. Эта сила—единичное и вечное видеть в единстве—может нас *повести вперед*, ибо она противостоит усилившемуся нигилизму, этому извращенному релятивизму. Речь идет о таинственном *возрождении особенного, своеобразного, индивидуального*, которое всегда имеет место, когда оно лишается „всеобщего“, жертвует себя ему и в этом акте самоликвидации снова себя находит“ [1].

В переводе на понятный язык это должно означать следующее: революционные настроения масс („нигилизм“) все больше усиливаются; виновен в этом и чрезмерный „релятивизм“ (т. е. отрицание абсолютной роли и целости целого, вечного и пр., т. е. буржуазного государства, в таком виде часто фигурирует в фашистской терминологии либерал-демократизм), который уже не может справиться с „нигилизмом“, марксизмом (и якобы ему даже потворствует); все больше *обостряется классовая борьба* („возрождение особенного, своеобразного“ и т. д.), что кажется удивленному философу „таинственным“ явлением, всегда имеющим место, когда разрываются общественные связи и падает господствующий порядок,—фашиствующий философ говорит о революционной обстановке эзоповским языком („когда они лишаются „всеобщего“); и вот всем этим разрушительным силам противостоит „некая сила“, примиряющая „единичное и вечное“. Этой силой является гегелевская „целостность“, как мы дальше увидим, *фашистское, империалистическое государство*. На неогегельянском жаргоне революционное брожение называется „отсутствием общности“. Так другой неогегельянец *Г. Гиезе*, пекущийся о воспитании молодежи в гегелевском духе, следующим образом характеризует послевоенные годы в Германии: „В эти годы молодежь также оказалась в противоречии с мудростью, и вопрос о „сущности общности“ вынырнул и часто беспокойно обсуждался. Теперь это понятие приобретало мягкую, расплывчатую и в основном самую отвлеченную сентиментальность,

[1] *F. Blaschke*, Hegels System der Sozialphilosophie.

„которая вспыхивает в глазах большинства молодых людей, когда они произносят слово общность". Не чувствовали себя связанными ни с какими объективными ценностями, не чувствовали себя связанными ни с какими делами, имели общности, скрепленные лишь силою эроса, но не имели никаких обществ, которые возникают из союза в *Вечном, Безусловном* и из мысли *совместного* служения делу"[1].

Современная обстановка назревания революционного кризиса в Германии дает несравненно больше оснований для подобных жалоб и для того, чтобы искать выход из положения на путях сохранения *общности.* Классовая сущность и в этом смысле интернациональный характер неогегельянства с разобранными нами его категориями становятся все более понятными и самим неогегельянцам, хотя выражают они это в специфически спекулятивной, гегельянской терминологии. В своем приветствии I интернациональному конгрессу Гегельбунда д-р Г. А. Киндерман сказал между прочим следующее: „Совсем не случайно, что философская мысль,—ибо теперь опять появляются старые требования объяснять,—перешагнула сейчас с полной уверенностью национальные границы и объединилась на этом интернациональном конгрессе. Ибо то, что нас сближает, это не то, что разъединяет и разлучает людей и народы между собой, но то, что им обще и поэтому их объединяет: это *дух, абсолютное, все субъективное и особенное,* в себе *вмещающее и снимающее, абсолютно объективное и всеобщее*"[2]. Что может объединить философских представителей фашистской буржуазии разных стран и наций на гегелевском конгрессе, если не выработка средств идейной борьбы с пролетариатом, средств подавления его, средств спасения капитализма, если не бешеная ненависть к марксизму-ленинизму, если не страх перед ним?

Таковы некоторые предпосылки общеметодологического порядка, развиваемые неогегельянством и имеющие наиболее близкое, непосредственное отношение к обоснованию современных фашистских теорий нации и государства. С рядом других неогегельянских построений общефилософского характера мы будем еще встречаться в дальнейшем, поскольку они будут фигурировать в националистических теориях, которые мы подвергнем разбору. Но уже из приведенных нами фактов видна „новизна" фашистской философии—этой старой философской одежды, перелицованной и перешиваемой по современной моде. Эпигонский, плоский, анемичный, импотентный характер „новых ценностей" предстает во всей их неприглядной действительности. Круг „идей", развиваемых неогегельянством, чрезвычайно беден и ограничен—о чем может думать погибающий класс?—хотя убранство „пышное" и разнообразное. Правда, искусные философские кулинары преподносят публике одну и ту же фашистскую манну в виде самых различных блюд с самым разнообразным гарниром: одна и та же мысль о *единстве и целостности (буржуазного государства)* пережевывается и перемалывается в десятках плоскостей и вариантов, в многочисленных „категориаль-

---

[1] *G. Giese* Hegels Staatsidee und der Begriff der Staatsregierung.
[2] См. Abhandlungen des 1 Kongresses *d. Hegelsbund.*

ных" оформлениях—Совокупности, Всеобщности, Общности, Организма, Абсолютного, Объективного, Имманентного и пр. Классовая борьба пролетариата, революционный марксизм и вместе с ним отживающие формы парламентаризма „преодолеваются" как „субъективизм, нигилизм, индивидуализм, частное, единичное, особенное, своеобразное, релятивизм, трансцендентализм" и пр. Все это должно создать впечатление огромного размаха мысли, необыкновенной широты кругозора, универсальности метода и пр. Но все это лишь *реквизит, декорация, оформление*—само же содержание разыгрывающейся идеологической драмы исключительно убого. И если история повторяется в виде фарса, то современное неогегельянство—это жалкий *фарс, пародия, карикатура*. Достаточно только ознакомиться с специфической неогегельянской терминологией, чтобы довольно быстро и легко обнаруживать за *абстрактнейшими категориями ослиные уши фашистской реакции*. Никогда буржуазная философия не была в такой мере преданной служанкой реакции, как теперь, никогда она не была партийной в такой степени, как в настоящий момент. Это и облегчает задачу марксо-ленинской борьбы с современной буржуазной идеологией и делает ее особенно важной и необходимой.

Мы не ставили себе задачей дать критику неогегельянства в целом. Общефилософские его положения нас интересовали, лишь поскольку это необходимо для уяснения и критики неогегельянского национализма и этатизма. Последние представляют собой реализацию общефилософских принципов в явлениях общественной жизни. *Нация и государство*—это формы „общности и целостности" общества. Так говорят неогегельянские Заратустры. Перейдем теперь непосредственно к этим вопросам.

ГЛАВА IV

Национализм «Über alles!»

„Чтобы действительно провести в решающей политической обстановке единство, национальная связанность должна обладать преимуществом перед другими связанностями» *(H. Ziegler).*

I

Возвращение к гегелевской теории нации обосновывается как восстановление *самого высокого синтеза националистических теорий немецкого идеализма.* Выдвигается в то же время положение, что от Гегеля ведет, собственно, свое начало оформившийся немецкий национализм: „Национальная, государственная идеология—сама дитя идеалистической философии и не кто иной, как Гегель, ее отец“ [1].

Существуют разные типы неогегельянской разработки теории нации. Некоторые занимаются лишь простым восстановлением гегелевской философии истории и права (Ляссон, Геллер, Биндер, Гиезе, Бляшке и др.), стараясь их применить к современности, другие используют основные принципы гегелевского национализма, сочетая его с другими теориями (Циглер, Шпенглер) и давая „самостоятельные“ теории. Общей чертой всех гегельянских теорий нации является то, что основные вопросы: исторический характер нации, условия и причины ее возникновения, влияние отдельных факторов на этот процесс, изменения, происходящие в самой структуре нации и пр., они обходят полным молчанием. Да это и понятно, ибо, *во-первых,* для них нация—это категория вечная, метафизическая, этой своей стороной совершенно упраздняющая вопросы о том, при каких условиях, когда, почему и пр. *Во-вторых,* все эти теории носят идеалистический характер, и потому все операции с определениями, анализами и пр. протекают в лоне идей и духа, перед которым все остальное—экономика, территория, язык и пр.—ничто, в лучшем случае „инобытие духа“, производное от него, его функция. Отсюда и основная схема неогегельянских теорий нации: 1) *„национальный дух“ внутри*—нация как „единство“, „общность“, взаимоотношение внутри ее частей, индивидуумов и пр.; 2) *„национальный дух“* вовне—взаимоотношение отдельных наций как взаимоотношение „духов“. Естественно, что эта схема не всегда выдерживается, особенно тогда, когда хотят уложить в нее ряд актуальных проблем современности, как это имеет место например у Циглера. Все же большинство на-

[1] *H. Heller,* Hegel und der Machtstatsg Gedanke in Deutschland.

ционалистических теоретиков умудряется пригнать к своим категориям все вопросы, которые они „освещают“ при помощи национализма,—вопросы классовой борьбы, классовой идеологии, марксизм, интернационализм, либерализм и т. д. Национализм выступает здесь как универсальная отмычка, которой просто открывают всякие ларчики—проблемы. На деле мы получаем тут самую обычную, пошлую Begriffscholastik—игру в понятия, которая заменяет у буржуазных идеологов действительную работу мысли. Вся эта мышиная возня с гегелевскими категориями интересна и достойна внимания лишь потому, что она отражает состояние буржуазной идеологии, процессы разложения, в ней происходящие, и методы ее борьбы с пролетарской идеологией.

Мы не будем излагать здесь все перепевы гегелевских националистических мотивов и того изложения гегелевской националистической теории, которое можно встретить у неогегельянцев. Мы остановимся лишь на том, какие стороны гегелевской теории нации привлекают неогегельянцев в их попытках поставить Гегеля на службу фашизму и каким путем они это проделывают. В связи с этим мы выясним и те извращения, которым подвергается гегелевский национализм в процессе его „разработки“ и применения к нуждам фашистской идеологии.

На первом плане здесь стоит универсальный характер гегелевского национализма, вытекающий из *абсолютного, объективного* характера „народного духа“. Национализм, „национальный“ фактор это уже не один из факторов, а всеобъемлющий, всеохватывающий всеопределяющий. *Все в нации и через нацию, ничто вне нации!* Как говорит, захлебываясь от удовольствия *Г. Гиезе:* „...*все* дела и действия духа, все произведения общности внутри объективного духа—по учению Гегеля—*национально обусловлены*, и внутри определенного народа дух может осуществиться *только* как особенный народный дух“ [1].

Этот момент делает исходным пунктом своей теории нации и Циглер. В силу того, что явления и институты внутри данной нации обусловлены *одним* национальным духом, то они по своей природе идентичны. Принцип *идентичности* Циглер считает основным в теории нации у Гегеля и его последователей, из этого принципа исходит (дополняя его, как узнаем дальше, еще другим принципом—*легитимирования*). Главное преимущество принципа *идентичности*, утверждает Циглер, то, что он освобождает от необходимости конкретного анализа отдельных явлений и организаций внутри нации. Раз они являются лишь отражением, произведением от чего-то другого—„народного духа“, то какой смысл доискиваться их сущности,—ведь последняя является сущностью „абсолютного духа“. Из принципа идентичности якобы следует, что „такие образования, как государство или нация, стало быть представительствующие формы общности, не выводятся больше как эмпирические феномены“ [2]. Поскольку же народный дух в свою очередь является лишь проявлением всемирного духа, то нет возможности устанавли-

---

[1] *G. Giese,* Hegels Staatsidee.
[2] *Ziegler,* Die moderne Nation.

вать эмпирическим путем характер, условия образования и пр. отдельных народных духов. „Ибо как выражение, как феномены объективации эти индивидуальные духи *не являются больше преимущественно продуктом исторических и социальных факторов* и ступеней развития, но непосредственным проявлением, представительством лишь самоопределяющегося абсолюта—демиурга истории и общества“[1]. Стало быть принцип идентичности амнистирует *от исторической и социальной закономерности*. Желающего добраться до нее отсылают сначала от отдельных институтов к национальному духу, а от него—к всемирному абсолюту. Допытываться-де у последнего об исторических и социальных закономерностях по меньшей мере нелепо—он *сам* себе исчерпывающая закономерность. Таким образом благодаря принципу развития всемирной истории через посредство отдельных народных духов создается возможность окольным путем упразднить *причинность* явлений. Это—огромнейшее „достижение“ националистической историографии, имеющее весьма важное для империалистской идеологии политическое значение. „Это принципиальное индивидуализирование исторического мира следует признать одной из существенных идейных основ национальной идеи, в которой все общие определения растворяются в *индивидуальных, исторических* единичных (einmalige) целостностях, которые диалектически избегают *эмпирической каузальности*. Эта индивидуализация исторического мира по народным духам имела также огромное значение для *политической теории*, ибо тут лежат последние идейные предпосылки принципиальной суверенности *самодовлеющей исключительности*, самобытной, догматической исключительности идеи нации“[2]. Но что означает ликвидация закономерности и каузальности, утверждение догматической исключительности и пр.? Кому и зачем это нужно? Огромный исторический опыт, который имеют на своих плечах эти принципы национализма, и то, как они выглядят в современности, блестяще показал их социальное назначение. Его можно было вкратце определить выражением, употребленным одним из идеологов русского феодализма,—это *„предохранительное начало“*. Оно „предохраняет“ от железного закона исторического развития, обязательного для всех народов, от общих законов классовой борьбы, от *универсальных* тенденций загнивания, гибели капитализма, от *общей* участи буржуазии всех стран, наконец от общей неизбежности—от *социализма*. „Отгородиться“ от всемирно-исторических процессов, спастись от них как-нибудь за китайскими стенами „национальной самобытности“ („что немцу здорово, то русскому вредно“,—говорил еще в свое время, кажется, Хомяков), бороться с революцией при помощи „национальной исключительности“—вот то конкретное социально-политическое назначение, которое неизбежно получает этот принцип в условиях всеобщего кризиса капитализма. Об этом Циглер говорит довольно откровенно: „Нет сомнения, что именно эти философско-исторические мысли оказали огромное влияние на образование *социально-действенного*

---

[1] *Ziegler*, Die moderne Nation.

[2] *Там же*, стр. 153.

политического мировоззрения и идеологии. Тем более этот своеобразный *новый тип автономного* философско-исторического мышления имеет функцией производить также социально-мобилизующие или легитимирующие идеи в эпоху, когда *гарантируемая церковью или религиозным учением легитимация более не общеобязательна*"[1]. „*Идентичность*", *легитимирующая (узаконяющая) господство капитализма,—вот в чем ценность абсолютного национализма Гегеля, такова вся премудрость циглеровской теории.*

„Теория" Циглера показывает также, что фашистские идеологи не удовлетворяются реакционными принципами, развитыми Гегелем, они делают его еще более реакционным, приписывая ему ряд своих собственных мыслей. В данном случае—ведь гегелевская концепция всемирного и народных духов не отрицает принципов закономерности, причинности. Нет спора, Гегель впадает в противоречия, толкуя проблему взаимоотношения всемирного и народных духов (в первую очередь тем, что он остановил развитие всемирной истории на прусском государстве), но приписывать Гегелю мысль, что „индивидуализация" всемирной истории упраздняет „эмпирическую каузальность", можно лишь, причесывая его под Ранке. Гегель высмеивал жестоко (неужто Циглерам это неизвестно?) „понимание" тех, кто представляет себе историю в виде случайных, индетерминированных актов, тех, кто не видит железной поступи исторической закономерности, смены одних принципов другими. Но что же, если не такое „понимание" истории предлагают Циглеры, если они видят лишь „догматическую самобытность", „исключительность", *единичное* (einmalige), *индивидуальное,* т. е. неповторимое, неподдающееся по сути изучению. Хорош гегельянец, приписывающий Гегелю *агностицизм,* ибо как же назвать иначе тот *„познавательный* принцип", который выдвигает Циглер. То *индивидуализирование,* о котором говорит Циглер, является философско-историческим *методом Риккерта,* методом, который, как известно, ведет к Канту, к его дуализму, агностицизму, трансцендентальной апперцепции. Против того, что *Циглер* применяет риккертианскую философию истории, конечно ничего нельзя возразить, но причем тут объективный идеализм Гегеля? Окончательно убивать диалектические элементы, содержащиеся в гегелевской философии истории при помощи одностороннего раздувания его националистического народного духа—это означает на языке неогегельянства „применять Гегеля". Гегелевский объективизм превращается в неокантианский, риккертианский индивидуализм, абсолютизм—в релятивизм, имманентное—в трансцендентное, принцип познаваемости—в агностицизм, и все это *кантианизирование Гегеля* делается с претензией на применение гегелевской философии.

Против моды не попрешь! В свое время, когда еще считалось возможным открыто говорить о недостатках гегелевской и преимуществах перед ней других теорий *Майнеке* писал: „Чтобы возвратить исторической жизни ее полную автономию, не было необходимости в том, чтобы целиком и полностью провести те *универсалистские принципы,* которыми они были до сих пор стеснены.

[1] *Ziegler,* Die moderne Nation, S. 154.

Было возможно, как это показал пример Ранке, пойти еще дальше в признании собственной правоты (Eigenrechts) исторических *индивидуальностей*, более смело их постичь, обращая все более при этом свой духовный взор к вечному небу“ [1]. *Ранке* действительно пошел дальше Гегеля в оправдании „исторических индивидуальностей“, поэтому у него нет ни грана диалектики. Сплошной немецко-националистический туман. Его история Германии—это густая пелена, которая отделяет немецкий народ от общих законов исторического развития. Это и значит, по Майнеке, что он „более смело постиг индивидуальность“. В действительности же он сконструировал совершенно произвольные и поверхностные схемы. Благодаря этому он „все более обращал свой взор к вечному небу“ и отрывался от грешной, земной действительности, чутье которой у Гегеля было довольно сильно развито. В этом *Майнеке* усматривал его недостаток по сравнению с Ранке. Так же думают многие неогегельянцы и в настоящий момент.

II

Гегелевский национализм разрабатывается дальше как „антииндивидуалистический“, или, как говорят еще неогегельянцы,—*трансперсоналистский*. По этой линии устанавливается тесная связь со всей фашистской идеологией в целом. Послушаем восторженного *Фр. Бляшке*. „Кто осуществляет идею, свободу в истории? По Гегелю—*не единицы, но народные духи*, и тут он приходит к глубочайшему и до сих пор не превзойденному взгляду на отношения между индивидуумом и объективным духом“ [2]. Следует разобраться—о каком „индивидууме“ идет речь? Если под этим названием имеется в виду пресловутая „героическая личность“, по своему произволу и усмотрению творящая историю, вступающая в спор с целым народом и диктующая ему волю свою и т. д., одним словом „великая“ „историческая“ личность буржуазной историографии,—то это одно дело. Хотя такая трактовка вопроса, совершенно игнорирующая роль личности в истории, неправильна, механистически упрощена и не соответствует гегелевской трактовке, как это пытаются представить неогегельянцы, все же можно было бы считать известным достижением для буржуазной идеологии то обстоятельство, что она на закате своих дней отбрасывает столь распространенный среди ее теоретиков историко-философский принцип, который ставит в центре событий „великую“ личность. Но, оказывается, речь идет не об этой личности. Речь идет о средней, массовидной личности, о рядовой клеточке буржуазной ткани, об „атоме“, т. е. об индивидууме, который стоял в центре буржуазной демократической идеологии *либерализма, гуманизма, эгалитаризма*. Она-то, оказывается, является „внутренним врагом народного духа“, ее-то и постигает печальная участь. Вот как с ней расправляется, к примеру, Циглер, который все хлопочет о *политических выводах* из гегелевского национализма. „Современная нация,—говорит он,—стала центром силы. Она теперь означает границу и единство, с ко-

[1] *Meinecke*, Weltbürgertum und Nationalität, S. 286.
[2] *F. Blaschke*, Hegels System der Sozialphilosophie.

торым выступают в политической борьбе. Не идет *больше речь о внутриполитической законности или об индивидуальной свободе* и либеральности, *но о национальном действии и могуществе.* Индивидуум, стало быть, требует уже не столько человеческого права, но коллективности: нация *требует* политического могущества и легитимного права"[1]. И дальше: „Раз в центре стоит категория народного духа, то *не индивидуум как личность* поднимается на решающую ступень, но коллектив. *Народ* и поэтому *нация является* решающей *действительностью,* против которой единичное не обладает никаким принципиальным собственным правом. Индивидуальная свобода, а это для политического поведения имеет решающее значение, в указанном смысле невозможна"[2].

Почему же буржуазные идеологи так стараются *лишить личность свободы,* чем она провинилась перед „нацией" (капиталистическим строем)? Тут мы уже вплотную подходим к актуально-политическим проблемам, волнующим буржуазию. „Дело в том, что в условиях все обостряющейся классовой борьбы внутри нации или в случае империалистической войны *„индивидуальные* стремления к свободе или демократический постулат равенства проявляют себя как *расслабляющий* фактор против *укрепляющего могущества национального фактора.* Новый национальный коллективизм является политически становящейся реальностью"[3]. Это все одна и та же песенка о несостоятельности демократии, либерализма, покоящихся на индивидуализме, как философии, идеологии. Индивидуализму противопоставляется национализм, *национальный* коллективизм. Дело изображается таким образом, что индивидуализм будто вообще чужд „идее" нации. Выставляется также положение, что немецкий национализм всегда был *коллективистичен,* всегда был направлен против „индивидуума". Тезис о несовместимости индивидуализма и национализма совершенно неправилен теоретически. И тот и другой являются идеологией одного и того же класса буржуазии и имеют общие социально-экономические корни—конкуренцию отдельных капиталистов и мелких производителей, торговцев внутри наций (отсюда *индивидуализм)* и конкуренцию национальных „коллективов" капиталистов либо внутри многонационального государства, либо на междугосударственном мировом рынке (отсюда *национализм*). Исторически это неправильно, ибо националистическая идеология в большинстве стран и вплоть до настоящего момента была тесно связана с *индивидуализмом,* который всегда был господствующим идеологическим стилем (особенно во Франции и Англии) и лишь в период империализма вступающим в состояние кризиса. Да и в самой Германии национализм Фихте, национальная концепция Гердера и Лессинга, разве они не являются индивидуалистическими? Правильно будет, если мы скажем, что теперь *фашизирующаяся* буржуазная идеология переходит от индивидуалистического национализма к *корпоративистскому,* что и является признаком и составной частью всего процесса фашизации. Итак национализм

---

1 „Die moderne Nation", S. 131.
2 *Там же,* стр. 164.
3 *Там же,* стр. 134.

отнимает у индивидуума какое бы то ни было значение, какую бы то ни было свободу. Все и вся осуществляет сама нация, лишь она „ведет к свободе“ и т. д. Но если эта конструкция выглядит более или менее „последовательной“ и „логичной“ в теории, в фразеологии, то вся противоречивость и ложность ее обнаруживаются сразу, когда переходишь к практическому вопросу: как же все-таки конкретно, реально проделывает все свои мистические функции „нация“? Ведь состоит-то она из зловредных „индивидуумов“, группирующихся в партии, классы и пр. Наконец в реальной действительности „нация“ представляет интересы некоей части всех индивидуумов, относящейся к определенному классу (буржуазному). От этих вопросов отмахнуться ведь нельзя—ведь Гинденбурги, Гитлеры, Гугенберги большие и малые, полицейские, солдаты рейхсвера, штурмовики и пр.—ведь все это „индивидуумы“, так же как рабочие, коммунисты, комсомольцы. Неужто индивидуум, сидящий в тюремной камере, так же „несвободен“ и „недействителен“, как и индивидуум, сидящий в кабинете полицей-президента или в штабе штурмовых отрядов? Вот тут и выступает на сцену так называемая „творческая личность“. В практической, политической терминологии немецких фашистов эта „личность“ уже заняла почетное место. Нет сомнений, что в ближайшее время она займет это же место и в неогегельянском арсенале немецких фашистов. „Низвергнутый“ с своего идеологического пьедестала буржуазный *„индивидуум“* прошел через чистилище—„национальный коллективизм“, искупался в этой целебной и дезинфицирующей от всяких бацилл коммунизма и либерализма купели и вынырнул опять на свет капиталистический в своем новом одеянии—*творческой личности“*. В таком виде он вновь получает полномочное представительство от „нации“ и выполняет все полагающиеся ему функции.

Теперь при помощи этой *„личности“* восстанавливается „национальная жизнь“, „преодолевается“ „единичное, особенное, своеобразное“, т. е. осуществляется *небывалый зверский террор над рабочим классом, организуются еврейские погромы, развертываются в исключительных масштабах кровавые провокации на улице и в предприятиях, вершатся прочие доблестные дела „национального возрождения“*. Таково „творчество“ этой „личности“, одетой в коричневое, вооруженной револьвером и ножом, насквозь проникнутой „национальным духом“, находящейся на содержании у монополистического капитала. Отныне получает доверие только эта „личность“ (*„идеальная, творческая“*, т. е. *фашистская):* „Только личность означает ясную духовность и сознание устойчивого духовно-волевого существа. Это есть и останется глубочайшим переживанием Запада, и никакой ложный стыд не должен устранить обсуждение этого вопроса“ [1]. Розенберг подбадривает своих коллег из числа тех, кто еще не утратил окончательно чувства антииндивидуалистического стыда. „Долой буржуазный стыд!“ Чего стесняться в своем фашистском отечестве! И кого бояться—проверенной, целиком оправдавшей себя „творческой личности“? *Таков путь от Канта к Гегелю и обратно, от либерального индивидуализма, через „коллективизм“, к фашистскому индивидуализму.*

[1] *Rosenberg*, Der Mythus, S. 366.

III

В качестве попытки развить *методологические особенности* гегелевского национализма применительно к современному фашистскому государству интересна и характерна концепция Циглера. Она характерна еще потому, что автор ее—представитель *нового* поколения немецких докторов и приват-доцентов, выросшего *в условиях войны и послевоенной обстановки*. Это поколение, не связанное в такой мере, как его учителя, традициями неокантианства, более чуткое к действительности, более восприимчивое к новым лозунгам и более смелое, решительное в формулировании и реализации этих лозунгов, высказывает с *большей прямотой и откровенностью* то, что они думают, чем их учителя, а зачастую и те мысли своих учителей, которые последние еще не удосужились или не осмелились высказать.

Концепция Циглера—яркий образец *фашизации* буржуазной науки. Циглер дает довольно развернутую постановку вопроса о том, какие задачи он ставит перед *современной* теорией нации. С этой целью он дает сравнительную характеристику либерально-демократического национализма, представленного французским национализмом, и „современного национализма", связанного с фашистским государством. Отличительными, определяющими чертами современной эпохи он считает 1) *обострение классовой борьбы*—выражает он это конечно гегельянски-эзоповским языком—вроде „динамизация политических сфер"! и 2) изменение „хозяйственного строя", которое он усматривает в *огосударствлении* хозяйства. Применительно к этому и должна выглядеть и новая национальная теория. Ее *функция—„упорядочение социальных отношений", узаконение нового типа капиталистического господства*. Это он считает основным и главным в современной теории нации. В его концепции „современной нации" почти совершенно не затрагиваются вопросы *межнациональных отношений*. Функцией современного национализма он считает *в основном узаконение (легитимитации) буржуазной диктатуры*. Он прямо заявляет: „Современная нация будет здесь исследована как идея легитимитации современной государственности"[1]. Исходным пунктом он считает „*взаимоотношение* между *проникновением масс* в организации господства, мобилизацией масс через эту организацию и для нее, с одной стороны, и *национализацией господства*, с другой"[2]. Это следует расшифровать таким образом—современный национализм должен изобразить *господство над массами* как господство масс при помощи тех же организаций господства, но организаций, которые носят „национальный характер". Циглер отправляется от политической действительности, от борьбы за власть. Он ничуть не обманывается на тот счет, что „*процесс подъема* масс находится сегодня в такой стадии, когда прежняя национальная идентификация *больше не достаточна* для легитимирования господства"[3]. Та национальная идея, которая соответствует либерализму буржуазной демократии, парламента-

[1] *Ziegler*, Die moderne Nation, S. 11.
[2] *Там же*, стр. 8.
[3] *Там же*, стр. 30.

ризму, уже теперь, в эпоху фашистского господства, непригодна. Вообще же национальная идея не только должна быть сохранена, она должна играть отныне основную роль в организации господства. Ибо только „национально-демократическая идея находится в решающем кризисе, но не национальная идея вообще“ [1]. Циглер пространно доказывает, высказывая местами довольно едкие замечания по адресу буржуазно-демократического национализма, что если последний может еще быть использован во внешнеполитических отношениях, т. е. в обосновании милитаризма и империалистической экспансии, то для внутренних целей, для „легитимирования“ господства он совершенно непригоден. А именно: „Национальная идея должна быть в состоянии *вместить противостоящие классовые идеи* и самой преобразоваться“ [2]. И Циглер принимается за „преобразование“ националистической теории. Он развивает следующую цепь рассуждений. Главная задача—это задача идеологического узаконения господства в *классовом обществе*. Основная идеологическая предпосылка решения этой задачи такова: „Каждое господство нуждается в обосновании *единства,* поскольку оно всегда означает объединение и упорядочение социального *многообразия* путем руководящих действий. Нормы, институты, символы, легитимация господства имеют прежде всего функцией *интегрирование социального имморализма* в социальное единство“ [3]. (Слова то какие, а? Для кого гегелевская диалектика является алгеброй революции, а для кого алгеброй реакционного господства.) Как же происходит „интегрирование“ т. е. объединение всех классов под одним руководящим принципом? Главное тут—найти соответствующий *индентифицирующий* принцип. Раз он найден—дело сделано. Нужно лишь добиться всеобщего признания его. А тогда— „раз идентификация акцептирована, она уже формирует *картину политического мира.* Тогда носители и представители принципа, движущего историю, имеют несравненную обязательность и объединяющую легитимацию“ [4], т. е. буржуазные, господствующие классы (Циглер все время остается в рамках существующего порядка и говорит о господстве этого порядка) как представители и носители капитализма получают узаконенную обязательность.

Циглеровский принцип *легитимирования* является еще одним примером того, как реакционность Гегеля не удовлетворяет современных реакционнейших теоретиков буржуазии и как последние его извращают. Циглер ссылается на монизм Гегеля. Но ведь гегелевский монизм—это монизм *бытия объективного,* монизм действительности, уже самой по себе разумной. Легитимация же Циглера идет от исторической школы права, от теоретика феодального государства Шталя. В основе ее лежит апелляция не к бытию, а к долженствованию, она целиком субъективна, отражая стремление во что бы то ни стало удержать и сохранить тот порядок, который уже не может доказать свою „разумность“ и „действи-

---

[1] *Ziegler,* Die moderne Nation, S. 293.
[2] *Там же*, стр. 30.
[3] *Там же*, стр. 244—245.
[4] *Там же*, стр. 160.

тельность“ Циглер восстанавливает *легитимные идеи*, имеющие больше чем столетнюю давность, выдавая их за отличительные черты „современной нации“. Он устраивает отнюдь не законный брак гегелевской и исторической школ права, изображая все это как продукт „истинно немецкой мысли“. Всякому знакомому с отношением Гегеля к исторической школе ясна нелепость этого брака. Совершенно ясно, что легитимирование означает тут узду, которая набрасывается на социальные силы, которые грозят господству „принципа“, движущего историю. Гегель однако обходился без узды. Принцип *легитимирования* придает циглеровской теории нации своеобразный характер. Национальная идея сводится у него почти *исключительно к юридической, правовой форме*. В его теории совершенно оттеснены на задний план элементы культуры, психологии, территории, языка, даже междунациональные отношения. *Вне проблемы классового господства циглеровская „нация“—ничто“*. Циглер рассматривает нацию как одну из форм, скрепляющих и предохраняющих от распада связей, и приписывает ей, как таковой, приоритет. „Решающий факт, на который мы будем ориентировать нашу постановку проблемы,—это то, что именно одна групповая форма выделяется из многообразия социального группирования, получая одновременно преимущественную ценность, и что на нее ориентируются как на „естественную“ границу в практических действиях и теоретических размышлениях, к ней относят историю и культуру, что нация может представить *социальный круг*, который в исключительном случае актуализируется как *политическое единство* и доминирует над другими формами связи“ [1] .

Циглер не объясняет, почему именно он отдает предпочтение нации—для него достаточен тот факт, что другие „институты“ для этого не годятся, что с „нацией“ они во всяком случае не могут конкурировать в отношении „общеобязательности“ своей идеи, действенности в области „мобилизации масс“, т. е. *обмана, дезориентации широких масс*. Так представляет себе дело Циглер, говоря, что „в результате *социального плюрализма* нация конкурирует с другими идеями легитимитации. Чтобы действительно провести в решающей политической обстановке единство... национальная связанность должна обладать приемуществом перед другими связанностями. Ориентация на нее должна преобладать над другими ориентациями. История современной нации может быть понятна как усовершенствование этого принципа в социальной легитимитации“ [2]. *Правовые функции нации заключаются в ее обязанностях перед идеей господства*. Циглер подчеркивает это неоднократно: „Нация действительна лишь, поскольку она имеет шансы, что это специфическое направление поведения определяет самоориентацию индивидуумов. В этом стало быть смысл *категорий связанности, легитимитации*. Нация выступает у нас в противовес другим как идея легитимитации. Именно она гарантирует *легитимность современной организации господства*. Она несет поддержку нового государства со стороны масс, является одним из существенных факторов *в процессе объединения масс для политического единства*“ [3]. Заметим,

---

[1] *Ziegler* Die moderne Nation, S. 54.
[2] *Там же*, стр. 69.
[3] *Там же*, стр. 65.

что все это весьма мало похоже на гегелевский „народный дух“, из которого Циглер стремится вывести свой принцип идентификации. Вместо того, чтобы определять собой всю внутреннюю жизнь народа, в том числе и характер государственной власти, как это имеет место у Гегеля, нация у Циглера сама определяется типом государства, способом господства. Идентифицирование заключается у него не в выведении из „народного духа“ всех особенностей жизни данного народа, а в том, что в „народный дух“, в национальную идею, вкладывается то содержание, которое необходимо *в данный политический момент для поддержания господства, для мобилизации масс* и т. д. Циглер рассматривает нацию как средство, в то время как она, казалось, должна была бы фигурировать как самоцель. У него „нация“ должна существовать ради господства определенного порядка, в то время как по гегелевскому национализму должно происходить совершенно обратное. В явном несоответствии с гегелевской точкой зрения находится мысль о том, что с „нацией“ может конкурировать какая-либо другая „форма связи“. У Циглера нация—это организационная и идеологическая форма, в то время как гегелевский монизм („идентичность“ по Циглеру) „народного духа“означает также *единство* содержания и формы. Наконец все циглеровские заботы об „интегрировании социального плюрализма“, о „мобилизации масс“, о „социальной обязательности“ и пр. прямо ставят нацию в положение *подчиненное* по отношению к интересам господства существующего строя и его „руководящих действий“, под которыми понимается фашистская диктатура.

Если содрать словесный покров со всех этих глубокомысленных, архиученых рассуждений, то нам придется констатировать факт, что в данном случае истина глаголет устами даже фашистского идеолога. Ведь нельзя не согласиться с тем, что *содержание „национальной идеи“ определяется ходом классовой борьбы, политикой господствующей буржуазии, интересами подавления сопротивления и революционного подъема эксплоатируемых масс*. Но как раз это и говорит на своем „идеологическом“ жаргоне Циглер. Концепция Циглера отличается таким образом довольно *грубой и цинично-откровенной* постановкой вопроса: классовые различия и противоположности в обществе неизбежны; революционный подъем масс должен быть преодолен; диктатура господствующих классов должна быть сохранена и укреплена, националистическая идеология должна эту диктатуру *обосновать и узаконить*. Мы имеем здесь очевидно дело с определенной разновидностью фашистских идеологов или, вернее, с идеологией определенного крыла германского фашизма—именно того крыла, которое опирается и ориентируется *преимущественно* на крупную буржуазию, юнкерство, высшие круги старого чиновничества, старого и нынешнего рейхсвера, которое не считает для себя необходимым связывать „идею нации“ с „антикапиталистической“ или „социалистической“, „революционной“ демагогией, как это делают национал-социалисты. Это идеология того крыла *германского фашизма*, которое представлено партией националистов—Гугенбергом, „Стальным шлемом“ и примыкающими к ним политическими и военными организациями. Без всякой романтики и „революционной“ фразеологии, характерных для идеологии национал-социалистического фашизма, а в совершен-

но реалистических тонах, в духе и манере *юридического, политического трактата,* временами смахивающего на *докладную записку* Его Величеству Господину Капиталу, Циглер доказывает жизненность и необходимость фашистской диктатуры, ссылаясь в частности на опыт фашистской Италии. И вот эта сторона, надо сказать, является одной из наиболее интересных в циглеровской концепции. Интересна не его критика либерализма,—тут он повторяет обычную фашистскую словесность. Он против „принципа большинства", за принцип „нации", против „гипертрофии представительства" („Vertretungshypertrophie"), за сильную власть, против „автоматической", за „органическую" нацию, против „социальной проблематики", за „национальное единство", против парламентаризма, эгалитаризма, принципа партий, классов и т. д. и т. п Интересна и показательна именно эта сторона его „теории", которая культ голого принуждения, насилия, подавления, господства утверждает *совершенно открыто.* Или, выражаясь по-циглеровски: „Примат *социального обязательства* становится *монополией, поглощающей все легитимитации.* При помощи этого обязательства сила политического единства радикально акцептирована против социального плюрализма"[1]. Итак долой „социальный плюрализм" и да здравствует: „...мобилизация всех граждан со всей их энергией для государственных целей—новое и несравненное *всемогущество национально-легитимитированного государства*"[2], т. е. *неограниченной фашистской диктатуры.* Все кунстштюки с „легитимированием" имеют целью „доказать", что фашистское государство, прикрывающееся „общенациональной идеей", вполне закономерно и что признание этой закономерности составляет отличительную черту подлинно немецкого, т. е. гегельянского национализма. Ибо „фашизм означает также попытку найти новые формы политической организации национальной воли, национального бытия. Легитимитация этого господства производна от национального; целью и этого господства является организация нации в политическое единство. Национальный коллективизм, который впервые введен демократизмом как решающий политический фактор, усиливается и освобождается от либералистского индивидуализирования..."[3],—говорит Циглер и дальше цитирует программу итальянских фашистов, открыто демонстрируя этим *классовый и в этом смысле интернациональный характер фашистской идеологии.*

IV

Под сильным влиянием гегелевского национализма находится один из наиболее популярных современных буржуазных философов—*Освальд Шпенглер.* В своей философско-исторической концепции он в весьма многих отношениях использовывает и развивает гегелевский „народный дух", в своих социологических построениях он исходит из прусского государства. Он сделал попытку более непосредственно, конкретно и детально увязать историко-философскую и государственно-правовую теории Гегеля. В результате он свел *германизм к пруссачеству,* последнее представил в

[1] *Ziegler,* Die moderne Nation, S. 252.
[2] *Там же,* стр. 7.
[3] *Там же,* стр. 296.

исключительно *этатическом* свете, отождествил его с ,социализмом и осуществление последнего сделал исторической миссией немецкого народа. Гегельянские мотивы сочетаются у него с другими, самыми различными, гегельянству чуждыми и зачастую противоположными, враждебными мотивами. Шпенглер „оригинален", как исключительно смелый и бесцеремонный эклектик, смешивающий в одну кучу самые различные вещи, чтобы доказать свой принцип „пруссачества"-социализма.

То понятие о „теоретической совести", о „научности" и „проверенности", „объективности" высказываемых суждений, которое еще фигурировало (на словах, естественно, ибо буржуазная немецкая мысль после Гегеля никогда не переставала быть эклектичной) до настоящего времени у буржуазных теоретиков, у *Шпенглера* (как и у *Кайзерлинга* и у других современных Шопенгауэров) сознательно отбрасывается как ненужная ветошь. Шпенглера можно было бы назвать ортодоксальным эклектиком, убеждающим других в том, что он явил миру совершенно оригинальное, исключительно последовательное и цельное, из одного куска металла отлитое мировоззрение. С огромным уважением он отзывается одновременно о *Канте и Гегеле, о Фридрихе II и Шопенгауэре, о Бисмарке и даже о... Бебеле* и пр., чуть ли не всех их считая своими учителями. Весьма часто он развивает мысли Гегеля, умалчивая об их авторе, и, наоборот, приписывает ему взгляды, в действительности позаимствованные у *Риккерта, Гаустона Чемберлена и др. Целый ряд отдельных практически-политических* положений он прямо подхватывает со страниц только-что вышедших книг,—все это комбинируется, подгоняется либо под пруссачество, либо под английский принцип и подается в оригинальной шпенглеровской оправе.

Эклектическая методология Шпенглера органически связана с его гносеологией, насквозь пропитанной интуитизмом, мистикой Lebensphilosophie (своего рода „социальный витализм"), сильно пахнущей *расизмом* и прочими пряностями разложившейся буржуазной философии. Подобно Шопенгауэру, он свысока смотрит на научные требования к идеологии и высокомерно их отбрасывает[1]. Соответственно этому Шпенглер и определяет национальную сущность немцев. Он принимает гегелевскую теорию национальной исключительности, поскольку она отводит каждому народу какой-нибудь отдельный принцип. Но он вырывает народный дух из тех исторических рамок, из абсолютного идеализма и панлогизма, наконец из процесса всемирной истории, в которые он заключен у Гегеля. В результате получается то же, что мы видели у Циглера, и то, что характерно для абсолютного большинства современных

---

[1] Вот его гносеологическое Credo: «Идеи не выговариваются. Художник созерцает, мыслитель чувствует, государственный деятель и солдат осуществляют их. Идеи постигаются только *кровью, инстинктом*, а не абстрактным размышлением. Они свидетельствуют о своем существовании *стилем народов*, типом людей, символикой деяний и творений, и знают ли эти люди вообще о них, говорят ли или они пишут верно или неверно, это маловажно. Жизнь—это первое и последнее, и жизнь не имеет ни системы, ни программы, ни разума, она есть сама для себя и сама собою, и глубокий порядок, в котором она осуществляется, доступен только созерцанию и чувствованию и затем быть может описанию, но не разложению на доброе и злое, верное или неверное, *полезное и желательное*» (*Шпенглер*, Пруссачество и социализм, стр. 69).

неогегельянцев—риккертианский „народный тип", „исторический индивидуум" в духе Риккерта и Ранке. Поэтому мы и говорим о гегелевских мотивах и влиянии, а не о полностью проведенном гегельянском национализме (с другой стороны, когда мы говорим о риккертианском национализме, то мы должны иметь в виду, что и он является модифицированным на основе неокантианской методологии гегельянским национализмом).

Итак, что же такое пруссачество? „Пруссачество есть жизнеощущение, инстинкт, необходимость. Оно есть совокупность душевных, духовных и поэтому в конечном итоге также и телесных качеств, которые издавна стали признаком племени или вернее *лучших и самых типичных экземпляров* этого племени. В этом слове заключается все, чем обладали мы, немцы, не в смысле смутных идей, желаний, причуд, но в смысле возможных в самой роковой глубине нашего существа хотения, неизбежности, возможности"[1]. Как видим, центральный элемент гегелевского народного духа—„ступень прогресса в сознании свободы"—здесь отсутствует. Вместо сознания фигурируют „жизнеощущение, инстинкт, необходимость, хотение, неизбежность, возможность". Вместо диалектической закономерности—судьба. Если Гегель датировал начало восхождения немецкого духа эпохой реформации, то Шпенглер ведет его начало от прусского государства. „Со времен Росбаха и Лейтена (битвы во время Семилетней прусской войны.—*М. А.*),—говорит он,—существует бесчисленное количество немцев, у которых глубоко в душе заложен кусочек Пруссии, постоянно готовая возможность, внезапно раскрывающаяся в великие моменты истории. Но истинно прусские реальности создал до сих пор только Фридрих-Вильгельм I и Фридрих Великий—я имею в виду *прусское государство и прусский народ*. Но всякая мощная реальность чревата плодотворными результатами. В сегодняшнем понятии немца, в сегодняшнем типе немца *прусский элемент*, вопреки устаревшим идеологиям, прочно укоренился"[2]. Затем Шпенглер констатирует самую детальную характеристику „пруссачества", противопоставляя ему „англиканство". Тут он конечно забывает о том, что не следует разлагать на доброе и злое: все злое он приписывает англиканству, все хорошее—пруссачеству. Первое осуждено на гибель, за вторым будущее. Первое „закатывается" на наших глазах, второе растет не по дням, а по часам, начиная с империалистической войны 1914 г. Центральным моментом этой характеристики является *утверждение пруссачества как социализма и отвержение англиканства как капитализма*[3].

Шпенглер причисляет к пруссакам и Канта и Гегеля, несмотря на все их различия в отношении их государственной теории и теории нации. У каждого из них он берет то, что может быть использовано для его схемы. „Столь же истинным для нас,—говорит он,—является Кант с его „презрением" счастья и пользы, категорическим императивом долга; Гегель с его мощным чутьем действительности, который ставит в центре своего исторического мышления суровые

---

[1] *Шпенглер*, Пруссачество и социализм, 26.

[2] *Там же*, стр. 27.

[3] Вот примерно схема, по которой Шпенглер развивает их сопоставление. Он устанавливает как характерное (см. продолжение сноски на стр. 86):

судьбы государства, а не благополучие „человеческого общества“ [1] как Кант, добавим мы. Почему они „столь же истинны“—одному Шпенглеру известно.

Подводя все под рубрику англиканства или пруссачества, он перепутывает все: классовое и национальное, суть и форму, третьестепенное и главное. В такой обстановке, естественно, он себя чувствует как рыба в воде. Никаких классовых противоречий, никаких неприятных исторических фактов, ничего, что могло бы вызвать хоть малейшее сомнение в истинности пруссачества. Поэтому шпенглеровские исторические экскурсии,—а путешествует он в истории всех веков и народов всегда с большим удовольствием и с еще большей беззаботностью насчет истины,—не содержат в себе ни одной положительной творческой научной мысли. Большинство его умозаключений способно лишь вызвать улыбку, а многие из них совершенно смехотворны. Так например, изображая всемогущество прусского духа, он ставит следующий вопрос: „Почему Наполеон ощутил уничтожение маленького фридриховского мира как *серьезнейшую задачу* и в сокровенной глубине своего духа как *неразрешимую?*“ [2]. Просто курам на смех! Или чего стоит такое глубокомысленное изречение: „Прусская армия, прусское чиновничество, рабочие Бебеля—все это продукты одной и той же дисциплинирующей мысли“ [3]. Шпенглер притворяется, будто ему неизвестно, что немецкое рабочее движение, „рабочие Бебеля“ имеют некоторую связь с учением „англо-еврея“ К. Маркса, с учением, для изничтожения которого он не жалеет ни пафоса, ни красок, ни образов. Или быть может он говорит о „рабочих“ типа Носке, Эберта, Шейдемана, Лейпарта, Вельса и пр., действительно перешедших на сторону пруссачества, т. е. германского империализма? Тогда он не может отрицать тот факт, что такого рода „рабочие“ являются интернациональным явлением. Монополия на них со стороны пруссачества хотя и трогательна в устах Шпенглера, но вряд ли может быть принята всерьез даже немецким национализмом. Но что до всего этого Шпенглеру? Он лишь выражает свои „чувства“. Невольно вспоминаются слова Герцена, сказанные в свое время по поводу разложения французского мелкобуржуазного

Для англичан:	*Для пруссаков:*
1) сенсуализм	1) идеализм
2) субъективизм	2) объективизм
3) парламентаризм	3) государство
4) принцип общества	4) »
5) раздвоенность общества	5) единый народ
6) богатство	6) чин
7) разбой	7) труд
8) капитализм	8) социализм
9) класс	9) сословие
10) конкуренция	10) организация
11) каждый за себя	11) все за всех
12) индивидуализм	12) коллективизм
13) привилегии по рождению	13) способности
14) хвастовство	14) скромность
15) свободная торговля	15) государственная организация

и т. д. и т. п.

[1] *Там же*

[2] *Там же*, стр. 7.

[3] *Там же*, стр. 29

радикализма: „...хорошо еще, когда из целой тысячи одной ночи человечества делается сказка... Но что сказать, когда все это врывается в жизнь, отводит глаза и мешает карты для того, чтобы ими ворожить „о близком счастьи, исполнении желаний" на краю пропасти и позора"[1]. Дальше мы увидим, какое „счастье" предсказывает Шпенглер, этот пророк „социалистического" прусского государства.

V

Мы остановимся еще на одной разновидности национализма—на *расизме*. Сделаем это по двум причинам: *во-первых,* в силу того, что он является официальной теорией национал-социалистского фашизма в Германии, и, *во-вторых,* потому, что *расизм* в сравнении с неогегельянским национализмом имеет ряд своих особенностей: внешне, на первый взгляд, они друг от друга отличаются во многих отношениях. У них как будто даже различные исходные пункты: первый—исходит из „народного духа", второй—как будто бы из его тела, из „народа". Первый—оперирует категориями из абсолютной идеи, второй—из чувства, инстинкта. Первый—чужд *антропологизму,* второй—на нем базируется. Первый—видит и цель и средство в *идейном* оздоровлении народа, второй—выдвигает еще принцип борьбы за *расовую чистоту.* Первый—считает демиургом истории дух, идею, второй—сперму, кровь. Первый—как бы напрягает все свои силы, чтобы проникнуть в *черепную коробку* и в ней построить свою крепость; второй—видит всю силу в размере *головы и цвете волос.* Первый—считает причиной всех бед уклонение от велений „национального духа", второй—видит главного врага в скрещении рас, в бастарде (результат расового скрещения) и т. д. и т. п. Но при всем том основное и главное у них является общим, ибо это разновидности одного и того же движения—фашистского. *Во-первых,* общим является, как увидим дальше, *этатизм,* подчеркивание исключительной, определяющей роли *государства в жизни нации; во-вторых,* расизм в том виде, как он получил наибольшее распространение, в настоящий момент находится под большим влиянием *неогегельянского* „народного духа". Затем следует сказать, что имеются и промежуточные формы, представляющие собой смесь взаимноослабленных систем *расизма* и концепции „народного духа", как например националистическая концепция Шпенглера, в которой мирно уживаются и „народный дух" и „кровь" под единой крышей так называемой *„судьбы народа"*. Далее следует иметь в виду, что *неогегельянский национализм* заключает в себе ряд моментов—разрыв связей между „всемирным" и „народным духом", увековечение последнего, усиление *иррационального* начала и др., которые *открывают* путь к расизму как упрощенному „социальному витализму", как возможному конкретному ответу на вопрос о реальной сущности и причине возникновения „национального духа"[2]. Но за-

[1] *Герцен*, Былое и думы, т. III, стр. 222.

[2] Отметим, что и у Гегеля имеется один элемент, который, будучи в известном направлении развит, также открывает путь к расизму,— именно его принцип *органицизма*: нация как *„органическое"* целое. Подобно тому, как этот принцип впервые всплыл в эпоху Гегеля и, бывши еще смутным и абстрактным как общесоциологический закон, был в дальнейшем развит в целую органическую теорию общества Спенсером и др., так и в специальной области национализма он был, надо полагать, использован для построения *расовой теории.*

метней всего выступает влияние гегельянской концепции на расизм там, где обнаруживается их *фашистский характер*, а именно: 1) в принципе *национальной исключительности*, 2) в конкретной характеристике немецкого „национального духа“ как „германизма“ (разница лишь та, что одни говорят о „немецком духе“, другие—об „арийской расе“), антииндивидуализме, идеализме, критике, „общности“ и пр. и 3) наконец, как уже отмечено, *в этатизме*, который является решающей, главенствующей чертой фашистского национализма. Неогегельянское и расистское обоснования национализма имеют общие функции—*обоснования и освящения фашистской диктатуры, разжигания национальной ненависти, подготовки империалистических войн и интервенций против СССР*. Они бьют в одну точку, в одну цель. Было бы конечно неправильно не замечать особенностей расизма, ибо за ними, помимо всего прочего, стоит особенность *социальной функции* и социальных предпосылок гитлеровского фашизма—факт крупнейшего значения в развитии германского фашизма. Расизм национал-социалистов находится, *во-первых*, в самой тесной связи с антисемитизмом, который занимает весьма видное место в идеологии, агитации, пропаганде и государственной практике национал-социалистов (еврейские погромы, бойкот еврейских магазинов, процентная норма, запрещение занимать посты в государственных учреждениях и пр.). При помощи антисемитизма руководители национал-социализма стремятся отвести недовольство капиталистическим строем мелких предпринимателей, торговцев, ремесленников, безработных, адвокатов, служащих и прочих разоренных кризисом в „национальное“ русло, в русло „национальной революции“, „национального возрождения“ и т. д. *Расизм*, во-вторых, является теоретическим обоснованием той политики разжигания исключительно *разнузданного зоологического шовинизма*, дикой национальной ненависти ко всему „ненемецкому“, которую проводят национал-социалистские вожаки, возбуждая и поощряя наихудшие инстинкты *взбесившегося* немецкого филистера, надеясь при помощи небывалого в истории Германии национализма создать „идейную“ мощь своей *„III империи“*. По своему идейно-теоретическому уровню *расизм* полностью соответствует этой установке национал-социализма, а также идейному облику той публики, среди которой он пользуется пока что столь шумным успехом.

Обратимся к одному из национал-социалистских популяризаторов расизма, к *Альфреду Розенбергу*.

Вот как он формулирует проблему „нового мировоззрения“: „Настоящее время больших изменений судьбы дало созреть новому воззрению на мир, историю и государство, которое хотя еще не вылилось в четкие формы, но в своем направлении уже единодушно установлено. Мы уже познаем историю не как *„вечное развитие человечества“*, будь это человечность, будь это христианизирование всех народов, будь это „культура человечества“, и также не *как грубую классовую борьбу*, но как взаимное *противопоставление духовно расовых государств среди окружающих их других рас*. После *столетнего* отрицания вечной природы народное национально-социалистическое движение чувствует себя снова объединенным вокруг закономерности вечного жизненного процесса“ [1].

[1] *A. Rosenberg*, Der Mythuss des XX Jahrhunderts...

Как видим, Розенберг следует общей фашистской схеме при построении своей идеологии. Он ставит перед ней общефашистские задачи борьбы с марксизмом (с теорией классовой борьбы), с либерализмом (человечность, культура), утверждение взаимной борьбы империалистических государств (духовно расовых) как „вечного жизненного процесса" и наконец возвращение „назад на 100 лет". Внутренняя логическая структура расизма, как она представлена у Розенберга, весьма сильно напоминает гегельянский национализм. Неогегельянцы тянутся в глубь веков. То же самое делают и расисты. О стремлениях национал-социализма Розенберг говорит: „Это опять старо-новая мечта Мейстера Экегарта, Фридриха и Лагарда" [1]. Место гегельянского „народного духа" у гитлеровцев занимает „северная кровь", своими свойствами, функциями, исторической миссией весьма напоминающая „народный дух". „Сегодня пробуждается новая вера—миф крови, вера, что с этой кровью защищается также и божественная сущность человека; вера, воплощенная в самом ясном сознании, что *северная кровь* исполнит ту мистерию, которая преодолеет и заменит старые таинства" [2]. Универсализм и мессианизм, характерные для гегельянского национализма, выступают тут в религиозно-мистической, „кровяной" оболочке. То же в отношении принципа национальной исключительности. „Нет никакой безусловной науки, есть лишь наука, основанная на предположениях. Группа предположений—это идеи, теории, гипотезы, которые отклоняют разрозненные и ищущие силы в одном направлении. Эти *идеи также расово обусловлены, как и волевые ценности,* ибо определенная душа и раса выступают против всего мира с особого рода постановкой вопросов. Вопросы, которые ставит северный народ, не составляют вообще никакой проблемы для евреев или китайцев. Вещи, которые для людей Запада являются проблемой, кажутся другим расам решенной загадкой" [3]. От гегельянского изложения принципа национальной исключительности расистское отличается лишь откровенностью и последовательностью, в результате чего прямо утверждается *релятивистский* характер науки, который у неогегельянцев скрывается за фальшивыми разговорчиками об абсолютном „народном духе". То, что у неогегельянцев и у некоторых других расовиков носит название „национальное сознание", „национальное могущество", „национальное единство" и пр., у Розенберга фигурирует как „национальная честь". „*Идея чести—национальной чести*—это для нас начало и конец всего нашего мышления и действия. Оно не терпит рядом с собой никакой иной силы какого бы то ни было характера—будь то христианская любовь, будь то масонский гуманизм, будь то римская философия" [4]. Подобно Шпенглеру, подводящему под сконструированный им философско-исторический принцип пруссаческого „социализма" всякие факты, события, личности из немецкой истории, *Розенберг* на все смотрит с точки зрения „понятия чести". „*Фридриховское* понятие чести, *метод воспитания Мольтке и бисмарковская священная воля*—это три силы, воплощенные в

[1] *A. Rosenberg*, Der Mythuss des XX Jahrhunderts... стр. 431.
[2] *Там же*, стр. 111.
[3] *Там же*, стр. 117.
[4] *Там же*, стр. 486.

различной смеси и разных личностях, но служащие одному: *чести немецкой нации*. Это—миф, который должен определить тип будущей Германии"[1]. Подобно неогегельянским социологам, решающим задачи и проблемы простым наложением националистического veto на все то, что им не нравится, расисты также „уничтожают" своих противников каким-нибудь глубокомысленным расистким сравнением или аналогией[2]. По логической структуре, по манере аргументировать, по способам подбирать нужные выводы из самых различных фактов расистское националистическое „мышление", повторяем, сильно напоминает неогегельянское. Влияние неогегельянской методологии на него несомненно. Расизм отличается более примитивным, грубым, упрощенным характером по сравнению с неогегельянским национализмом. Он носит более *физиологический*, животный характер. На его физиономии более ярко выступают налитые *кровью* и затуманенные социальным *бешенством* глаза, взирающие со страхом и ненавистью на приближающуюся пролетарскую революцию, с нескрываемой злобой и завистью на своих империалистических конкурентов и победителей. Но все это различия в степени, в форме выражения, но не в основном содержании. Это прекрасно сознают и фашистские идеологи. Не случайно то, что ни в неогегельянской, ни в расистской литературе почти не встречаются указания на различия этих двух националистических теорий, не говоря уже о какой-либо борьбе между ними. Да это и понятно: все их усилия сконцентрированы на борьбе с *общим врагом*, с действительным, смертельным врагом—с революционным пролетариатом, на совместной идейной подготовке империалистических планов. В этом мы сможем убедиться в еще большей степени, когда займемся неогегельянской теорией „национального государства".

---

1 *А, Rosenberg*, Der Mythus des XX Jahrhunderts... стр. 492.

2 Так, изучив по Достоевскому душу «русской расы», Розенберг делает такое категорическое заключение о Советском союзе: «Смердяков царит над Россией. „господство большевизма возможно лишь в духовно и расово-больном народном теле, которое могло решиться не на честь, но «на бескровную любовь». Кто хочет новой Германии, тот должен также отказаться от русского опыта, как и от еврейского его использования» (*там же*, стр. 202). Или например такой «научный» экскурс в историю Франции: «Как во времена большевизма в России татаризованный Untermensch умертвляет тех, которые казались подозрительными как господа из-за высокого роста и смелой походки, так и черная якобинская чернь волочила на эшафот всякого, кто был строен и блондин. Говоря расово-исторически, из-за гибели гугенотов северная расовая сила в стране франков если не совсем сломлена, то все же сильно отброшена назад» (*там же*. стр. 100). А отсюда, мол, и все особенности развития Франции. Наконец еще один пример расового обоснования националистических требований: „Наука" плана Дауэса является антигерманской до мозга костей и находится поэтому в смертельной вражде к великим немецким мыслителям северного способа хозяйствования (Des nordischen Wirtschaftswesens), т. е. к Адаму Мюллеру, Адольфу Вагнеру Фридриху Листу. Тут также проявляется сущность еврейского марксизма, который борется против «капитализма», оставляя биржу и финансы нетронутыми (*там же*, стр. 120).

ГЛАВА V

«*Прусское государство*» *Гегеля на службе фашизма*

„Немецкий, точнее прусский, инстинкт таков: власть принадлежит целому. Государство приказывает и государству подчиняются».

(*О. Шпенглер*).

I

Выясняя роль государства в неогегельянском национализме, мы открываем характернейшую, важнейшую черту этого национализма. В то же время мы подходим вплотную к одной из его особенностей, благодаря которым он столь популярен в кругах фашистской и фашизирующейся буржуазии. Мы говорим об *этатизме* фашистской идеологии, о том необычайном культе, о том обожествлении государства, которые составляют отличительные особенности фашистской идеологии, о том культе, который вождь итальянских фашистов—*Бенито Муссолини* выразил в следующих словах: „Наша формула: все в государстве, ничто вне государства, ничто против государства“. Неогегельянский национализм насквозь этатичен, он ставит государство в центре всех „ценностей“, образующих „нацию“. Он по сути сводит теорию нации к теории национального государства. Благодаря этому он, с одной стороны, возвеличивает фашистское государство, поднимает его на самую большую „идейную высоту“, а с другой—освобождает его от „влияния классов, партий, групп, индивидуумов“ и т. д., т. е. облекает его в идеологические одежды „надклассового“, идеально беспристрастного, „национального“, т. е. *фашистского государства*.

Естественно поэтому, что симпатии к Гегелю, к указанному реставрированию его приняли столь массовый распространенный характер. Это является одним из определяющих мотивов в переходе „от Канта к Гегелю“. И если в первые годы империалистической войны, которая сыграла решающую роль в этатизации буржуазной идеологии соответственно тому колоссальному значению, которое приобрело в этот период империалистическое государство (особенно это относится к Германии), делались попытки приспособить к идеологическим нуждам этого государства философию Канта (категории долга, этики, воли), то в дальнейшем переход к гегелевскому государству становился все более решительным и смелым. В настоящий момент этот процесс представляется гегельянцам в основном завершенным и вполне осознанным. Так по поводу I конгресса Гегельсбунда некий *Paul Feldkeller* писал следующее: „*Кант—философ либерализма:* как таковой он не может удовлетворить сильнейшего чувства государственного сознания. *Гегель*

же—наоборот. Это касается не только Италии, где гегельянство является привилегированной государственной философией, но и других стран"[1]. Разработкой этатических мотивов гегелевского национализма занялись многие буржуазные теоретики из числа философов, социологов, юристов. В неогегельянской проблематике этатизм национализма Гегеля занимает виднейшее место. Мы ограничимся здесь лишь некоторыми иллюстрациями, которые выявят основные, наиболее важные и в то же время общие черты для отдельных разновидностей фашистской реставрации Гегеля.

Остановимся более подробно в первую очередь на книге *H. Heller'a* „Hegel und der Machtstaatsgedanke in Deutschland" (изд. в 1921 г.), которая дает развернутую постановку проблемы и наиболее рельефно выдвигает особенности гегельянского национализма в их применении к фашизирующейся буржуазной государственности[2]. Центральный пункт геллеровской концепции *Machtstaatsgedank'a* (специфический термин для обозначения „государственного мышления" как мышления о силе) заключается в подчеркивании того, что Гегель понимал нацию сугубо государственно, в смысле государственного могущества, и что именно эта сторона гегелевского национализма теперь жизненна как никогда. Геллер начинает с требования реабилитации, восстановления действительной исторической роли гегелевской теории. Он ставит себе задачей показать, что Гегель является мостом от „народа поэтов и мыслителей к народу „крови и железа". Он констатирует неправильные представления о том, как развилась немецкая Machtstaatsgedanke. „Развитие немецкого народа от нации культуры к нации государственного могущества достаточно часто отмечалось; при этом не подумали отметить Гегеля как основателя новейшей политической мысли. Гегель остался совершенно неизвестным как первый и основательнейший провозвестник новейшей государственной мысли. Появление немецкого учения о политике государственной борьбы (Machtkampf) и о значении момента власти в национальной государственной жизни обычно относят ко 2-ой половине XIX в. и связывают в большинстве случаев с именем *Трейчке*, резко противо-

[1] P. *Feldkeller,* Hegelkongress und Hegelweltbund. «Philosophische Weltanzeiger» № 2, 1930, S. 11.

[2] Следует отметить, что сам Геллер не считает себя фашистом. У него есть даже свои «возражения» против фашистского государства, как против диктатуры, которой он противопоставляет небезызвестное «правовое государство»—путаную, утопически беспомощную кашицу, нечто вроде *либерального фашизма*. В дальнейшем он подвергался даже гонениям со стороны гитлеровского правительства, которое сочло его образ мыслей «недостаточно национальным». Но субъективные мотивы Геллера и отношения к нему гитлеровских комиссаров не могут устранить того факта, что он показал довольно яркий пример фашистского реставрирования Гегеля. Он, правда глухо, вскользь говорит о том, что «в государственной политике Гегеля много доктринерских увлечений должно быть отклонено», — но что именно и как должно быть отклонено, он оставляет додумываться читателю. Свое отношение к Гегелю он формулирует следующим образом: «Каждому конечно предоставляется по своему судить о том что здорового или нездорового в политике, вытекающей из этого мировоззрения. Я лично для которого эта работа была *делом внутреннего самосознания* пришел при этом к убеждению, что в государственной политике Гегеля... многое должно стать общественным мнением Германии, если немецкая нация хочет себя спасти от *болезненного* (Schmerzvollsten) *настоящего для лучшего будущего*». Нужны ли тут комментарии?

поставляя его враждебным власти мыслям и основным политическим положениям немецкого идеализма. Кажется нет никакого видимого моста от народа поэтов и мыслителей к народу „крови и железа". Тем не менее этот мост существует. Ибо даже сама *идеология национальной государственной власти—дитя немецкой философии, а ее отец—не кто иной, как Гегель*". Мысль Геллера в соответствии с общей установкой „назад" сводится к тому, что необходимо обратиться к первоисточникам, к оригиналам, которые стоят несравненно выше репродукции, ибо если сравнивать Гегеля и Трейчке, то нечего и говорить о превосходстве первого. В частности Трейчке не сумел увязать идею нации и идею государства, в результате чего получается разрыв между ними. *Трейчке* увлекся лишь государством и развил идею его могущества за счет ослабления идеи нации. И действительно, у Трейчке государство слишком обнажает *свою классовую, буржуазную сущность*, третируя как бы „нацию". Другое дело Гегель. Он „полстолетием раньше Трейчке и его эпохи, более проникновенно и острее, чем последний, не только провозгласил государство как власть, власть и еще раз власть, но установил *политическую силу так же, как национальную потребность*, как первую и высшую заповедь разума и нравственности, права и практической политики, так что волю Гегеля к национально-государственной силе можно вообще обозначать как источник и центр его социальной философии". В силу того, что государство у Гегеля—это не только сила, политическая мощь, но и потребность *нации*, устремление *всей* нации,—оно морально „облагораживается". Получается внутренняя „целостность" и спаянность социального идеала. В этом заключается огромная идейная сила тех новых взглядов, с которыми выступил Гегель. Сила эта должна быть использована теперь, в сознании всего ее принципиального значения. „С новыми политическими взглядами всегда необходимо связаны новые этические понятия. Если правовое и хозяйственное государство, будучи отношением „даешь-берешь" (Gebens und Nehmens), оставалось нравственно бесценным, то бескорыстная преданность государству становится высшей нравственной ценностью, бескорыстное желание национального могущества—новой нравственностью. В резкой противоположности к христиански универсальной этике и космополитическому правоощущению находится национально-государственная этика с ее „wrong or rigt my country" (хороша или плоха страна, но она моя.—*М. А.*).. нравственность, которая одинаково государственные инстинкты целого и известные стремления индивидуумов к этому целому, и в частности войну, подымает на высоту *этических постулатов*. Все эти элементы государственной идеологии в систематическом, последовательном освещении имеются у Гегеля". Смысл этой параллели нетрудно угадать. Если представить себе, что под отношением „даешь-берешь" имеется в виду „грубое", „эгоистическое", неавторитетное в массах, неспособное „вдохновить" на самопожертвование и бескорыстную преданность буржуазное государство, то ему должно быть, по исторической аналогии с началом XIX в., противопоставлено государство, обладающее „нравственной ценностью", ставящее себе целью лишь „национальное могущество",—

государство, все отношения к которому строятся в плоскости *нравственного долга, бескорыстия и т. д.* На него-то *Геллер* возлагает столь большие надежды, обнаруживая при этом свое *фашистское нутро.* Он вещает: „Так это учение, которое впервые поставило перед немецким народом государственную силу как высшую политическую и нравственную задачу, является жизненным в непосредственном настоящем... Для политизирования немецкого духа его (Гегеля.—*М. А.*) учение о государственной силе сделало несравненно больше, чем какая-либо иная подобная политическая идеология. Недостаточное до сих пор политизирование Германии гарантирует Гегелю и в будущем продолжительное влияние". Политизирование означает все большее возрастание роли буржуазного государства, все большее проникновение его во все поры общественной жизни. Геллер писал в те годы, когда немецкая буржуазия еще не вполне оправилась от революционной встряски 1919 г. и когда впереди еще предстояли дни 1923 г. Уже тогда Геллер видел выход в *фашизации* („политизации"), и он правильно представил себе направление „государственной мысли" немецкой буржуазии. В нынешнем состоянии политизированности, т. е. *фашизированности,* Германии Геллер, надо полагать, усматривает торжество гегельянского этатизма—если не полное, то во всяком случае весьма значительное.

II

„Возвеличенное таким образом „национальное государство" становится самой ценной, наиболее „высоконравственной" среди всех организаций, какими обладает „национальное", т. е. капиталистическое, общество. Государство является наилучшим „воплощением нации". Это самое дорогое, святое, чем обладает „нация". Вот основной лейтмотив неогегельянских рассуждений о нации в ее взаимоотношениях с государством; вот то основное, что подхватывается в гегелевском национализме. Дело не обходится конечно без изрядных преувеличений, как это видно из нижеследующего. Вот как Геллер представляет постановку этой проблемы у Гегеля: „В ряду его ценностей государство стоит всегда выше всех, оно всегда *абсолютная ценность,* и идеи правды, красоты, добра и святого имеют лишь относительную по отношению к государству ценность. Ибо только в государстве и через него они возможны. Государство является *устремленной централизацией* всех мыслимых духовных и физических функций человека. Что оно является этим объединяющим центром, вытекает по мнению Гегеля из того, что различные национальные государства производят совершенно различные культурные ценности и ничего существенно общего между собой не имеют. *Единственная* объективная цель искусства, религии и науки—это, таким образом, *укреплять государственное могущество*". Вряд ли можно согласиться с тем, чтобы из системы Гегеля вытекало такое положение. Государство Гегель рассматривает в системе „объективного духа", в то время как искусство, религия и философия у него рассматриваются как более высокая ступень, как состояние абсолютного духа. Правда, Гегель говорит о том, что в споре государства с церковью первое

имеет больше шансов на правоту, но он имеет в виду церковь как организацию, как институт с ее конкретными представителями, но не религию как определенную форму сознания. При всем своем обожествлении государства и при всех своих гипертрофированных симпатиях к современному ему прусскому государству Гегель, надо думать, не был в такой степени ослеплен идеей этатизма, как это изображает Геллер. Во всяком случае в своих работах по философии, религии, эстетике, природе Гегель не исходил исключительно из задач „укреплять государственное могущество". Чересчур уж Геллер модернизирует Гегеля, приписывая ему современные идейки огосударствления всех и вся, которые столь популярны в фашистских кругах.

Еще дальше в этом отношении идет Шпенглер, у которого государство почти что совсем проглотило „нацию". Последняя у него как категория вообще редко встречается. Он с большим правом мог бы ссылаться на Трейчке, чем на Гегеля, когда говорит: „Политические формы суть самые высокие и самые мощные формы исторического бытия. Всемирная история есть история государства. Государство у Гегеля творец истории: *политика есть история.* „Человеческое общество" это не его слово. Высокопоставленные чиновники поколения Бисмарка в значительной части были строгими гегельянцами" [1]. Итак чиновники Бисмарка „творили историю", доведя ее очевидно по гегелевской схеме до последней и высшей инстанции. Применительно к современной обстановке это означает, что *мировую историю творят Гинденбурги, Гугенберги, Гитлеры, Геринги и прочие пруссаки, называющие себя последователями Бисмарка.* Кровавую диктатуру Гитлера—„III империю" он, будучи последовательным, должен принять за „самые мощные формы исторического бытия". Как „немного" нужно, чтобы удовлетворить Шпенглера! В отличие от Шпенглера, который видит в бисмарковском этатизме гегелевскую теорию на практике и считает его правильной государственной системой, Циглер исходит из того, что он недостаточен для нынешней обстановки. Основным его дефектом он считает то, что государство слишком выпирает из „нации", что оно последнюю слишком игнорирует, в то время как оно без нее недействительно. Он говорит: „Общеизвестно, что прусская политика расширения власти и концентрации, в том числе и Бисмарка, как и австрийский централизм Иосифа II, а позже Шварценберга, определялась исключительно с точки зрения *этатизма.* Государство как таковое, а не нация, является центром политических событий. Расчленение политического мира по нациям и *легитимирование политического государства* как производное от нации является, наоборот, совершенно новым принципом. Эта националитарная политика стоит в противоречии к абсолютному государству так же, как *этатический плюрализм занял место универсалистского единства христианской империи*" [2]. Схема Циглера такова: сначала образовались отдельные современ-

---

[1] *Шпенглер*, Пруссачество и социализм, стр. 68.
[2] *Ziegler*, Die Moderne Nation.

ные национальные государства из многонационального феодального государства. Они провели внутри себя централизацию, которая была направлена на усиление данного государства в отношении к другим государствам. В центре всего этого процесса стоит укрепление государства как такового, как определенной единицы по отношению к другим („этатический плюрализм"), нация стоит в тени, в стороне. Затем государство как бы обращается во внутрь, окунается в купель нации и устанавливает политическое единство, узаконивает (легитимирует) себя как организацию господства тем, что объявляет себя „производным от нации". Это меняет уже характер, структуру государства,—политика последнего становится „националитарной". В то же время меняется и характер национальной идеи в направлении большей внутренней *этатизации* ее, пронизывая ее идеей государства как организации господства. В период образования отдельных национальных государств центральной была проблема национального *суверенитета*. „Национальный суверенитет действует таким образом по крайней мере по его собственным законам... в направлении интенсификации независимости. Он ведет в первую очередь к акцентированию внешнеполитической самостоятельности, но не к *акцентированию совокупности*"[1]. Принцип „национального суверенитета" соответствовал тому либералистскому пониманию нации, которое связано с идеей эгалитаризма: всесилие избираемых народом учреждений и пр., *вредные для современности идеи*. Поэтому Циглер выдвигает на первый план идентификационные стороны национальной идеи, ее связующую и объединяющую силу, которая обеспечивает „легитимирование" господства при помощи государства. Государственный организм стал „националитарным". „Нация" стала идеей узаконения государственной власти. Не трудно установить, что за эзоповской терминологией Циглера пробивается все одна и та же мысль, *что значение национализма теперь заключается главным образом в подведении идеологического, философско-правового базиса под фашистскую диктатуру буржуазии.*

В этом смысле в схеме Циглера много верного и правильно подмеченного. Но Циглер спутывает карты, когда изображает дело таким образом, что его национализм „стоит в противоречии с абсолютным государством" Бисмарка. В действительности он больше, чем какой бы то ни было иной, является подчиненным элементом, производной величиной от „абсолютного" (фашистского) государства. Бисмарковское государство выполнило—правда, реакционными, агрессивными методами—определенную исторически неотложную задачу: национальное объединение Германии. Может ли какая-либо подобная задача стоять перед современным империалистическим германским государством? Конечно, нет. Его задача в области внутригосударственных отношений—это *удержание классового господства буржуазии,* которая уже давно перестала быть представителем „нации" в буржуазно-демократическом значении этого слова. Истинным представителем интересов нации, т. е. большинства ее трудящихся масс, является пролетариат. Важней-

[1] *Ziegler*, Die moderne Nation, стр. 251.

шая его задача—сломать, уничтожить буржуазное государство. Вот почему последнее не может не стоять „над нацией“, над трудящимися. Вот почему и в фашистской теории нации Циглера государство берет верх над нацией. Оно, правда, действует „от имени нации“, но действует в интересах эксплоататорского, господствующего меньшинства. Нация же должна удовлетвориться лишь тем, что от ее имени ее же подавляют. Но то, что некоторые немецкие фашисты обставляют словесной эквилибристикой, их итальянские собратья формулируют прямо и открыто. Так по поводу того же национального суверенитета один из теоретиков итальянского фашизма—*Рокко* пишет следующее: „Фашистская доктрина отрицает догму народного суверенитета, опровергаемую каждый день действительностью. Фашизм провозглашает, наоборот, догму верховенства государства, являющегося юридической организацией нации и инструментом исторической необходимости“. После всего этого Г. Геллер—этот „социалист“, ссылаясь на Гегеля, декламирует в *этатическом* экстазе: „Самую прочную, какую только можно мыслить, человеческую организацию, через которую лежит дорога к *человечности*, должно видеть в нации, организованной в *государство*“.

III

Следует сказать еще несколько слов о том, как представляют себе неогегельянцы государственное могущество „по Гегелю“. Известное утверждение Гегеля *„право—это сила“* эксплоатируется самым широким образом современными гегельянцами. Смысл права следует искать лишь в силе. Сила—основа власти. Стремление к увеличению силы—вот содержание нравственности. „Нравственность“ силы (грубой, материальной в первую очередь) совершенно снимает тут проблему силы „нравственности“ (у Гегеля дело обстоит далеко не так). Лучшим и действительным воплощением, показателем и носителем национальной силы является государство. Этим самым все многообразное содержание идеи нации (как оно дано у Гегеля) сводится по сути к категории государственной силы. В этом якобы весь смысл идеи нации, как ее будто понимал Гегель. В установлении такого понимания усматривают гегельянцы всемирно-историческое значение и заслугу Гегеля. „Первым, кто учил немцев уважению к (Staatsraison u Machtstaat) пониманию государственной основы и государственного могущества, был Гегель. В известном противоречии к духу времени Гегель показал путь к единству через „кровь и железо“ [1].

Интересно привести взгляд на этот вопрос *Отмара Шпанна*, который не следует обычной гегельянской схеме и соответственно своей теории сословного строения общества как целого награждает государство двойным могуществом: „Государство,—говорит он,—имеет двоякого рода могущество властелина: своеобразное могущество (Herschengewalt), которое возникает из его собственных сословных задач, и главноуправляющее (Oberleitende) могущество, которое возникает из его особенности как руководящего объеди-

[1] *Heller*, Die politischen Ideenkreise der Gegenwart, S. 99.

ненного действия, что значит: как высшего сословия"[1]. Смысл этой конструкции очевидно таков: государство всемогуще не только как самое высокое учреждение в нации, как самое сильное учреждение классового господства, облегченное „авторитетом" верховенства и приоритета, но и как таковое, *как аппарат, как специфическая организация,* существующая сама по себе и снабженная соответствующими, своеобразными аттрибутами могущества, т. е. тюрьмами, полицейскими, рейхсвером и т. п.). Это *двуствольное* ружье. Практический смысл всего этого: в случае если дает осечку одна сторона государственного могущества, может быть пущена в ход другая. А случаи такие бывают, и подведение под них теоретической базы—дело в высшей степени необходимое.

Шпанн также ссылается на Гегеля, но считает возможным нарушить принцип монизма и поставить государство в один ряд с другими организациями „нации". Большинство же неогегельянцев, в том числе и Циглер, который якобы настроен против „абсолютного государства", придерживаются принципа максимального обожествления государства как всепоглощающего и всеохватывающего института. В своем увлечении принципом идентификации, осуществляемым в рамках абсолютного идеализма, в недрах „народного духа", он говорит: „В результате конструирования государства в рамках исторической метафизики государство совершенно метафизицировано и абсолютизировано. Оно не является больше неприкрытым аппаратом господства, оно не имеет больше персональной ограниченности и рациональности как управление, т. е. как конкретные действия и решения конкретных персон. Нет *больше никакого противоречия права и силы;* нет релятивирования государства путем признания его исторического происхождения или естественных сторон его сущности (как, скажем, аппарат господства) как формы объективации духа, который только является реальностью; государство не может быть больше никаким образом *установлено*" (eingeordnet)[2]. Итак да здравствует абсолютное, иррациональное, онтологизированное („оно не может быть установлено") государство силы, оно же и „высшая ценность нации".

Шпенглер, недолюбливающий гегелевскую терминологию, говорит более ясным, прусски-солдафонским языком: „Немецкий, точнее говоря прусский, инстинкт таков: власть принадлежит целому. Государство приказывает и государству подчиняются"[3], а все остальное—это „от лукавого", от „англиканства". „Руки по швам, смирно!"—таково по Шпенглеру взаимоотношение между государством и нацией. Впечатление, что неогегельянство растворяет нацию в государственной силе, усиливается схемой Майнеке, в которой довольно пространно доказывается положение, что Гегель продолжил и завершил теорию Маккиавели, что государственная теория Гегеля представляет собой лишь более высокое толкование маккиавелистского принципа „Staatsraison". „В настоящей истории идеи „Staatsraison" возвышаются как три смежные вершины—Макки-

---

[1] *O. Spann*, Hauptpunkte der Universalistischen *Staatsanfassung, S. 5.*
[2] *Zigler,* Die moderne Nation, S. 160.
[3] *Шпенглер*, Пруссачество и социализм.

авели, Фридрих Великий и Гегель. Гегель сам ясно ощущал эту связь"[1]. Чисто формальное („морфологическое") трактование категорий силы и сопоставления, совершенно смазывающие различное содержание и исторический смысл этой категории, вопреки некоторому внешнему сходству, у Гегеля, Маккиавели, Фридриха II,—все это проделывается с той целью, чтобы *увековечить,* представить как нечто метафизическое, внеисторическое понятие государства как силы, могущества. Вырывая этим самым государство из рамок гегелевского „народного духа", неогегельянство протаскивает идею верховенства государства над нацией в ее „совершенном" издании, т. е. *идею фашистской диктатуры.*

IV

В таком виде государство „в состоянии" выполнить стоящие перед ним задачи. Важнейшая и центральная его задача формулируется соответственно общему направлению фашизирующейся буржуазной идеологии как преодоление *индивидуализма.* Государство как представитель „нации", „национальной общности" противопоставляется индивидуалистическим теориям государства. Здесь дорога опять ведет к Гегелю. „Гегель был первым, кто решительно перешел от культа личности к культу сверхличной сущности государства"[2]. Неогегельянский антииндивидуализм бывает разных оттенков—от прямого и абсолютного поглощения личности (совершенно „снимается в общем") до установления „единства" личности и общности с преобладающей ролью последней. Общим же для всех таких оттенков является подчинение, укрощение индивидуума, лишение его былых „свобод".

Ю. Биндер, специализирующийся на этом деле—„лишения свободы" личности и установления „свободы народа", говорит следующее: „Если есть сознание общего—семейное чувство и народный дух (а куда вы дели „гражданское общество" Гегеля, г-н Биндер?—*М. А.*), а что они есть—это несомненно, то они покоятся на идентичности объективности и субъективности: объективность действительна также в субъективном сознании (никуда, мол, от нее не уйдешь.—*М. А.*), и поэтому бессмысленно поступать индивидуалистически или „атомистически" и восходить от единичного к общности,—точка зрения, „которая бездушна... дух есть не единичное", но „единство единичного и всеобщего". Совершенным *единством субъективного и объективного духа и действительностью свободы является государство*"[3]. Кто же, какое течение стоит за злополучным субъективизмом? Ясно, кто: „Марксистская теория государства как средства господства в руках господствующих классов есть порождение этого общественного субъективизма"[4]. Эта теория должна быть „преодолена" во что бы то ни стало. Но возникает вопрос: разве она до сих пор не „преодолялась", разве не было

---

[1] *F. Meinecke,* Die Ideen der Staatsraison, S. 456.
[2] *Там же,* стр. 452.
[3] *I. Binder,* Abhandlung des I Kongressen.
[4] *Там же.*

уже тысячу и один раз „доказано“, что она неправильна, ненаучна, недействительна, аморальна и т. д. и т. п. Оказывается, что нет. Борьба, которая до сих пор велась с марксизмом, совершенно не удовлетворяет Биндера. Он утверждает, что должной, уничтожающей критики марксистская теория государства еще не испытала. Произошло это по той простой причине, что „она не может быть действительно преодолена такой теорией, как нынешний *либерализм и демократизм*, которые кладут в свою основу также лишь этот субъективизм“[1]. Фашистский государствовед выражает тут в идеологизированной форме известный *тезис фашистских политиков и известный политический факт*, что буржуазная демократия и либерализм являются в современных условиях (всеобщего кризиса капиталистической системы) все более недостаточным, недействительным орудием подавления трудящихся, борьбы с растущим революционным движением. „Субъективизм“ идеологии буржуазной демократии в частности сказывается в том, что государство расценивается как *средство* осуществления интересов „индивидуумов, групп, частей, большинства“, что оно якобы признается зависимым от социальных распрей и прямым продуктом классовой борьбы. Ведь это величайшее кощунство и святотатство по отношению к „национальному государству“, в то время как „государство ни в коем случае не средство к цели, но „абсолютная незыблемая самоцель“, в которой свобода приходит к своему высшему праву“[2]. Государство становится совершенно свободным от „субъектов“, от их интересов, от каких-либо обязательств перед ними, от какой-либо зависимости от них. Оно „абсолютная, незыблемая самоцель“. Это опять-таки идеологическое отражение того, что фашизирующееся государство сбрасывает с себя демократические побрякушки (парламентаризм, буржуазные свободы, право критиковать действия правительства, предъявлять ему требования и т. д.). На философском жаргоне это называется „преодоление индивидуализма“.

Характернейшей чертой этого „преодоления“ является то, что марксизм и буржуазный либерализм объединяются под одним общим принципом субъективизма и противопоставляются объективизму. Ужасно „хитрый“ прием, имеющий целью одним выстрелом убить несколько зайцев. *Во-первых*, марксистская теория в корне извращается (мы уже не говорим о том, что фашистские идеологи, притворяясь незнайками, сваливают в одну кучу революционный марксизм и социал-фашистский реформизм) уже тем, что она изображается как индивидуалистическая, что ей стало быть приписываются такие положения, которым она в корне враждебна. *Во-вторых*, благодаря „морфологическому“ методу сопоставления и отождествления марксизма и либерализма смазывается их противоположность как идеологий классов-антагонистов—пролетариата и буржуазии. Пролетарскому воззрению на общество и государство приписываются буржуазные черты,—его классово выдержанный и заостренный характер благодаря этому совсем „исчезает“. В то же

[1] *J. Binder*, Abhandlung des I Knngressen.
[2] *Там же*.

время совершенно затушевывают классовый, эксплоататорский характер буржуазного либерализма. Его действительные пороки исчезают, вместо них появляются какое-то мифическое „отрицание государства“, увлечение „гуманизмом“, „свободой личности“ и пр. Демагогически смешиваются в одну кучу отживающая, уже недостаточная, непригодная, дискредитировавшая себя в массах *форма* буржуазной диктатуры и диктатура пролетариата—этого классового антагониста буржуазии, революционного могильщика капитализма. Отождествляются идеология буржуазии, мечтающей о вечном господстве эксплоататорских классов, и идеология пролетариата, историческая миссия и цель которого заключается в построении *бесклассового и бесгосударственного* коммунистического строя. *В-третьих,* та же буржуазная диктатура, но осуществляемая новыми, более реакционными, террористическими методами, отличающаяся от либерально-демократической диктатуры лишь своей формой, но отнюдь не своим классовым содержанием,—эта фашистская диктатура появляется на сцену в идеологическом одеянии совершенно „нового“ типа государства, ничего общего не имеющего ни с государством либерализма, ни с государством марксизма, „свободного“ от всех их низменных пороков, стоящего неизмеримо выше их.

Наконец наиболее ярые *этатисты* типа Геллера заявляют торжественно о том, что вообще субъективизм и государство несовместимы, что следует оставить вообще разговоры об индивидуалистических теориях государства. „Персонализму государственная мысль чужда как воззрение, враждебна как таковая. Трансперсонализму, наоборот, она имманентна в любой форме“ [1]. Марксизм для вящего его посрамления изображается как анархическое направление, отрицающее государство вообще как таковое. Еще более усовершенствованный характер имеет убиение марксизма по методу Шпенглера и некоторых других немецких мессианистов. Метод заключается в том, что принципы персонализма и трансперсонализма (личности и сверхличного) объявляются сугубо „национальными“ явлениями. Именно трансперсонализм (или объективизм, коллективизм и пр.), т. е. этатизм,—это принцип германский, прусский. Персонализм (или субъективизм, атомизм и пр.), или антигосударственность,—это принцип английский (другие наделяют этим качеством французов—Циглер, Розенберг и т. п.). По схеме Шпенглера „англичане всегда были народом антигосударственным, что оказалось возможным вследствие преимущества островного положения“ [2]. Наиболее яркое выражение получил этот национальный принцип англичан в период английской революции. „Английская революция, выдвинувшая тип независимого, только перед самим собою ответственного частного человека, была направлена вообще не на сословия или классы, а на государства. И как мировая величина и как духовная сила *государство было уничтожено*“ [3]. Но Шпенглер не может пройти мимо того факта, что и в Германии имело место нечто, напоминающее английский либерализм, вспышка

---

[1] *H. Heller*, Hegel und der Nationale.
[2] *Шпенглер*, Пруссачество и социализм.
[3] *Там же.*

буржуазного либерализма, породившая Веймар и некоторые другие „антипрусские“ вещи. Он и не собирается проходить мимо этого факта. Полный прусского гнева крик возмущения вырывается у Шпенглера, когда он заговаривает об этом: „Против образцового произведения, против государства, этого подлиннейшего и оригинальнейшего нашего создания, столь оригинального, что ни один другой народ не был в состоянии понять его и подражать ему, государства, которое было предметом ненависти как все демонически глубинное,—против этого государства ополчилась английская армия немцев“ [1]. Речь идет конечно не о каком-нибудь идеальном государстве, а о реальном государстве Вильгельма II. В ряды английской армии немцев Шпенглер зачисляет и либералов и марксистов. „Ибо Маркс стал англичанином еще в одном отношении: в его мышлении отсутствует государство. Настоящий марксист по той же причине враждебен государству, что и виг. Марксизм—*это капитализм рабочего класса*“ [2] (капитализм—это тоже английский принцип по Шпенглеру). То же относится и к французским просветителям, как например *Руссо*, который причисляется очевидно к „английской армии французов“. По шпенглеровской схеме все они „противопоставляли государству *общество* и были чужды понятию государственного долга, авторитета, дисциплины“. „Известно,—говорит он,—что Руссо, ненавидя государство, ненавидел обозначаемую этим словом авторитарную организацию, в чем ему следовал Маркс с его по-английски ориентированным миром понятий. Немецкое просвещение говорило „общество“ в смысле Society, чего до Гете, Шиллера и Гердера у нас не было. Лессинг заговорил о человеческом роде. С тех пор это выражение стало излюбленным выражением немецкого либерализма; им можно было заменить понятие „государство“, предъявлявшее каждому слишком большие требования, и даже совсем вычеркнуть его из мышления“ [3]. Относя все то, что ему не нравится, к одному „английскому“ принципу, Шпенглер освобождает себя от необходимости конкретного подхода и разбора теории общества и государства Маркса, от выяснения того, какое государство отрицает Маркс, в каком смысле он его отрицает, какими методами он считает возможным и необходимым уничтожить буржуазное государство, создать пролетарское, с тем чтобы упразднить его в условиях коммунизма. От всех этих вопросов он попросту отмахивается, ибо от одной их постановки вся концепция пруссачества и англиканства развалится, как карточный домик.

Следует отметить, что идея о крахе либерально-демократического государства в сочетании с немецким этатическим мессианизмом была уже довольно распространена в период империалистической войны. Рост удельного веса государства в хозяйственной и политической жизни, успехи германского империалистического государства в деле создания мощного военного хозяйства, в организации тыла и фронта вскружили голову немецким шовинистам.

---

[1] *Шпенглер*, Пруссачество и социализм, стр. 8.
[2] *Там же*, стр. 65.
[3] *Там же*.

В угаре националистического самолюбования они пускались в хвастовство, впадая зачастую буквально в пророческий транс. В этом духе писал Пленге: „Душа английской свободы умирает, ибо это слишком индивидуалистическое мышление свободы не в состоянии сохранить государство. Если Англия хочет выздороветь, то она должна излечиться путем немецкого духа и немецкой организации. XX в. заключен в нас. Мы должны стать центральной силой, которая начнет новое культурное движение в Европе, когда война будет действительно парализована, а основное противоречие (т. е. личности и государства.—*М. А.*) останется"[1]. В какое мере пророчества оказались удачными—известно. Победителями из империалистической войны вышли английское и французское империалистические государства, германское же, вопреки всем его хваленых качествам, потерпело поражение и очутилось с окончанием войны на краю гибели.

Причем в спасении его сыграли *решающую роль социал-демократы*, широко использовавшие недискредитированные еще в массах идеи буржуазного демократизма, буржуазно-демократические иллюзии масс. Если бы не слабость революционного пролетариата, если бы не предательство II Интернационала, то от „оригинальнейшего, подлиннейшего и прочего" империалистического государства остались бы одни воспоминания. Шпенглеристам невдомек, что если прусское государство уцелело, то главным образом благодаря германскому „англиканству", т. е. *буржуазно-демократической политике социал-демократии*. Впрочем будем более точны и справедливы по отношению к социал-фашистам. При подавлении революционного пролетариата, при ликвидации советов в Германии они *действовали* руками Носке и Эберта как истые пруссаки, как образцовые, решительные „государственные" мужи, с гордостью назвавшие себя „кровавыми собаками". Но ведь это оказалось возможным, повторяем, не вследствие того, что германский народ проявил преданность прусскому государству, а благодаря указанным выше причинам. Историческая гибель германского империалистического государства была отсрочена (ибо объективные предпосылки его краха и победы диктатуры пролетариата в Германии были в период 1919—1923 гг. уже налицо) лишь Веймаром, этим бабьим летом буржуазной демократии, природе которой совсем не чужды методы кровавого террора, зверское подавление революционных масс. Все это говорит лишь о том, что буржуазное государство, в том числе и германское, сочетает в меру надобности, в зависимости от обстановки, методы буржуазной демократии и методы фашизма, что они не являются чем-то противоположным; что буржуазная демократия при известных условиях органически перерастает в фашизм, в „прусcaческий этатизм"; что противоположность английского и прусского государственного мышления существует лишь в воображении и схемах Шпенглера, в схемах, которые имеют одну цель и один объективный смысл—*обоснование фашистской диктатуры как национального призвания немцев.*

Упомянем еще критику индивидуалистического государства у Шпанна. *Шпанн* также считает, что индивидуализм отрицает го-

---

[1] *J. Plenge*, 1789 и 1914, S. 20.

сударство, а именно тем, что он не признает за государством объективной действительности, самостоятельной духовно-нравственной „природы“, что ставит его в зависимость от „единиц, субъекта“, превращая его тем самым во что-то чисто внешнее. Он противопоставляет индивидуалистическому государству *идеалистическое Платона, Аристотеля, Гегеля.* Основной его принцип—*органическая* целостность—ganzheit в противоположность атомистическому и механическому единству—Einzelnen. Можно было бы привести еще много иллюстраций антииндивидуализма, опирающегося на Гегеля, но и приведенных кажется нам достаточно для того, чтобы выяснить истинный характер этого модного течения.

Демагогическая фразеология против индивидуализма—это дымовая завеса, за которой *скрывается монополистический капитал.* Поход против „личности“ во имя государства означает на деле лишь следующее. *Во-первых,* осознание господствующей верхушкой буржуазии, что прежними методами либерализма, допускавшими известные „свободы личности“, теперь не удержаться у кормила власти, не провести необходимой политики сверхнажима на массы. В условиях экономического развала, обнищания масс, разорения мелкой и даже некоторых групп средней буржуазии все более увеличивается масса „личностей“, недовольных существующим порядком и противопоставляющих себя буржуазному государству как оно есть, причем не только в среде пролетариата, но и в среде мелкой буржуазии. В среде последней усиливается разочарование в идеалах либерализма, „свободной личности“ и пр., которыми капитализм привязывал ее к своей колеснице до настоящего времени. Отсюда, *во-вторых,* стремление отвести эти настроения по идеологическому руслу этатизма и национализма, изобразив к тому же марксизм как ненавистный индивидуализм, *в-третьих.* Три выигрыша сразу: *во-первых,* усиливается диктатура руководящих групп буржуазии, *во-вторых,* парализуются антикапиталистические настроения мелкой буржуазии, возможный враг превращается в союзника, и, *в-третьих,* благодаря всему этому усиливается антипролетарский контрреволюционный фронт. Такова политическая сторона проблемы антииндивидуализма. Таков *политический смысл того логического единства идей национализма, этатизма и трансперсонализма, которое сконструировано неогегельянством.*

Из того положения, что государство Гегеля воплощает в себе национальный дух, „сущность нации“, ее и только ее интересы, следует, что оно стоит „вне“ классов, партий, групп. Оно носит *„надклассовый, надпартийный“ характер.* Так же как в нем нет ничего вненационального, в нем совершенно „снимаются“ какие бы то ни было классовые мотивы. „Государство в гегелевском смысле—это напряженная, свободная *духовная воля народа—себя самого и свой дух осуществить в мире;* это борьба *с конечным миром* и в нем, чтобы осуществить внутри него живущие ценности; это намерение и возможность народной духовной жизни...“ [1]—и только.

(*„Борьба с конечным миром“*—это борьба с теми, кто не при-

[1] *G. Giese,* Hegels Staatsidee und der Begrif der Staatserziehung.

знает „абсолютных“, „бесконечных“ ценностей буржуазного государства,—с пролетарскими массами.) Эта формула всем своим острием направлена против материалистического, классового понимания государства. Это первая часть (положительная) тезиса „*Гегель* contra *Маркс*“. Вторая часть (критическая) звучит например таким образом: „Маркс мыслит совершенно по-английски. Его двухклассовая система выведена из положения народа торговцев. Здесь остаются лишь „буржуа“ и „пролетарии“, субъекты и объекты сделок, грабители и ограбленные, совсем по-викингски. В применении к прусской государственной мысли эти *понятия становятся бессмысленными*. Маркс не был в состоянии отличить вытекающей из принципа „все за всех“ мысли, что каждый *без различия положения является слугой целого государства*, от факта английского индустриального рабства“ [1]. *Пруссак Гегель против „англичанина“ Маркса!* Отрицая классовую структуру государства, Шпенглер вынужден отрицать и антагонизм в области хозяйства, который также отныне становится английской выдумкой. „Подобно тому, как в политико-парламентарном бытии Англии, в хозяйственной жизни ее мира есть лишь система двух суверенных партий, и нет ничего, что стояло бы над партиями“ [2],—возмущается он. Читатель вероятно догадывается, что именно стоит по Шпенглеру „над партиями“. Конечно, то же государство. „Диктатуру капиталистической, злой партии манифест (коммунистический.—*М. А.*) хочет заменить диктатурой пролетарской, доброй партии. Иных возможностей Маркс не видит. *Но прусско-социалистическое государство стоит по ту сторону добра и зла*. Оно есть весь народ, и по отношению к его безусловному суверенитету обе партии суть только партии меньшинства, обе служащие целому“ [3]. Итак „целое“ против „частей“. „Социализм“ против социализма. Диктатура „народа“ против диктатуры „классов“. Идеализм против материализма. Государство против „партий“. В общем: нет государства кроме гегелевского, а Шпенглер пророк его!

В фашистской публицистике, в политической агитации германского фашизма идеал надклассового (что означает также истинно-немецкого) государства фигурирует еще под именем „III империи“ [4]. В устах будущего гитлеровского министра пропаганды Гебельса это звучало так: „Мы хотим преодоления буржуазного, преодоления пролетарского мышления. Мы хотим отлить немецкое мышление в новую форму, в форму III империи... III империи Великой Германии, III империи социалистической общности судьбы. Мы не хотим буржуазного государства. Мы не хотим пролетарского государства. Мы хотим немецкого. Нация—это последнее и высшее, единичное—ничто перед ней“ [5].

Итак перед государством все равны—нет ни доброго, ни злого, ни буржуя, ни пролетария. Но, возникает вопрос, не пахнет ли здесь идеей *эгалитаризма*, столь ненавистной неогегельянцам? На

---

[1] *Шпенглер*, Пруссачество и социализм, стр. 62.
[2] *Там же*.
[3] *Там же*, стр. 65.
[4] См. *Meller ber Bruck*, Das dritte Reich.
[5] *Goebels*, Lenin oder Hitler?

это следует твердый и ясный ответ: нет, не пахнет. Эгалитаризм— это идея индивидуалистическая, либералистская, и ничего общего с гегелевским государством она не имеет. *Идея равенства граждан* государства как в социальной, так и в экономической жизни безоговорочно отбрасывается. Отбрасывается она потому, что *„в действительности* политического процесса абстрактное *равенство* показывает свою бессодержательность, оно не может конструировать необходимое единство путем *идентификации* организаций господства и социальной совокупности“ [1]. В переводе на понятный язык это означает следующее. В условиях все возрастающего фактического неравенства, в условиях неслыханного обнищания масс и чудовищного обогащения эксплоататорской верхушки, в условиях, когда государственный аппарат принуждения и насилия (суд, полиция, муниципалитеты, налоговый аппарат и др.) с исключительной наглядностью демонстрирует свою классовую политику *закрепления неравенства*, усугубления и углубления *неравенства*,—в этих условиях разговоры о равенстве всех перед законом, государством, властью и т. д. все менее и менее принимаются всерьез. Требования попрежнему подчинения и послушания государству во имя соблюдения „справедливости и равенства“ теперь уже недействительны. На этой основе примирить угнетенные массы с „организацией господства“, по выражению самого Циглера, невозможно. Приходится отбросить этот высосанный со всех сторон и совершенно бессодержательный теперь лозунг „равенства“. Никаких иллюзий насчет равенства граждан государства! *„Нет никаких наций равных*. Восстановление нации определяется *совершенно реальными социальными и экономическими различиями*. Они должны упразднить предустановленную гармонию либералистской нации,—лишь *скреплением этих различий в единство будет реализована нация*. Конкретный гражданин государства будет определен его *особенным положением* в хозяйственном обществе; единство нации должно быть возведено поэтому на организационном скреплении и объединении *этих реальных различий“* [2]. Итак единство—это единство различий, если даже не противоположностей. Вне различий нет и не может быть единства. Циглер говорит лишь вслух то, что думают менее откровенные неогегельянцы, и то, что неизбежно вытекает из их конструкций „единства наций“. Циглер считает необходимым открыто это высказать. Приведем еще пример. За несколько лет до империалистической войны (в 1910 г.), когда буржуазные идеологи иногда позволяли себе цинично-*откровенную* постановку вопроса, когда идея „национального единства“ трактовалась более *откровенно классово*, чем в последующие годы, неогегельянец *Моро, Карл Майер*, в книге „Gegels Sozialphilosophie“, говоря о причинах гибели Рима, выдвинул на первый план тот момент, что „этим римским государством овладел прежде всего принцип *всеобщности и равенства целого* и произвел *смешение одних сословий* с другими, следствием чего была утрата политической жизни“. Равенство означает гибель; *единство*, наоборот, означает жизнь, развитие. Отсюда

---

[1] *Ziegler*, Die moderne Nation, S. 244.
[2] *Там же*, стр. 247.

равенство и единство несовместимы. Таков универсальный неогегельянский „закон жизни". Некоторые излагают его прямо, некоторые высказывают лишь предпосылки его. Но признают они его все, ибо он выражает собой буржуазное, *эксплоататорское мышление,* разновидностью которого является неогегельянство. „Прикрываемый общенациональной идеей" он является идеологией фашистского государства. Циглер прямо предлагает открыто отбросить эгалитаристскую фразеологию и искать орудие „скрепления социальных различий". Отдавая свои симпатии целиком итальянскому фашизму, он говорит, что „это орудие фашизму в его корпоративном государстве—Carta del Laboro—представляется как magna charta, уже не либеральной, атомистической, но расчлененной, *организованной нации*"[1]. Гегельянский идеал „национального государства" спущен с заоблачных высот абсолютной идеи и предстал в его темной, действительной, фашистской реальности. Один круг „аргументации" замкнут.

V

Другой круг, который вводит нас непосредственно в проблемы политики и практики фашизирующегося государства, заключается в доказательстве антинационального, антигосударственного характера *парламентаризма.*

Шпенглер утверждает, что принцип выборности вообще противоречит принципу народности, национальности, государства. „Народ в действительности никогда не стоял перед проблемой выбора между различными государственными формами. Выбирать можно только одежду, а не дух, не сущность, хотя общественное мнение постоянно смешивает одно с другим"[2]. Но если народу вообще чужда идея выбора типа государства, то тем более ему чужд такой тип государственного устройства, при котором все построено на выборах, перевыборах, на соответствующих группировках, блоках, кампаниях, на переменных успехах разных партий, на смене лиц и партий у руководства государством и т. п.,—одним словом, на том, что Циглер называет „гипертрофией представительства". Немного иначе объясняет дело Циглер. Он также считает, что парламентаризм противоречит „националитаризму" государства, но не вследствие каких-либо метафизических, вечных законов. Нет, он исходит из конкретной, исторической действительности, из нынешней ситуации, складывающейся в результате все нарастающего обострения классовой борьбы. Он отвергает парламентаризм в контексте отказа от либерализма и демократии, которые он пытается анализировать как *явления исторического порядка.* Вот как он ставит вопрос: „Партикулярные интересы и групповые желания определяют в суверенной анонимности ситуацию, при которой отсутствуют легитимирование и организация той политической функции, которая объединила бы это антагонистическое многообразие в социальное и политическое единство и порядок. Управления как такового нет, есть лишь представительство этих суверенных желаний. Эта политическая уста-

[1] *Ziegler,* Die moderne Nation, стр. 297.
[2] *Шпенглер,* Пруссачество и социализм.

новка и практика целиком законны в рамках национал-демократического мировоззрения. Но при ситуации, когда *социальная диференциация и социальный антагонизм сделали политической реальностью сомнительность основной предпосылки* этого принципа, а именно национальную *однородность*, она должна привести к тому, *что организация господства дает осечку* (Versagen—отказывается действовать)"[1]. Итак то, что гарантировало законность капиталистического господства в свое время, уже недействительно в нынешней обстановке. Теперь нужно *управлять*, а не *представительствовать*. „Анонимное" государство, каждый раз переизбираемое на основе „суверенных" желаний отдельных групп граждан, должно теперь уступить место стабильному, несменяемому, *фашистскому государству*. Циглер считает это универсальной тенденцией „современной нации", тенденцией, порождаемой весьма интенсивной диференциацией классов внутри государства. Эта диференциация в свою очередь является продуктом высокого уровня индустриального развития страны. Как правило, говорит Циглер, в индустриально развитых странах парламентаризм в силу всего этого уже отжил свой век: „Исключением из этого развития можно считать французский парламентаризм, значение которого еще сегодня, несмотря на крайние синдикалистские и роялистские оппозиции, которые идейно исторически весьма интересны, однако политически незначительны,—относительно непоколебимым. Франция является теперь единственным великим государством, хозяйственная и социальная структура которого оставлена почти нетронутой индустриальным революционизированием. Доминирование среднего и мелкого, довольного собой крестьянства, которое в большинстве случаев идеологически закрепилось на идеях 1789 г., а также характер ее индустриального общества, в котором господствует мелкое предприятие и самостоятельные предприниматели или ремесленники...—эти факторы придают социальному организму *сбалансированность и однородность*, чего к примеру решительно недостает Германии"[2]. Циглер неправ, выделяя Францию как страну, в которой парламентаризм якобы непоколебим. Он здесь в такой же мере „непоколебим", как и в Англии, САСШ, странах классических по индустриальной революции и высокому уровню капиталистической экономики. С другой стороны, ведь крах парламентаризма пережила и такая страна, как Италия, являющаяся исторически первой фашистской страной, несмотря на то, что по своей социально-экономической структуре она более мелкобуржуазна, чем Франция. По Циглеру далее парламентаризм должен был бы оставаться непоколебимым в таких странах, как *Польша, Венгрия, Румыния, Югославия* и пр., странах наиболее зверской фашистской диктатуры. Циглер не может выяснить действительных условий и предпосылок краха парламентаризма и перехода к фашистскому государству, ибо он чисто *механически* выводит интенсивность классовой борьбы (конечно на специфически философски-воровском жаргоне) лишь из уровня развития капитализма (он совершенно неправ также, повторяя уже абсолютно

[1] *Шпенглер*, Пруссачество и социализм, стр. 279.
[2] *Там же*, стр 287.

устаревшую для современной Франции характеристику ее как страны мелкого хозяйства). Фашизм возникает при определенных исторических условиях. „Такими условиями являются: неустойчивость капиталистических отношений, наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии, наконец, постоянная угроза массовых выступлений пролетариата...“ (Программа Коминтерна). Обострение классовых противоречий труда и капитала принимает в современной обстановке такой исключительный размах, что оно признается как фактор расшатывания и краха парламентаризма, иногда даже идеологами фашизма, причем это признание делается в соответствующим образом замаскированной и завуалированной форме. В частности *Шпенглер* в свое время еще писал, что дальнейшее *существование современного строя* становится невозможным, поскольку господствует *парламентаризм.* Ибо „теперь экономическое противоречие образует две новые партии—деньги и труд, и эта борьба (т. е. борьба труда и капитала) уже не может вестись парламентскими средствами. Здесь оспаривается уже не форма, а существо дела, и в таком случае, если не хотеть подчиниться постороннему принципу, *принципу государства, как беспартийного авторитета, возможно* только окончательное подавление одной из хозяйственных партий“ [1]. О чем хлопочет Шпенглер, о победе какой стороны, о подавлении какой „партии“, т. е. какого класса, о сохранении какого строя—читателю не трудно догадаться. В демагогически беспристрастном предупреждении „сторонников“ парламентаризма о неизбежной гибели „одной из хозяйственных партий“ содержится угроза по адресу либеральной буржуазии, что если она не откажется от парламентаризма и не перейдет решительно к „принципу беспартийного государства“, т. е. к методам фашистского подавления пролетариата, то она будет сама подавлена пролетарской революцией, диктатурой пролетариата. Шпенглер—и тут сказывается его *значительный политический инстинкт буржуазного идеолога*—уверен в неспособности буржуазной демократии справиться с задачей приостановки, а тем паче полного разгрома пролетарского революционного движения. Поэтому он со всей страстью и пафосом проповедует фашистское государство. В этом следует усматривать большую заслугу Шпенглера как империалистического идеолога и его право на звание одного из идеологических подготовителей немецкого и всемирного фашизма.

Но позволим себе спросить Шпенглера—какой по его мнению принцип восторжествует, если победит „труд“, как Шпенглер назовет этот хозяйственно-политический строй и чем он будет отличаться от социализма, к которому он, по словам Шпенглера, враждебен, так же как и капитал. По схеме Шпенглера борются лишь два принципа—капитализм (англиканство) и социализм (пруссачество). Лишь они являются действительными, реальными историческими противоположностями. Теперь оказывается, что внутри „капитализма“ существуют две противоположные партии, непримиримые настолько, что одна другую стремится „окончательно

[1] *Шпенглер*, Пруссачество и социализм, стр. 67.

подавить". Но если обе капиталистические партии, труд и капитал, друг другу противоположны, тогда очевидно существуют два капитализма, друг от друга принципиально отличающиеся: „капитализм" труда и капитализм капитала. В чем же их различия? Если они носят принципиальный, решающий характер, то почему Шпенглер о них умалчивает? Если же это различие внутри единого принципа, то почему они приводят к смертельной, непримиримой борьбе друг с другом? Почему их борьба, далее, невозможна в рамках парламентаризма? Почему наконец все эти явления совершаются внутри *всех* капиталистических государств и носят таким образом интернациональный характер? Что же остается тогда от схемы, относящей парламентаризм к англиканству, а „беспартийное" государство к пруссачеству? Впрочем ответ на вопросы подобного рода дан у Шпенглера уже тем, что они из его морфологической схемы исключены. Ведь вся эта схема построена на том, что принцип классовой борьбы всюду тщательно заменен принципом мифической борьбы между *англиканством и пруссачеством.* Что можно требовать от схемы, которая изображает весь ход истории, по крайней мере новейшей, как события и переживания этой „борьбы"?

Той *социально-политической реальностью, которая* отражена в идеологической конструкции Шпенглера, в сторону которой устремлена, направлена вся острота шпенглеровских построений, является *усиление реакционности буржуазного государства, его фашизация.* Шпенглер осмысливает всю историю человечества под углом зрения *фашизации.* И действительно все его софизмы направлены в одну сторону—он тщательно отыскивает во „всемирной истории" все то, что по его мнению может быть использовано для *исторического* обоснования пруссачества, под соусом которого преподносится фашистское государство. Шпенглеру „удается" подмена классового принципа националистическим лишь до тех пор, пока он остается в сфере Begriffscholastik, жонглирования понятиями, образами и терминами. Но когда он пытается применить свою схему к реальной действительности, то она летит вверх тормашками. Достаточно ему было только поставить вопрос о социально-экономических предпосылках краха парламентаризма, чтобы *шило классовой борьбы,* тщательно спрятанное в мешок национализма, сразу же себя показало.

Но что же противопоставляется парламентаризму, какая конкретная государственная форма? Парламентаризм, скажем, исходит из принципа представительства, из „принципа большинства". Ну, а „беспартийное", „национальное" государство? Философам, абстрактным теоретикам легко упражняться в разговорчиках о „всей" нации, о „единой" нации и т. д. Но как быть на деле, в жизни? Ведь реальная нация в противоположность „идеальной" состоит из реальных классов и партий, которые по-разному понимают задачи государства, разные требования предъявляют к нему *и* в том случае, если оно сконструировано непарламентским способом?

Легко говорить о государстве как о „воплощении нации", о носителе „национальной воли" и т. д., но как осуществить это на деле, как примирить разговоры о „единой воле" с фактами усиливающегося раздвоения, „плюрализации", говоря языком Циглера,

этой воли? Одним словом, как увязать теорию *„национального государства" с фактом диктатуры государства над нацией,* т. е. над *большинством граждан государства,* как примирить это противоречие? Можно конечно держаться той линии, чтобы обходить под тем или иным соусом этот вопрос. Но если он поставлен, то отвечать на него приходится. И наиболее смелые „теоретики" из числа тех, кто обходится без фашистской социальной демагогии, вроде Циглера, отвечают на вопрос прямо, не смущаясь. Пусть смущаются те, которые не знают диалектики и понимают категорию национальной воли упрощенно-механически, чисто количественно. Такое понимание не диалектично, говорит Циглер. Ибо *„диалектика национальной воли* может, как известно, видеть адекватное представительство национальной воли также в *единичном или в диктатуре партии"* [1]. Вот она наконец-то „диалектика", вот она где пригодилась. Когда фашистские „теоретики" запутываются безнадежно в противоречиях ими же созданных „теорий", они вспоминают о „диалектике". Такова диалектика (без кавычек) производства идеологических „ценностей" фашизма. Она отражает глубочайшее противоречие между фашистской „национальной" теорией и классово угнетательской практикой, между словом и делом фашизма. Антипарламентский индивидуализм вылился в своей положительной форме—*в индивидуализм фашистского господства.* Теория отражает практику—диктатуру фашистской партии во главе с „единой волей" à la Муссолини или Гитлер.

В немецкой фашистской литературе фашистский индивидуализм известен под именем „творческой личности". Правда, эта личность еще не так популярна в теоретической литературе фашизма, как в его агитационной, политической. Но это является результатом того, что „теоретическая" работа немецкого фашизма вплоть до последних лет страдала еще некоторой абстрактностью, еще не во всех областях дошла до непосредственного отражения практики, до полного ее обслуживания. Отсюда некоторые недоговоренности, недосказанность у многих „теоретиков". Еще не все вопросы, возникающие на практике, в теоретической литературе подхвачены, и не на все уже дан ответ. Однако то, что ответ будет дан и что он будет в соответствии с практикой, несомненно. Он будет определен *фашистской практикой,* тем социальным заказом, который предъявлен фашистским режимом в Германии.

Небезынтересно будет поэтому привести некоторые иллюстрации того, как ставится проблема личности в политической литературе германского фашизма, в контексте борьбы с марксизмом и „вообще с индивидуализмом". „Национал-социализм усматривает своего смертельного врага в грубо материалистическом марксистском мировоззрении, которое на место понятия качества ставит понятие чисто материального количества, которое отрицает *ценность творческой личности* и превозносит массу" [2],—разъясняет Розенберг, устанавливая новый „принцип" идеологического размежевания марксизма и фашизма. Марксизм-де за массы. Национальный социализм

---

[1] *Ziegler,* Die moderne Nation, S. 295.

[2] *Rosenberg,* Wesen, grundsetze und Zielen d. Nationalsozialismus

за народ. Марксизм за количество. „Национальный социализм" за качество. Марксизм отрицает „творческую личность". „Национальный социализм" на ней базируется. „Оригинальная „философия" количества и качества", специально придуманная для утверждения фашистского *индивидуалистического активизма* и уходящая своими корнями в известные философические обобщения Шпенглера о „смысле чисел"[1]. Вот еще один образец „качественного" индивидуализма, выступающего против количественного majoritàtsprinzip'а (принцип большинства). Некий Quaatz в журнале „Deutschlands Ereneurung" (13 Jargang, 1929), издаваемом высшей государственной бюрократией, графами, генералами и т. д., возмущается против „невежества". „Никогда,—пишет он,—невежество так не управляло миром, как теперь. Политический продукт невежества—это вера в число. Число кажется символом разума—четким, ясным, определенным. Какое заблуждение! Заблуждение, объяснимое только невежеством. Но это заблуждение—судьба эпохи. Она (вера в число.—*М. А.*) говорит: „Человек хорош. Его воля *разумна*—стало быть и воля большинства разумна". Мы спрашиваем: да, но разве воля меньшинства неразумна. Разве единичный становится разумным, когда он переходит к большинству. Где лежит логическое основание господства большинства? Большинство, которое всегда противопоставляется меньшинству, есть и останется партией, никогда не становится представителем *народного целого* (des Volksgangen)". Далее он ехидно высмеивает „организованный марксизм", под которым он разумеет социал-демократических чиновников, использовывающих партийный аппарат, аппарат профсоюзов, муниципалитетов, кооперативов и рейхстага, прикрываясь представительством и полномочиями от избирателей, в своих личных материальных интересах. Он подсчитал даже, что бюрократы, сидящие во всех государственных и общественных учреждениях, съедают *больше одной трети всего национального дохода*. Он возмущен таким глубоко ненормальным положением. Его устами говорит *хозяин* капиталистического государства—крупный финансовый капитал, который не может в эпоху экономического загнивания капитализма содержать столь многочисленный и дорого стоящий аппарат классового господства. „Принцип большинства" слишком дорог. Он уже не по средствам. Поэтому он открыто отвергается в том числе и теми, кто раньше считал возможным его использовать (не говоря уже о тех реакционных кругах немецкой буржуазии, которые все время стояли в оппозиции к Веймарской конституции). Quaatz ссылается даже на *Гете*, который им произведен чуть ли не в основоположника идей Веймара, цитируя следующее его изречение: *„Ничто так не противно, как большинство"*. В заключении он разражается такой сентенцией: „Если мы, люди, должны себе приписать среди *божественного миропорядка* особенную роль, то на нас падает задача быть носителями двух принципов, образовывающих мир и управляющих миром: *уважения и личности*. Никакая эпоха так не отдалялась от этих идей, как эпоха демократии и марксизма".

[1] *Шпенглер*, Закат Евро~ы, т. I, стр. 61--104.

В брошюре, посвященной популяризации национал-социализма, Штюрмер („Was heiszt National-sozialismus?“) пишет: „Народное государство Гитлера не строится на мысли о большинстве, но на мысли о личности“. И далее он цитирует слова „самого“ Гитлера: „Лучшими являются та государственная конституция и та государственная форма, которые приводят с естественной гарантией лучшие головы национальной совокупности к руководящему значению и руководящему влиянию. Нет решений большинства, но лишь ответственные лица и слово „совет“ получают свое первоначальное значение. У каждого человека могут стоять советчики по бокам, но решение выносит *один человек*“. *6-й пункт* программы национал-социалистов гласит: „Мы боремся против коррумпирующего парламентского хозяйничания—занятия постов лишь с партийной точки зрения, невзирая на характер и способности“. Итак да здравствует „твердая“, „волевая“, „творческая личность“, известный, популярный вождь, сильное правительство, крепкая рука и прочие атрибуты *фашистского государства*.

Таково место „личности“ в политической терминологии фашизма. Совершенно бесспорно, что такое же место она займет на теоретическом, философско-социологическом фронте фашизма,—и в этом отношении неогегельянство окажется на высоте своего призвания. Правда, для этого потребуется также дальнейшее „применение“, т. е. извращение, гегелевского национализма, но уж за этим дело не станет.

VI

Иллюстрацией того, как широк фронт неогегельянского этатизма, как гегелевский национализм использовывается для обоснования самых различных, конкретных, детальных сторон практики фашизирующегося немецкого государства,—может служить цитированная уже нами работа G. Giese „Hegels Staatsidee und der Begrif der Staatserziehung“, изд. 1926 г. Она имеет своей целью обосновать идеологически выдержанное, *фашистское воспитание подрастающего поколения*. „Государственное воспитание“—это значит воспитание в духе беспрекословного подчинения империалистическому государству, подчинения, которое к тому же должно быть „сознательным“, покоиться на абсолютной уверенности в святости и непогрешимости этого государства. Значение „национального“ воспитания *Гиезе* определяет следующим положением: „От национального воспитания окончательно зависит, *остается ли в живых* народ как духовное существо или нет. Только при помощи этого может оставаться в живых государство“ и т. д. „Национальное воспитание“ Гиезе понимает как *государственное воспитание* в соответствии с общим этатическим характером неогегельянского национализма. И наоборот—подлинно государственное воспитание не может не быть „национальным“. Внутреннее единство, по сути тождество национализма и этатизма, рассматривается им как наиболее ценное в гегелевской концепции, как то, что должно быть положено в основу новой „политической педагогики“ (словечко-то какое, а?—*М. А.*). Интерес к гегелевской философии он видит в том, что из нее могут быть сделаны выводы для животрепещущих

вопросов сегодняшнего дня, для „государственного гражданского воспитания" и „политической педагогики". Такой интерес к Гегелю мы уже отмечали выше у Геринга. Последний считает даже, что лишь под таким углом зрения и следует изучать и разрабатывать исторического Гегеля, ибо каждый, кто обращается к Гегелю, по его словам „с изумлением видит, что кажущийся чисто теоретическим, абстрактным, разносторонним мыслителем исходит в первую очередь из чисто практической и конкретной постановки проблемы, из, так сказать, народнопедагогической проблемы: „*Как может народная жизнь, которая во всех своих проявлениях стала неподвижной и безжизненной, быть пробуждена к новой жизни, наполниться опять новым жизненным духом—это основной вопрос, который всегда стоит за его головоломными размышлениями*"[1]. *Геринг* реставрирует Гегеля по своему образу и подобию. Если от „национального воспитания" зависит судьба капитализма, то может ли быть чрезмерным и неоправданным даже такое преувеличение, как превращение Гегеля в мыслителя, денно и нощно только и думающего исключительно лишь об оживлении национальной жизни. Итак воспитание в духе Гегеля—*вот спасительное средство:* и профилактическое и лечебное.

Перейдем к вопросу о том, как им, этим средством, пользоваться. Главным условием тут выставляется то положение, что воспитание должно быть взято в руки государства, под его тщательный контроль. *Геринг* не отрицает того, что семья и буржуазная общественность частично воспитывают подрастающее поколение в „государственном духе", но полного доверия к ним у него все же нет. *Огосударствление* воспитания необходимо, ибо „воспитание жизненного члена целого (lebendigen Glied des Ganzen) в нашем понимании лишь тогда будет плодотворным, когда в основе его находится *подлинная и сильная государственная идея.* Только когда есть в наличии *прямая воля государственно воспитывать,* когда государственная идея светит над всей работой молодежи,—можно развить политическую волю, можно воспитание в духе общности рассматривать как государственное воспитание. Это касается в первую очередь работы юношеских объединений и союзов". Затем *Риезе* переходит к отдельным *организациям,* стараясь найти у Гегеля какую-нибудь цитату для каждой из них. Свое внимание он сосредоточивает на тех организациях, которые представляют наибольший интерес и удельный вес с точки зрения их использования *империалистическим государством.* И тут он говорит: „Совсем особую ценность для государственного воспитания в духе *Гегеля* имеют юношеские союзы, которые себя посвящают *физическому укреплению молодежи.* Независимо от значения народного здоровья для государства и прямой цели обороноспособности физические упражнения имеют воспитательную ценность, которую совершенно *ясно изложил* Гегель в своих „гимназических речах", в *одном замечании* по поводу обычного тогда в Баварии военного обучения". Подготовка *тренированного, крепкого, пушечного мяса*—вот идеал гегелевского воспитания молодежи. Фашистскому государству нужна

[1] Подчеркнуто Герингом.

молодежь, которая меньше думает, а больше выполняет приказания. Такие же цели физической закалки и притупления ума ставит Геринг и перед *туристским* движением. Он с большой похвалой отзывается о довоенном туристском движении, говоря, что оно способствовало патриотическому воспитанию, укреплению любви к родным местам, к отечеству и т. п. „Свои идеи и свои задачи это первое юношеское движение исполнило в *августе 1914 г.* На полях сражений мировой войны лежит довоенное немецкое юношеское движение; оно исполнило свое *народное и политическое назначение...*“ Это движение, которое ставит себе „национальные задачи“, он противопоставляет *революционному, пролетарскому юношескому* движению. Он говорит о той молодежи из спортивных организаций, которая отрезвилась от шовинистического угара, разглядела истинную природу „национального“ государства Германии как государства империалистического и поняла классовое содержание войны 1914 г. как войны империалистической. В следующих словах, не требующих никаких комментариев, он характеризует эту „антигосударственную молодежь“. „Это движение революционных годов, прежде всего движение „старших“ (т. е. участников войны.—*М. А.*), было потрясено до мозга костей всеми лихорадочными приступами нашего больного народного тела. Все то, что еще в довоенное время прилипало (?) к движению как слабость, выросло теперь в разлагающую болезнь: бесформенность (?) была превращена в догму и разложила союзы; отрицание всяких (?) авторитетов было направлено против руководства; томящая и разлагающая проблематика (вот ненавистная „проблематика“.—*М. А.*) сковала движение, и так как вследствие неограниченного господства чувства („антигосударственная“ мысль называется не мыслью, а „чувством“, чтобы подчеркнуть ее „грубый“, „разлагающий“ характер.—*М. А.*) духовное направление движения вообще не устояло, то оно пало беспомощной жертвой идеологов революции и упадка“. Одним из основных способов предотвращения опасности—проникновения революционных влияний в „движение молодежи“—Геринг считает подбор в качестве руководителей юношеского воспитания таких людей, *„которые понимают свою службу молодежи как службу нации“*.

Такова фашистская философия воспитания подрастающего поколения. Последние факты из практики фашизировавшегося и фашистского государства Германии могут обрадовать неогегельянца Гиезе. Правительством фон-Папена было принято в сентябре 1932 г. решение взять в руки государства националистическое воспитание молодежи. С этой целью организовано специальное учреждение под названием и фирмой „государственного совета для оздоровления молодежи“, руководителем которого был назначен генерал рейхсвера Штюльпнагель. А фашистское правительство „национального возрождения“ гитлеровцев в числе основных своих деяний может назвать немало мероприятий, направленных к тому, чтобы создать мощный аппарат и монопольные организации по националистическому воспитанию молодежи. Неогегельянская государственная теория одержала еще одну крупную „победу“.

ГЛАВА VI

Гегель — „основоположник империализма“

«В действительности никем не была набросана смелая метафизика национального *империализма*, как Гегелем».

(*Г. Геллер*)

До сих пор мы занимались „внутренней жизнью народного духа“, т. е. националистической идеей, поскольку она служит для обоснования классового господства буржуазии, фашизации буржуазного государства. Обратимся теперь к другой стороне вопроса, к „внешней жизни народного духа“, к тому, как она себя проявляет на международной арене, т. е. к национализму как идеологии империалистической политики монополистического капитала, идеологии империалистических войн, национально-колониального гнета.

I

Это внешнее есть продолжение внутреннего. Оба они составляют единое целое по своему логическому и историческому содержанию, по своей социальной природе и политическим функциям.

Если основной линией внутреннего развития „нации“ является установление „единства“, преодоление всяких центробежных тенденций „индивидуума, единичного, своеобразного“ и т. п., то во внешней жизни нации действуют противоположные законы. „Расчленение, индивидуализация, противопоставление, непримиримая борьба“—вот линия развития „внешней жизни нации“.

Проследим развитие неогегельянской концепции империализма. Центральной проблемой здесь выставляется взаимоотношение между „всемирным духом“ и „национальными духами“. Уже выше мы установили тенденцию неогегельянства к ликвидации „всемирного духа“. Здесь эта тенденция выявляется особенно ярко.

В первую очередь устанавливается необходимость и неизбежность борьбы между отдельными нациями. В ней усматривается „смысл жизни—развитие, а именно развитие к свободе. Возбудителем этого развития является *физико-духовная борьба сил государств и наций.* Каждый народ имеет, как мы видим, вполне определенную самобытность, которой соответствует определенный „принцип“, который нация должна осуществить, сделать господствующим, распространить, провести во всемирной истории. Объективную взаимозависимость этих принципов устанавливает всемирный дух“ [1]. С особым удовлетворением подчеркивает далее Геллер, что гегелевская концепция всемирной истории представляла собою резкую реакцию на

[1] *H. Heller*, Hegel und Machtaatnsgedanke...

космополитический гуманизм, который был господствующим до него. Впопыхах Геллер „забывает“ о влиянии на Гегеля философско-исторической теории Гердера и о том, что уже в философии истории Фихте заключены важнейшие принципы немецкого национализма—национальная исключительность, национальная экспансия, всемирный фон международных отношений и т. д., которые в гегелевской системе нашли свое завершение и наивысшее нацреакционное выражение. Геллер до того увлекается, что он не видит никого до Гегеля и никого после него, кто был бы достойным выразителем немецкого национализма. Самого же Гегеля он модернизует в высшей степени, выдергивая и раздувая максимально те элементы гегелевской теории, которые наиболее пригодны для обоснования современного империалистического национализма. Возвращение к гегелевскому национализму требует отказа от малейших пережитков пацифизма, подобно тому как из всемирной истории Гегеля изгнаны какие бы то ни было вненациональные мотивы. Изо всех сил раздувают тот факт, что „всемирный дух“ Гегеля ориентировал не на интернациональное единство человечества. Наоборот, „этот гегелевский всемирный дух стоял *в самом остром,* какое только можно мыслить, противоречии к христианскому и естественно-правовому миросозерцаниям, универсалистские правовые и нравственные понятия которых требовали усовершенствования человечества посредством международного и междугосударственного мира. Этот идеал мирного соседства государств уступает у Гегеля место соседству *наций, борющихся между собой за мировое господство* не только как чисто историко-политический факт что ли, но так же как идеал. Именно в этой борьбе и заключается „усовершенствование и воспитание человеческого рода“,—и для тех, которые не признают в этой борьбе никакого высшего развития, „дух остался пустым словом, как история—пестрой игрой случайных, так называемых лишь человеческих стремлений и страстей“ [1]. Вывод отсюда такой: кто хочет понять историю человечества, путь, пройденный ею, события, имевшие место, и т. д. как проявление каких-нибудь *закономерностей,* тот должен обратиться к выяснению взаимоотношений наций и государств, т. е. к их *взаимной борьбе.* Вне этой борьбы нет никакой жизни, никакого развития,—нет действительной истории. Последняя является всемирной именно в том смысле, что борьба наций и государств носит всемирный, универсальный характер. Всемирный дух, раскрывающийся в истории, это по сути лишь отношения, устанавливающиеся в процессе борьбы отдельных народных духов, вне которых ничего реального нет и быть не может.

Неогегельянцы весьма озабочены насчет того, как бы бурный поток всемирного духа не прорвал хоть в каком-нибудь месте плотин, отгораживающих течение жизни отдельных народов, как бы идея абсолютного национализма, национальной исключительности не была ослаблена всемирным духом, если в его трактовку проскользят националистские мотивы. Всемирный дух—категория, чреватая в этом смысле некоторыми возможными неприятностями. Воз-

[1] *H. Heller,* Hegel und Machtaatsgedanke...

можно, что без него было бы удобней обосновать теории международной борьбы и ненависти. Но и совершенно отрицать его означало бы отрицать *мировой рынок*, стоящий за ним, на что неогегельянцы при всей их автаркистской тенденции все же пойти не могут. С другой стороны, в условиях Германии как одной из крупнейших империалистических держав, которая может (хотя бы и в дальнейшем, а не сегодня) претендовать на всемирное могущество, всемирный дух представляет собой такую идеологическую „ценность", которая не только не излишня, но в которой в известных условиях может оказаться крайняя нужда. Отсюда и отношение неогегельянцев к „всемирному духу"—признавать его действительным лишь постольку, поскольку он, будучи обезопасен по части национализма, может служить обоснованием внешней, империалистической экспансии, агрессии „национального духа".

Неогегельянцы озабочены насчет того, как бы „всемирный дух" не забрал себе большую силу и не умалил бы этим силу и всемогущество „национальных" государств. Поэтому из-под него выбиваются реальные основания, у него отбирают те права и прерогативы, которыми он обладает еще в немалой степени у Гегеля. Вот как к примеру трактует неогегельянец *Ю. Биндер* вопрос о „всемирном духе" как о судье над народами. В цитированном уже нами докладе на I гегелевском конгрессе „Freiheit als Recht" он говорил: „Этот всемирный дух не мыслится так же, как сила, стоящая над нациями и государствами и восседающая, чтобы в такой форме своей обособленности и противоположности творить над ними суд, но этот всемирный дух как дух истории действенен в отдельных народных духах, и его суд над государствами тянется во всемирной истории,—что означает также в необходимой борьбе народов между собой за их свободу и осуществление их духа в мире, за исполнение их исторической миссии. Итак упование народов на справедливость суда, который всемирный дух вершит над народами, должно пониматься не как *упование на дар какой-нибудь внешней силы*, которой отдельные народные духи волей-неволей подчинятся, но как сознание своего собственного исторического долга, соответствующее уровню нравственности, подобно тому как исторический долг должен быть объяснен как *сила собственных нравственных ценностей*, в которых мировой дух проявляет свою собственную силу, которой он содействует победе находящемуся под угрозой народному духу. *Упование на нравственность может быть только упованием на собственное нравственное право*" [1].

Смысл всего этого длинного и вычурного нравоучения один—нет никакого суда, никаких судей, никакой справедливости, никакой нравственности, никакого права, если за всем этим не стоит *„сила* собственных нравственных ценностей". Нет никакого всемирного духа—есть лишь собственная сила народного духа. Всемирный дух—это лишь арена, на которой пробуются силы народных духов. В этой пробе сил и заключен смысл всего происходящего на этой арене. Всемирный дух тут иррационализируется настолько, что без особых трудностей у него отбираются последние реальные формы

---

[1] J. Binder в сборнике «Abhandlungen des I Kongresses d. Hegelsbundes».

бытия. После того как установлено, что суда как такового нет и быть не может, выясняется, что и предпосылок для него также не может быть. Хотя бы в виде какой-нибудь нейтральной силы, которая уже не претендовала бы на роль верховной инстанции, но на роль посредника, выполняющего скромные функции сближения народов. *Никакого посредничества,* ничего общего, связывающего, нейтрального, вненационального, национального. В частности о праве. „Право не должно служить национальному человечеству, его исключительная цель в силе *общности наций*. Единственные „естественные" нормы, которые он признавал как априорное международное право,—это безусловное право самосохранения отдельных государств. Это должно стать основой отношений государств, с этим должно быть согласовано положительное *международное* право. Поэтому всякое междугосударственное „право" также национально и есть не что иное, как „внешнее государственное право". Теперь может быть положительным лишь то конституционное или обычное право, которое покоится на нравственности нации"[1]. Идеологи империалистического государства категорически утверждают, что никакого вненационального права не существует. То обстоятельство, что это государство является орудием борьбы отдельных национальных отрядов буржуазии с их конкурентами, что оно в своей внешней политике (а также и внутри в многонациональном государстве) отражает исключительно интересы определенного национального отряда всемирной буржуазии, изображается как доказательство „исключительно национального" характера буржуазного права. Националистический (а не „национальный") характер буржуазного права—факт несомненный. Тут споров нет. Тут буржуазные идеологи говорят правду. Но они искажают правду, когда отрицают классовый и *интернациональный в смысле универсального, всеобщего значения* характер буржуазного права. Бесспорным фактом является то, что империалистические государства борются (в самых разнообразных формах) друг с другом. Но не менее достоверным фактом является и то, что они помогают друг другу в борьбе с пролетарским революционным движением (последнее не исключает и того, что в известных условиях они могут использовывать во внешнеполитических комбинациях соотношение классовых сил в стране конкурента), выступают единым интернациональным фронтом против пролетариата вплоть до организации международных карательных армий, против СССР (хотя и в этом случае они не перестают быть националистами). *Националистические принципы буржуазного права суть конкретное проявление его классовой эксплоататорской буржуазной сущности, так же как интернационализм пролетарского права и пролетарского государства* есть проявление антикапиталистической социалистической сущности этого государства. Социально-политический смысл отрицания буржуазными идеологами классового характера буржуазного права заключается в идейном „преодолении" классовой борьбы, в отрицании ее правомерности, в том, чтобы превратить трудящихся в „сознательных" граждан буржуазного государства, „сознательно"

---

[1] *J. Binder* в сборнике «Abhandlungen des I Kongress d. Hegelsbundes».

подчиняющихся буржуазному правопорядку, в том числе и империалистической, националистической политике „своего" государства. Малейшее сомнение в „истинно-национальном", „надклассовом" характере буржуазного государства во внутренней жизни сразу же поставит под сомнение „национальный" характер внешней политики. Трудящийся, понявший классовую сущность буржуазного государства, поймет и подлинный характер империалистических войн. Отсюда задача *затемнить сознание пролетариата и трудящихся*, ослепить его националистическими идеалами.

Эта задача приобретает в условиях всеобщего кризиса капитализма, по вполне понятным причинам, исключительно важную роль. Поэтому сила ослепления должна быть максимальной. Никаких „просветов" для интернационализма не должно быть оставлено. В сознании ослепляемого одна нация должна быть от другой абсолютно отгорожена, так сказать, герметически закрыта со всех сторон, чтобы никакие „вненациональные" ветры в нее не проникли. Именно в этой исключительной силе *абсолютного противопоставления* наций и усматривается привлекательность гегелевского национализма. „Гегель отбрасывает космополитическое, *в какой бы то ни было степени*, правовое образование государства. Он устанавливает его нравственно-национально, т. е. через государственно организованную нацию, значит через самое себя. Государство—это нравственная самоцель и поглощает в себе поэтому также всякую этику уже в своем бытии. *Вне его нет больше никакой нравственности*, тут государство проявляется как *чистая и свободная сила*... Гегель соединил политические и индивидуальные выводы из этой нравственности в выразительной фразе: „Народ нравственен, действенен, *силен*, в то время как он производит то, что он *желает*, защищает свое дело против внешней силы в работе своего объективирования"[1]. Призывая трудящихся следовать за идеалами „нравственного" национального государства Гегеля, буржуазные идеологи совершают таинство освящения империалистических войн. Они формируют идеологию разнузданного шовинизма и милитаризма для кадров империалистической армии, военной „общественности"—военных союзов, военно-спортивных организаций.

В то же время эта философская изоляция наций, национальных государств является отражением и обоснованием тех идей *автаркистского этатизма*, которые теперь столь популярны в кругах империалистической буржуазии, крупных аграриев. Ибо какой иной смысл может иметь гипертрофирование принципа националистической самобытности народов, отрицание каких бы то ни было общих элементов в их экономической, политической, идеологической жизни в период империализма, в период „ломания национальных перегородок" (Ленин), интернационализации характера техники, экономики, политики, идеологии? Ссылки на „национальное государство" эпохи складывания капиталистического государства, эпохи промышленного капитализма, эпохи классического немецкого идеализма теперь исторически бессмысленны. Ибо если это государство было правомерным для своей эпохи, отражало в общем и целом

---

[1] *J. Binder* в сборнике «Abhandlungen des I Kongress d. Hegelsbundes».

прогрессивную тенденцию концентрации и централизации по сравнению с феодальным партикуляризмом, то теперь оно является исторически пережитой формой, тормозящей дальнейшее развитие производительных сил общества. Реакционность и утопичность замкнутого, отгороженного от мирового рынка капиталистического „национального хозяйства“ в нынешних условиях совершенно очевидна. Идеал такого хозяйства был реакционным и во времена Фихте, который сам недолго задержался на нем, так что даже ссылки на Фихте не имеют под собой никакого исторического основания. Но они совершенно извращают историческую действительность, когда приписывают Гегелю свой идеал. Ни гегелевская философия права и государства, ни его философия истории не дают оснований для этого. Нелепо представить себе гегелевский „народный дух“ изолированным совершенно от всемирного, т. е. национальное государство Гегеля изолированным от всемирного рынка, от всемирных социально-политических связей капиталистической системы. Неправильно было бы думать, что Гегель не учел по крайней мере опыта континентальной блокады, показавшей абсурдность идеи замыкания“ всего даже континента, а не только отдельного государства.

Какую же „реальность“ отражает неогегельянская автаркистская философия? С одной стороны, болтовню об *автаркии*, демагогические обещания или угрозы осуществить ее (по адресу своих конкурентов), с которыми выступают некоторые фашистские круги. И только. Несерьезность этой болтовни сознают, а иногда признают и те, которые к ней прибегают. С другой стороны, более серьезные и действительно реальные факты—*политику контингентирования, сверхпротекционизма, таможенных войн* и пр., которая направлена не на изолирование от мирового рынка, что невозможно, а на усиление борьбы на нем. Поскольку в условиях современного всемирного кризиса действительно имеет место прогрессирующий распад *мировых хозяйственных связей* (этого нельзя сказать о взаимосвязях в области например идеологии, особенно политической идеологии, которая стоит в центре неогегельянского содержания нации; здесь, наоборот, замечается усиление процесса централизации, интернационализации), „замыкание национальных рынков“, он, этот распад, является продуктом *гнилостного состояния капиталистического хозяйства*, признаком исключительно отрицательным для капитализма, а не показателем „прогресса в сознании свободы“, „осуществления нравственных ценностей“ и пр., как это изображают гегельянцы. Толкуя о торжестве гегелевского „национального“ государства в нынешних условиях, фашисты попадают в самое противоречивое положение. Но уж это их беда, а не вина. Если они впадают в логические противоречия, то это отражение того объективного факта, что капитализм запутывается в реальных, исторических противоречиях, которые могут быть лишь *зафиксированы*, и то в *перевернутом, извращенном виде его идеологами*, но не разрешены ими.

Итак народы разобщены целиком и полностью и навсегда. Их отношения—это лишь борьба. Каковы же формы и средства борьбы? Тут мы вступаем непосредственно в область идеологии империалистической войны.

II

Из всей концепции идеализма и идеологизма неогегельянского национализма напрашивался, как будто вполне последовательный вывод о том, что борьба между народами, их соревнование лежат в плоскости „духовной жизни“, в области „идей“, культуры, искусства и пр. Оно так и есть, поскольку мы остаемся в плоскости самых общих, абстрактных, эфирных построений. Но когда проблема конкретизируется, когда с небесных высот она опускается на землю, дело принимает другой оборот. „Право, „нравственность“, свобода“ теряют свой метафизический облик—они предстают во всем своем обнажении как синонимы *милитаристской мощи;* они воплощаются в сильной армии, дисциплинированном солдате, в „штурмовых отрядах“ гитлеровцев и „Стальном шлеме“, в четко и самоотверженно работающем тыле, в беспрекословном подчинении и идеальной преданности империалистическому государству, его аппарату. Уровень, глубина, мощь, жизненность и т. д. национальных „ценностей“ измеряются теперь военным могуществом в широком смысле этого слова, могуществом, которое реализуется на поле сражений, на фронтах, в окопах. Сила нравственности—в установлении нравственности силы, *грубой материальной силы.* Сила права—в установлении права силы, *грубой материальной силы.* Сила „ценностей“ (националистической идеологии и пр.)—в уяснении ценности этой силы. Сила „свободосознания народа“—в сознании того, что он может и должен свободно пользоваться своей *силой* против свободы других народов. *Сила* „национального единства“—в единстве использования своей силы против других народов и т. д. и т. п. *Милитаристская* мощь империалистического государства—вот истинное воплощение национального духа, в его проявлении вовне, как и внутри. В этом наивысшая цель. По ней нужно судить о нации, создавать себе о ней то или иное представление. Вот-де чему учил Гегель. „Какой-нибудь представитель немецкой „общечеловеческой нации“, как Гумбольдт, Шиллер, Фихте или Новалис, видел представителей английской нации разве лишь в Мильтоне, Шекспире, в крайнем случае в Ньютоне... и боялся участия в *материальной добыче* мира. *Для Гегеля, наоборот, национальное могущество наивысшая цель...*“ [1] Геллер как истинный представитель немецкой „националистической“ нации очевидно считает, что подлинными, полноценными представителями „нации“ являются военные и государственные таланты, вроде Фридриха II, Бисмарка, Мольтке, а философы, писатели и пр. лишь в том случае, если стоят на крайне националистических позициях (даже Фихте и Новалис кажутся Геллеру неблагонадежными по части национализма).

Геллер стремится *увековечить* империалистическую политику буржуазного государства, перенося ее и на доимпериалистическую стадию капитализма и на все будущие времена. *Он видит и прошлое и будущее сквозь призму империалистических противоречий.* Чтобы превратить Гегеля в философа империализма, он приписывает империалистический характер государству эпохи Гегеля. *Про-*

---

[1] *J. Binder* в сборнике «Abhandlungen des I Kongresses d. Hegelsbundes.

дукт экономического развития—империалистическую экспансию он выдает за основу основ, за первопричину, за самодовлеющий принцип, определяющий все прочее. *Военное могущество*—альфа и омега его рассуждений о взаимоотношении народов. Он мистифицирует эту категорию, превращая ее в какой-то абсолют, совершенно умалчивая даже о том, что она зависит от технико-экономической мощи капиталистической страны, от социально-политической силы и прочности господствующих классов, от соотношения классовых сил в стране и т. д. Все это проделывается для того, чтобы *выхолостить действительное, конкретно историческое содержание империалистической экспансии,* чтобы на всем небосклоне осталось одно единственное и потому столь яркое светило, одна звезда, от которой зависит „судьба народа“ и т. п., т. е. *сила. Сила—цель. Все остальное—средство*[1].

Формула Гегеля: право—сила, сила—право, весьма популярна в фашистской среде. Она популяризуется, комментируется, трактуется на всякие лады. Она приобрела право гражданства со времени империалистической войны и особенно в последние годы в такой степени, что многие из числа тех, которые могли знать и вероятно знали, забыли его автора и приписывают его современным „вождям“, например Гитлеру. Так небезызвестный ныне гитлеровский министр Гебельс в свое время заявил буквально следующее: „Адольф Гитлер как-то выразился—право это сила. Только тогда ты будешь прав, когда ты будешь иметь силу. Не будешь иметь силы, то будь ты хоть двадцать раз прав, ты всегда будешь неправ“[2]. Гебельс „забыл“ упомянуть при этом, что Гегель „тоже как-то выразился“, как Гитлер.

Вся эта теория „право—сила“ представляется фашистами как некое великое открытие, как огромное достижение человеческой мысли. В действительности никакого открытия тут нет. И когда Гегель высказал этот принцип, это было только констатированием факта, политической действительности. Чиновники Бисмарка, руководившиеся этим принципом, вероятно не полагали, что они в силу этого являются гегельянцами. Америка эта открыта весьма давно. Для практиков, для политических руководителей буржуазного госу-

[1] Эта мысль развита также на большом историческом материале Ф. Майнеке—(Die Ideen). Он утверждает, что, начиная с середины XIX в., все более укореняется гегелевская идея, мысль, что во взаимоотношениях народов основным фактором является *сила*. Сила—это то, что дает *право* данному народу вступать вообще в какие-либо отношения с другим народом, при помощи чего он себя осуществляет, как реальность. Ею же определяется и взаимоотношение с всемирным духом. Геллер прямо „согласовывает концепцию Гегеля с теориями империалистской агрессии. Гегель превращается в основоположника идеологии империализма. «Как это абсолютное право силы государства согласовывается с гегелевским всемирным духом—ясно. Чем больше сила государства, тем больше доля участия данного государства в абсолютном праве всемирного духа. Сила—это *высшая и нравственная заповедь народа*, и в этом заключается столь важное как потребность всемирного духа... в *насильственной безграничной экспансии*, каковым выражением недавно определяли конечно слишком заостренно тяжелое понятие империализма... В действительности никем *не была набросана столь смелая метафизика национального империализма, как Гегелем*, кажется, вряд ли можно рассматривать национальную политику *силы* с более высокой и „нравственной“ точки зрения больше sub „Specie“ aeternitatis, чем это сделал Гегель»... (*Там же.*)

[2] *Goebels,* Lenin oder Hitler?

дарства все это является аксиомой. Но для теории, для философии буржуазного государства, поскольку она держалась до сих пор либерально-демократических принципов, принцип „право—сила“ несомненно заключает в себе много принципиально нового, ибо он противостоит принципам „справедливости“, „свободы“, „равенства“, „культуры“, „просвещения“ и т. д. „Новизна“ в том, что теория *открыто признает и санкционирует руководящую роль силы*. Социально-политическая функция этого мнимого „открытия“ состоит в том, чтобы скрыть известное положение марксистской теории, что государство является орудием *насилия*, классового господства и угнетения, что оно немыслимо без соответствующего аппарата насильственного подавления эксплоатируемых классов. Фашистские идеологи переносят действие „силы“ и ее организаций исключительно на арену международных отношений, убивая сразу двух зайцев—с одной стороны, „снимая“ классовый характер буржуазного государства, а с другой—„поднимая“ авторитет, „нравственный“ уровень империалистической политики, усиливая и сгущая идеологию националистической ненависти, идеологию шовинизма. Это идеологическое обоснование известной стратегической установки—*превратить борьбу классовую в борьбу международную*, в борьбу за „национальное могущество“. Таков смысл националистического аспекта теории „право—сила“ (Macht—Recht).

III

Одной из наиболее актуальных боевых задач немецкого фашистского национализма в области теории является обоснование идеи *реванша*. Над этим делом трудятся и неогегельянцы. Они поднимают эту „идею“ на „высокий принципиальный, идейный“ уровень, выводя ее непосредственно из философии Гегеля. В соответствии с своей националистской демагогией они изображают эту проблему как проблему „свободы“, „освобождения немецкого народа“. Но в то же время трактовка этой проблемы полностью выдерживается в духе империализма, милитаризма. Она направлена всем своим острием против пролетарски-революционной борьбы с империализмом, против революционного выхода Германии из ее нынешнего положения. Она направлена также против пацифизма. Это идея империалистического *реванша*, построенная на следующем принципе. *Если германский империализм оказался побитым в прошлой войне, то из этого лишь следует*, что к будущей следует лучше подготовиться. Единственная возможность побить своего противника-победителя в войне 1914—1918 гг., восстановить свое положение до уровня 1914 г., освободиться от гнета версальской системы, заключена только в новой войне. *Дело лишь в наилучшей подготовке новой войны*.

Германский империализм не преуменьшает тех сложных и весьма трудных задач, которые отсюда вытекают для него. Он отдает себе отчет в тех трудностях и препятствиях, как международного, так и внутриполитического характера, которые придется преодолеть, чтобы такую войну подготовить и провести успешно. Однако в силу своей природы, в силу обостряющихся его внутренних и

внешних противоречий он к новой войне вынужден готовиться, и он готовится к ней, поскольку ему это позволяет обстановка. Идеологическая подготовка ее, которая наряду с материальной приобретает в нынешних условиях небывалое значение, в последнее время особенно усилилась. Направляющие линии этой подготовки—„преодоление“ версальской системы, далее—освящение новой войны как правомерной, нравственной борьбы за „свободу“, против „произвола“, „несправедливости“ и пр. той же системы, и наконец—оправдание войны вообще, открытое признание „оздоровительного“ характера ее. В качестве иллюстрации приведем концепцию Ю. Биндера. Биндер использовал интернациональную аудиторию конгресса Гегельсбунда [1], чтобы философски обосновать правомерность и необходимость насильственной ликвидации Версальского договора. Основные пункты его аргументации таковы: „Несомненно правильно, когда Гегель замечает, что не может быть между государствами высшего третейского суда или посредников, что кантовское представление о вечном мире и союзе государств, который улаживает каждое недоразумение и этим... делает невозможным решение (спорных вопросов.—*М. А.*) путем войны, предполагает согласие государств, которое покоится на моральных, религиозных и прочих основаниях и на постоянном внимании „к отдельной суверенной воле“ и поэтому зависит от случайностей, и что вследствие этого недоразумения между государствами, поскольку отдельные воли не находят никакого соглашения, „могут быть разрешены только при помощи войны“ [2]. Мы имеем тут лишь конкретизацию и применение того неогегельянского принципа, по которому каждое „национальное государство“ покоится на различных „моральных“, „духовных“ и иных основаниях, в силу чего недоразумения между ними закономерны и неизбежны. Согласие же между ними может сложиться лишь в результате случайных совпадений. Так как каждое национальное государство, которое выступило бы в качестве посредника или приняло бы в этом участие, имеет свои исключительно национальные интересы (на мировом рынке), то никакая объективная „справедливая“ постановка вопросов невозможна. Тем более невозможен какой-либо третейский суд, решения которого были бы правильны, ибо нет общеприемлемого критерия правоты. Этих критериев должно быть столько, сколько государств фигурирует в этом суде. Тем более не приходится говорить о „вечном мире“. Мир—это лишь перерыв между войнами. Он означает лишь перевес сил какого-нибудь государства или блока государств над другими. Если войны нет в тот или иной момент, то это значит, что она либо недавно была, либо скоро еще будет. „Союз народов“ возможен лишь временно как союз борьбы, но не как постоянный союз мира. Недвусмысленно намекая на версальскую систему и ехидно иронизируя по адресу ее „миротворческих“ организаций (вроде Лиги наций, пан-Европа и др., являющихся средством сохранения Версальского „мира“), Ю. Биндер выдвигает лозунг: нормальным яв-

[1] Между прочим этот Гегельсбунд находится в руках немцев — своего рода „Лига наций“ под гегемонией немецких фашистов, своего рода „реванш“, взятый на идеологическом фронте. Пикантная деталь: в уставе Гегельсбунда содержится такой пункт: „языком Гегельсбунда считается язык Гегеля“.

[2] J. Binder в сборнике „Abhandlungen des I Kongresses d. Hegelsbundes“.

ляется „Не союз народов, созданный произволом, силой и государственной мудростью и имеющий назначением гарантировать победителю могущество над побежденными и этим ему же вечный мир, но чисто духовное государство свободы, настоящей свободы, ибо государства и народы будут знать, что в нем действуют высшее право и высшая справедливость, которые осуществятся в истории и на которые должна уповать нация, если она иначе осознает свое историческое назначение, должна уповать также в состоянии *временного унижения*“ [1]. Тут довольно четко противопоставляются *мир и свобода*. Эти понятия-де несовместимы. Мир означает подавление свободы. Из сущности последней вытекает только война. Состояние мира означает, что народы не свободны в своих действиях, ибо последние опять-таки ведут к войне. *Война во имя свободы—свобода во имя войны. Война за свободу ведения войны—вот лозунг*. „Право“ и „высшая справедливость“ осуществляются лишь тогда, когда „духовное государство“ свободно готовится к войне. Не страшно, коль государство бывает лишено в силу мира этого права и справедливости. Это дело временное. „Состояние унижения“ кончится. „Свобода“, т. е. военное перерешение вопроса, восторжествует.

Биндер предлагает конгрессу последователей Гегеля принять неогегельянскую концепцию *„свобода—право—сила“*. „И тогда,—говорит он,—откроется *взгляд в будущее*. Хотя не на вечный мир, который был бы гарантирован союзом народов с третейским судом и союзным исполнением, как это *соответствует Версальскому миру*, но все же на состояние действительного права между народами, которое было бы гарантировано *к себе вернувшимся духом*, в себе и для себя сущей волей народов к действительной свободе, сознанием их положения как члена целого культурного человечества“ [2]. Биндер намекает организаторам и сторонникам Версальского договора, что он, этот договор, недолговечен, что от него придется отказаться рано или поздно, что „народы“ должны поскорей отказаться от него. Этим же он подбадривает немецких империалистов, которые все сильнее порываются выскочить за рамки версальской системы. У него нет никаких сомнений в том, что гарантия „действительного права“, т. е. права реванша, военного пути пересмотра и ликвидации Версальского договора, может быть дана лишь тем, что немецкий империализм вновь соберется с силами („к себе вернувшимся духом“), наберется решимости и твердости („в себе и для себя сущей волей“) выступить в бой против своих победителей, против своих соперников, чтобы добиться нового передела рынков, перекройки карты Европы и всего мира („как член целого культурного человечества“). Так будет!—утверждает Биндер.

Но ведь пока этого нет. Почему он уверен в том, что это будет? Потому, отвечает Биндер, что *оно должно быть*. И тут мы сталкиваемся с весьма интересным „прорывом“ в аргументации неогегельянцев. Они утверждают, что их взгляды *должны* осуществляться, потому что одно лишь декларирование неизбежности, правомерности, нравственности и прочего реванша явно недостаточно; это привело бы к поверхностному фатализму, к пассивности, к квие-

---

[1] J. Binder в сборнике „Abhandlungen des I Kongresses d. Hegelsbundes“.
[2] *Там же.*

тизму, что при условиях обезоруженной и связанной Версальским договором Германии было бы равносильно тому, чтобы отказаться от повседневной систематической работы по восстановлению военной мощи и подготовки реванша. С другой стороны, гегелевское снятие противоположности бытия и долженствования при помощи известного положения: все разумное действительно, все действительное разумно, чревато здесь большими неприятностями. Действительность—версальская система—должна была бы быть признана разумной, а борьба против нее исторически необоснованной. Это опрокинуло все реваншистские построения неогегельянцев и поэтому неприемлемо. Другое дело, если бы Германия победила. Тогда немецкие гегельянцы наверняка доказывали бы, что „все действительное разумно", они бы высмеивали, на основании этого положения, какие бы то ни было попытки изменить действительность. Теперь же приходится выкручиваться. Приходится исходить из того факта, что осуществление „свободы" находится впереди, что объективное положение вещей совершенно „неразумно" с точки зрения, таким образом уже субъектированной, немецкого „народа". Вот как это формулирует Биндер: „В действительности однако в современном мире, который является в гегелевском смысле непосредственностью, настоящим духа (отсюда следствие, что пацифистское движение все же имело бы смысл в выработке настоящей нравственности, хотя бы и в отдаленном будущем), международное право конечно находится в форме *голого должествования* и таким образом *субъективности*. Это—единственная „возможность"[1]. „Голос долженствования" и „субъективность" необходимы тут для обоснования *фашистского активизма*. С другой стороны, они создают возможность также высказатьсы по вопросу о пацифизме. Отношение к нему определяется двойственностью, противоречивостью положения немецкого империализма в отношении пацифизма: с одной стороны, он противоречит всей концепции реванша, с другой стороны, открыто и абсолютно против него выступить неудобно, поскольку международная дипломатия к нему прибегает и поскольку он может быть использован для усыпления бдительности трудящихся Германии; с одной стороны, пацифизм является официальным идеологическим оформлением версальской системы, в том числе и гегемонии французов на контингенте Европы, гегемонии, направленной в первую очередь и главным образом против Германии. С другой стороны, всегда открыто выступать против него неудобно в глазах так называемого „общественного мнения Европы". Поэтому он в общем и целом отвергается, но за ним сохраняется некоторый смысл... в бесконечно далеком будущем. В *настоящей обстановке* он, мол, все равно неосуществим. Вот каким образом использовывается кантианская противоположность бытия и долженствования.

То же относится и к вопросу о внутренних предпосылках реванша, о готовности тыла. Здесь также преобладает пока состояние долженствования. Не укрепив диктатуру империалистической буржуазии внутри, в своей стране, не сунешься воевать. В первую очередь

[1] J. Binder в сборнике „Abhandlungen des I Kongresses d. Hegelsbundes".

нужно обеспечить „национальное единство“ при помощи государства. У Биндера это выражено в следующем грустном признании: „Сегодня конечно мир (Биндеру стыдно признаться, что Германия является одним из наиболее слабых звеньев всемирного империализма, наиболее расшатанным всеобщим кризисом, он говорит обо всем мире.—*М. А.)* покоится исключительно на моральном сознании государств и народов, что прежде всего государство как действительность нравственности *должно утвердить свое существование*“ [1]. А затем уже, продолжим мы мысль Биндера, добиваться соответствующего местечка под всемирно-империалистическим солнцем. Эти положения Биндера означают кантианский „прорыв“ неогегельянской системы национализма и этатизма, они логически противоречат тем предпосылкам объективизма, имманентности, которыми столь кичатся неогегельянцы. Но совершенно ясно, что эти противоречия носят не формально логический, а *глубоко исторический характер, что они обусловлены противоречиями, внутренними и внешними, разъединяющими немецкий империализм.*

Таким образом всякому, знакомому с идейной сущностью неогегельянства и с его терминологической аппаратурой, не стоит большого труда установить, что все это жонглирование гегелевскими терминами, это парение в страстосфере логистики и схоластики имеют своим содержанием весьма конкретный, тривиальный политический факт—*империалистическую борьбу с Версалем.* Тот факт, который вполне ясно и отчетливо выступает в политической современности Германии и который играет важнейшую роль в политике фашистского правительства Германии.

IV

Отметим еще одну крупную заслугу неогегельянцев, на сей раз уже не только перед немецким, но и перед всем мировым империализмом. Речь идет о неогегельянской философии войны, о принципиальном научно-философском и нравственном утверждении войны. Ставя точку над i, давая категорический ответ на вопрос „быть или не быть“ войне, неогегельянцы лишь завершают круг всех рассуждений, приведенных нами выше. В силу этого проблема представляется им вполне ясной и не заключающей в себе какихлибо принципиальных трудностей. „Достаточно ясно,—говорит Биндер,—Гегель *высказался о нравственном оправдании войны.* Этому соответствует его понимание нравственности и свободы, если даже иметь в виду лежащую в отдаленном будущем работу для вечного мира, ибо именно ему война представлялась *необходимым средством защиты свободы нации*“ [2]. Казалось бы, что это действительно ясно и достаточно для того, чтобы считать вопрос исчерпанным, нравственность войны признанной. Но Биндер не может этим удовлетвориться. Он сам находит щель, в которую могут пробраться пацифисты. *Во-первых,* о работе для вечного мира. Весьма неудобно то, что приходится это иметь в виду, хотя и в отдаленном

[1] J. Binder в сборнике „Abhandlungen des I Kongresses d. Hegelsbundes“.
[2] *Там же.*

будущем. Ведь по вопросу о том, наступило ли уже теперь это будущее или нет—можно еще поспорить. Желающие—из числа пацифистов—могут пожалуй найти разные доказательства того, что это время уже наступило—существование Лиги наций, конференции по разоружению, договоры о ненападении и т. д. Можно конечно опровергнуть это доказательство, но не в этом дело. Дело в том, чтобы *принципиально* отвергнуть пацифизм, не вступать с ним даже в спор по конкретным пунктам. *Во-вторых,* война выводится из необходимости защиты. А если в ней необходимости не окажется, если государства будут жить в мире и согласии, тогда как? Тогда войны не необходимы, и потому их нравственность должна быть доказуема в каждом отдельном случае? Предвидя такого рода вопросы и возражения, Биндер спешит поправиться. Он заявляет, что работу для вечного мира совершенно не следует иметь в виду и что взаимные покушения государств на свободу наций всегда неизбежны и никакими способами, кроме войны, не могут быть предотвращены. Гегелевское различение—которое многого, правда, не стоит—войн оборонительных от наступательных тут отбрасывается. Война есть война. Не существенно, кто первый напал на своего противника. Ведь отношения наций—это отношения противников. Соответственно этому Гегель интерпретируется таким образом, что „в замкнутости его системы нет места для цели (т. е. вечного мира.—*М. А.),* которая лежит в дурной бесконечности (это уже вместо „отдаленного будущего“.—*М. А.*), хотя казалось бы, что идея всемирного государства может незаметно вернуться (в том случае, если „иметь в виду“.—М. А.). Это (т. е. та, что „казалось бы“.—М. А.) невозможно, ибо право и государство суть личности, воля и самосознание и *постольку* они необходимо предполагают особенность и противоположность в отношении других особых воль, так что посредник между государствами не только *фактически* при нынешних отношениях ничего не дает, но *вообще* ничего дать не может“ [1]. Как ни крутись и ни вертись, а без войны никак не обойтись!

К этому же выводу приходит в своей „морфологической“ концепции истории *Шпенглер.* Он ничуть не скрывает того *запаха крови,* которым пропитаны его рассуждения о государстве. „История государств есть история войн. Идеи, ставшие кровью, требуют крови. Война есть вечная форма высшего человеческого бытия, и государства существуют ради войны“ [2]. На такую же высоту вечной, объективной категории поднята война у *Геллера.* Он еще в свое время резко выступил против кантианских посылок пацифизма—разрыва между бытием (война) и долженствованием (мир), между добром (мир) и злом (война) и т. д. Он против субъективизма в вопросе о происхождении войн. „Нужно осознать, что война вообще не должна быть рассматриваема как абсолютное бедствие и исключительная случайность, вытекающая из чего угодно: из страстей власть имущих или народов, из несправедливости и т. п., вообще из такого, *чего не должно быть* и в котором она имеет случайную

---

[1] J. Binder в сборнике „Abhandlungen des I Kongresses d. Hegelsbundes“.
[2] *Шпенглер,* Пруссачество и социализм.

почву“ [1]. Он считает, что вообще субъективизм чужд идее войны в правильном, т. е. в гегелевском, понимании ее. „При индивидуалистическом обосновании идей войны, при котором движущей силой является не „учение о нации“, а разве только идея самозащиты путем защиты государства, для Гегеля она теряла абсолютно свое значение. Ибо „нравственный момент“ войны лежит не „в самопожертвовании для обеспечения жизни и собственности индивидов“. Такой „извращенный подсчет“ рассматривает государство опять-таки только как „гражданское общество“, защита которого достигается не самопожертвованием того, что хочет быть защищаемо, а „напротив“ [2]. Геллер против „эгоистического“, „шкурнического“ подхода к войне. Все его рассуждения направлены на дискредитацию идеи оборонительной, защитной войны в обычном смысле слова. Не государство является средством защиты граждан, как учит либерализм, а наоборот. Граждане должны всем жертвовать для защиты своего государства как такового, как самоцели. „Личные“ мотивы тут недопустимы. И все это пишется через пару лет после окончания войны 1914—1918 гг., когда „нравственный“ характер войны предстал во всей своей наготе. Это пишется через пару лет после заключения Версальского договора, который со всей очевидностью выявил истинные пружины войны. Но уж такова обязанность империалистических теоретиков—они должны скрывать, затушевывать то, что выступает наружу и обнажает отвратительные черты империализма. Они должны отравлять ядом национализма, „нравственности“ трудящиеся массы. Они должны идеологически готовить пушечное мясо для грядущих войн. Они не могут отрицать того факта, что на войне наживаются фабриканты смерти, спекулянты кровью, империалистические акулы всяческого калибра—Круппы, Тиссены и пр. Но это они относят не к природе войны, а к недопустимым „извращениям“ ее. (Война конечно трактуется метафизически, вне исторической постановки, вне социальных предпосылок ее и т. д.—этим „снимается“ вопрос о конкретном социально-историческом характере империалистических войн, о противоречиях, в них заложенных, и т. д., что так необходимо организаторам грядущих войн.) Неогегельянская философия войны и в этой части *обосновывает фашистскую демагогию о войне*, как, в частности, эта демагогия выражена в программе национал-социалистов, в пункте 6-м: *„Ввиду того, что каждая война требует от народа неслыханных жертв, богатства и крови, личное обогащение через войну должно быть характеризовано как преступление против народа“*. Так пишут в своей программе *национал-социалистские руководители,* эти наемники „национального капитала“, представленного Тиссеном и Круппом (того самого, который во время войны продавал через третьи руки военное снаряжение... Франции) и др., в чьих интересах подготавливаются и организуются новые войны. То же самое преподносят и на всякие лады повторяют их философские собратья, эти дипломированные лакеи империализма и фашизма.

[1] *H. Heller,* Hegel und Machtstaatsgedanke....
[2] *Там же.*

V

Установив войну как необходимый „нравственный“ закон взаимоотношения народов на веки-вечные, неогегельянцы переходят к конкретному определению современных войн, тех войн, которые вел и будет в ближайшем будущем вести германский „народ“, т. е. германский империализм. Это определение заключается в том, что война вводится в русло известной закономерности, что ее наполняют конкретным содержанием. В последнем, естественно, доминирующую роль играют мотивы *антилиберализма,* мотивы некоего империалистического „коллективизма“. Для характеристики неогегельянского национализма *как фашистского* нам представляется весьма важным тот факт, что уже в период войны 1914 г., в процессе идеологического обслуживания ее неогегельянцы сформулировали основные элементы нового неогегельянского мировоззрения. В последующих фашистских писаниях война 1914 г. фигурирует как важнейшая, решающая веха на пути „обновления человечества“, дух войны 1914 г. и идея ее повторения витают над этими писаниями. В то же время этот факт указывает на то, что фашизм является продуктом империалистической стадии капитализма, а его идеология—идеологией империалистской реакции монополистического капитала.

Гегель объявляется идеологом войны 1914 г. и рассматривается как идеолог „нового“ социального порядка. Особенно ярко это выступает в том направлении неогегельянства, которое примыкает к идеям *национал-социализма,* в частности в пруссаческом „социализме“ Шпенглера, который берет своим исходным пунктом идеальное, гегелевское „прусское государство“. Империалистическая война 1914 г. рассматривается как „немецкая“ „социалистическая революция“ в противовес буржуазной французской революции 1789 г. Эта идея достаточно полно выражена уже в книге „1789 и 1914“ Johannes Plenge, изд. 1916 г. Война 1914 г. рассматривается как революция в смысле борьбы за свободу. В этом смысле она стоит исторически выше революции 1789 г., в основе которой лежала несовершенная, неполноценная идея свободы, идея индивидуалистическая. „Идея свободы 1789 г. это не просто идея свободы, но лишь целиком определенная ступень идеи свободы: абстрактная идея свободы пустой автомистической единичной воли. Самоопределение демократических народных государств является стало быть самоопределением „голой суммы волевых атомов“ [1]. Вот как обосновывали „научно“-дипломированные лакеи немецкого милитаризма войну 1914 г. Участие Германии в этой войне в таком случае было не только полезно, но совершенно необходимо. Более того, такая постановка вопроса допускает даже признание того, что Германия сознательно организовала эту войну, ибо она в ней усматривала свою всемирно-историческую миссию. „И следует утверждать, что „идея 1914 г.“, идеи немецкой организации к такому неослабному *победному шествию по всему миру* так же опре-

[1] *J. Plenge,* 1789 и 1914, S. 2.

делены, как и идеи 1789 г."[1]. В разгаре войны, в атмосфере националистического угара, подогреваемого крупными успехами немецких армий, *Пленге* спешит закрепить за немцами заслугу в организации этой войны. Превосходство „1914 г. над 1789 г." должно было означать превосходство немецкого народа над французским, т. е. немецкого империализма над французским. *Пленге* видимо забыл, что наполеоновские войны окончились „Священным союзом": он не сообразил, что война 1914 г. может окончиться Версальским договором. Он заранее записал в актив немецкой и всемирной истории неминуемую победу немцев. „Со времени революции 1789 г. не было в мире такой революции, как немецкая революция 1914 г. Революция восстановления и объединения всех государственных сил в XX в. против революции разрушительного освобождения в XVIII в."[2]. Отсюда и националистический аспект поворота от „Канта к Гегелю". Если Кант, его социально-политические взгляды были немецким изданием идей 1789 г., то Гегель является выразителем и основоположником „немецкой революции". „Ибо Гегель был великим, многое предупредившим и внутренне *убежденным предшественником идей 1914 г.,* который как всесторонняя противоположность Канту в немецком идеализме должен был привести к самому последовательному в глубочайшем смысле слова противопоставлению к 1789 г."[3]. Если во время войны эта концепция, превратившая с помощью Гегеля империалистическую войну в „социалистическую революцию", имела своей основной задачей облагородить экспансию германского империализма, противопоставленную как „социалистическая революция" Германии буржуазной революции Франции, то в послевоенный период и после революции 1919 г. сюда прибавляется еще один момент. Он заключается в том, что империалистическая война противопоставляется пролетарской революции как „настоящая", „подлинная", „немецкая" „неистинной", „не-немецкой". Этим самым подлинная социалистическая революция должна быть предупреждена новой империалистической войной, *переключением обострившейся классовой борьбы в военное столкновение империалистических государств.* Соответственно своей демагогической тактике принципиального отождествления революционного марксизма и буржуазного либерализма фашистские идеологи смешивают воедино буржуазно-демократическую контрреволюцию, завершившуюся *Веймаром,* и грядущую социалистическую революцию, противопоставляя им фашистскую „немецкую" революцию. В связи с этим вся послевоенная история Германии рассматривается как борьба за „национальную революцию". Послушаем Шпенглера: „1914 г. есть момент величайшего поднятия немецкого достоинства... Настоящая революция только та, где участвует весь народ; настоящая революция—это один вскрик, одна железная хватка, один гнев, одна цель. Именно такою была немецкая социалистическая революция 1914 г. Она протекала в легитимных и милитаристических формах. Истина ее, едва ли понятная

[1] *J. Plenge,* 1789 и 191, стр. 15.
[2] *Там же.*
[3] *Там же.*

для среднего ума, постепенно преодолеет отрицательные стороны революции 1918 г. и превратит ее в фактор для своего дальнейшего развития“ [1]. Шпенглер ничуть не сомневается в том, что новый 1914 г. уже не за горами. Он стремится всемерно приблизить его предсказаниями такого рода: „Несомненно, что эта неудавшаяся и незавершенная революция получит завершение. Идет подготовка к новому акту мировой войны. Жизнь течет теперь быстро“ [2]. Уже около 15 лет прошло с того времени, как Шпенглер писал эти строки. И если до настоящего момента предсказание Шпенглера о реванше еще не исполнилось, то шпенглеровская концепция все время свое дело делала: она поддерживала и разжигала империалистские, реваншистские настроения, она отравляла ядом шовинизма массы мелкой буржуазии и трудовой интеллигенции. Поскольку она могла проникнуть и проникала в отсталые слои пролетариата, она их отвлекала от перспектив революционной борьбы против империализма, от перспектив социалистической революции. Она делала свое дело, поскольку давала *теоретическую основу для агитации,* для националистического воспитания молодежи, для неослабной психологической подготовки новой войны. Она выполняет ту же функцию, что и расистская концепция оправдания войны 1914 г. во имя „нового духовного возрождения“. Мечтая о новом вожде „немецкого народа“, о новом гении, который перестроит на совершенно „новых“ социальных началах все общество, *Альфред Розенберг* характеризует этого (для роли которого Розенберг вероятно считает вполне подходящим Адольфа Гитлера) вождя в первую очередь тем, что „он знает вместе с другими, что два миллиона мертвых немецких героев, несмотря на нынешний упадок Германии, в действительности живы, что они отдали свою жизнь не за что иное, как *за честь и свободу немецкого народа,* что этот факт является *источником нашего духовного возрождения* и также единственной ценности, перед которой все немцы должны беспрекословно склониться“ [3]. „Единственной ценностью“, перед которой должен склонить голову каждый немец, заключается в том, что он имеет право сложить свою голову и отдать свою кровь в интересах немецкой расы. Что может быть почетнее и величественнее этой задачи! Отныне каждая жертва войны—это жертва „революции“, а участник войны—участник величайшей „социалистической революции“. Так вынужден маскироваться, применяя тактику *социальной мимикрии,* немецкий империализм. Для того чтобы поднять массы на новую войну, для того чтобы установить в целях разгрома революционных организаций пролетариата и подготовки реванша *фашистскую диктатуру,* ее изображают как „революцию“. Но чем должна окончиться „социалистическая революция“? Ясное дело—победой социализма. Но неужто Пленге, Шпенглер и пр. стоят за „победу социализма“? Еще бы! Конечно стоят за это дело и не только в одной стране, но и во всем мире. Сейчас мы в этом убедимся.

---

[1] *Шпенглер,* Пруссачество и социализм, стр. 12.
[2] *Там же,* стр. 17.
[1] *A. Rosenberg* Der Mythus, S. 425.

ГЛАВА VII

Гегель-„социалист“ против Маркса-„капиталиста“

„Что пруссак осуществил в своим государстве, то немецкая философия построила как теорию социализма“. (Марксизм—это капитализм рабочего класса)
(*Шпенглер*).

I

Шпенглеровская „морфологическая“ концепция прусского „социализма“ и стало быть „социализма“ вообще исходит из того, что немецкий идеализм в лице Канта и Гегеля дал теоретическое обоснование социализму: Кант—своей этикой, категорическим императивом, вменяющим в долг нравственности подчиняться „социалистически“ устроенному прусскому государству, Гегель—философским обоснованием последнего. Шпенглер, как и другие фашистские „социалисты“, не затрудняет себя конкретным и отчетливым определением социализма, он весьма мало заботится о положительной характеристике его. И по вполне понятным причинам—под „социализмом“ они понимают лишь особую *форму* капитализма, его экономики, политики. В их „социалистическом“ государстве (об „обществе“ говорить нельзя—это английская штучка, враждебная „социализму“) *сохраняются и укрепляются* основы основ капитализма—*капиталистическая собственность, капиталистическая эксплоатация, неравенство классов.* Но сохранение и укрепление этих основ осуществляются уже не так, как это было до сих пор в „либеральном“ государстве, не „английскими“ методами—конкуренции, классовой борьбы, манчестерства, парламентаризма и т. д., а по-прусски, методами другими, противоположными, как утверждает Шпенглер. *Прусские методы* изображаются как черты совершенно нового социального порядка, как черты, характерные для социализма. Они таким образом, вполне в духе „морфологической“ методологии Шпенглера, подменивают собой определение по существу, по содержанию того „нового“ строя, который демагогически противопоставляется капитализму. Таким весьма простым способом капитализм „по-прусски“ изображается как „социализм“.

Итак, что же такое социализм? Приведем некоторые фашистские определения его. „Социализм, говоря чисто технически, это принцип *чиновничества.* Каждый рабочий в конце концов приобретает характер чиновника вместо торговца, и то же происходит с каждым предпринимателем. Существуют индустриальные чиновники и торговые чиновники, точно так же как военные и чиновники путей сообщения“[1]. Осуществить социализм—значит превратить всех людей в

[1] *Шпенглер*, Пруссачество и социализм.

чиновников. Отныне люди принадлежат лишь к разным группам чиновников, выполняющих лишь различные конкретные функции и задания, но объединяемые общими, социально-однородными интересами—интересами „социалистического государства". „Социалистическое" государство—это огромная *контора,* идеально сложенная, работающая с четкостью часового механизма, в которой по природе чиновничества невозможны внутрисоциальные трения и конфликты. Принцип чиновничества—это по сути своей принцип государственности, а не общественности, социальности. *Социализм—это этатизм.* Так же определяет социализм *Розенберг.* Он лишь против „чиновничества", которым он видимо не считает возможным привлечь симпатии мелкобуржуазных масс к „социализму". Он больше подчеркивает „народный" характер социалистического государства (ибо и его идеал социализма этатичен), которое должно быть „чутким", а не чиновнически-бюрократическим в отношении населения (конечно „немецкого" населения). *Социализм—это огосударствление.* Государство же „социалистично в том смысле, что создатели, строители государства не должны, в лучшем случае, получать социальную милостыню (как это постигает от времени до времени либеральное государство), но что *государство как таковое обязано надзирать за всем тем, в чем* нуждаются его подданные"[1]. По сути это определение, как видим, не отличается от шпенглеровского. Наконец третье определение социализма, которое, якобы, отличается от предыдущих двух, дает *П. Пленге:* „Социализм как общественная организация—это лишь сознательное развитие общества к высшей силе и высшему здоровью; социализм как сознание—это лишь освобождение единичного к сознательной расстановке в жизненном целом государства и общества. Социализм—это уже ни просто огосударствление, ни просто очиновничение. Социализм—это организация"[2]. *Пленге* стремится придать социализму более широкий смысл, чем огосударствление и очиновничение. Под организацией он понимает и внутренние изменения в экономике. Он говорит и об обществе, не только о государстве. Но и у него в центре определения стоит государство, а именно прусское государство Гегеля. Различия между приведенными формулировками—это различия внутри-„национального", империалистического „социализма", т. е. между отдельными идеологами того же *монополистического капитализма,* надевающего на себя идеологическую маску „социализма". В основе самого факта этих различий, друг друга лишь дополняющих, лежит, в *конечном счете,* факт неоднородности тех слоев населения, симпатии которых к умирающему капитализму должны быть привлечены путем „антикапиталистической", „социалистической" фразеологии и демагогии. Если концепция социализма Пленге очевидно (своего рода хозяйственно-технический вариант национал-социализма) рассчитана больше на *техническую* интеллигенцию, на квалифицированных служащих заводов, трестов, банков и пр., то „социализм" („чиновничий") Шпенглера может оказаться больше по душе всякого рода чиновникам из государственных учреждений и органов, из муниципалитетов и пр. „Социализм"

---

[1] *Rosenberg Wesen,* Grundsätze und Lieben.
[2] *J. Plenge,* 1789 и 1914, S. 123, 18.

Розенберга подчеркивает больше его *„народный“* характер, апеллируя в большей степени к мелким торгашам, ремесленникам, мелкобуржуазному студенчеству, националистически настроенным учителям, артистам и пр. в городе, к реакционным слоям крестьянства, к отсталым слоям батрачества и тому подобным группам „народа“. Таковы различные оформления идеи „национального социализма“, содержанием которой является обоснование и облагораживание *фашистской диктатуры* крупной буржуазии.

Как же мыслят себе эти „социалисты“ социально-исторические предпосылки социализма? Они все сходятся на том, что осуществление социализма в XX в. является дальнейшим продолжением и завершением весьма длительной идейной и практической подготовки, *постепенного* осуществления социализма как „немецкого принципа“. В прусском смысле „социализм“ существует давно. Теперь он лишь реализуется в полном, совершенном, окончательном виде. Научный социализм Маркса и Энгельса в таком случае является лишь „извращением социализма“, с каковым извращением необходимо бороться не на жизнь, а на смерть. Если же кто-либо и кроме марксистов будет находить противоречие между пруссачеством и социализмом, то это сплошное недоразумение. „*Старопрусский дух и социалистическое настроение,* которые в настоящий момент ненавидят друг друга ненавистью братьев, *суть одно и то же*“ [1]. Но так как это утверждение Шпенглера не соответствует фактам исторической действительности, то он прибегает к своему обычному приему: подымает демагогический вопль против „литературы, чистых идей“ и т. д., начинает истерически вопить о крови, судьбе, расе и прочих подобных мистических и мифических вещах. „Этому (т. е. тезису о тождестве пруссачества и социализма.—*М. А.*), говорит он, учит не литература, но неумолимая историческая действительность, в которой кровь, раса, воспитанная на никогда не высказывавшихся идеях, мыслях, ставших телом и душою, господствуют над чистыми идеалами, над теориями, умозаключениями“ [2]. Что же касается конкретного воплощения и реализации „социализма“, т. е. *чиновничества,* то Шпенглер также находит его в далеком прошлом. Перед ним все время стоит в качестве „социалистического“ идеала *военно-чиновничье прусское государство XVIII в.,* и то не в том виде, как оно было в действительности, а в том виде, как оно *расписано и раскрашено* националистическими историографами—пруссаками. Так как в „литературе“ он не нашел соответствующих идей „социалистического чиновничества“, то он обращается к другим показателям и выражениям этого чиновничества. „Это,—говорит он,—внутренняя форма *политической* цивилизации Запада, и она символически выражена уже в готических городах с *их цехами и гильдиями,* в системе готических храмов, где каждая мелкая часть является необходимым элементом одного динамического целого“ [3]. Ну, что можно возразить против таких неоспоримых „доказательств“ и против такой историософии „социализма“? Ничего. Можно „лишь“

---

[1] *J. Plenge,* 1789 и 1914, S. 6.
[2] *Там же.*
[3] *Там же,* стр. 65.

указать Шпенглеру, что и эта его Америка, как и все прочие, давным давно открыта. Его „социализм“ весьма подозрительно смахивает на тот *феодальный* „социализм“, который безуспешно подвизался на общественной арене Германии в период перед революцией 1847 г. и который нашел себе убийственную характеристику в „Коммунистическом манифесте“. Если Шпенглер действительно что-либо „противопоставляет“ капитализму (на словах, ясное дело), то только реакционные идеи *реставрации феодальных порядков,* да еще в их весьма отвратительной форме—*прусского абсолютного государства.* Если он „отвергает“ капитализм, то потому, что восстанавливает феодализм. Если капитализм погибнет, а Шпенглер в этом ведь не сомневается, то потому, что осуществятся *докапиталистические* формы государства. Социализм он находит не в будущем, а в отдаленном прошлом. Он стоит выше предрассудка, который связывает теорию социализма с именем Маркс. *„Фридрих-Вильгельм I, а не Маркс был в этом* (в прусском, т. е. в настоящем.—*М. А.) смысле первым сознательным социалистом.* От него как от человека, показавшего пример, будет начато это движение мирового значения“ [1]. Следующей крупной вехой социалистического развития Германии Шпенглер считает деятельность бисмарковского кабинета. Тут социализм Шпенглера уже более рельефно обнаруживает свой „гегельянский“ характер,—ведь по концепции Шпенглера министры Бисмарка—это стопроцентные гегельянцы на практике. „Социалистическая“ роль Бисмарка— это по Шпенглеру, усиление государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, установление государственного контроля, превращение хозяйства в хозяйствующее государство. *„Начиная с протекционистского законодательства* 1879 г., немецкий капитализм стал непроизвольно приобретать *социалистические* формы в смысле некоторой государственной организации. Крупные синдикаты были хозяйственными государствами в государственном целом“ [2]. Такой же мысли придерживается Альфред *Розенберг,* подчеркивающий другую сторону бисмарковской деятельности—*огосударствления железных дорог.* Характеризуя современный „национал-социализм“, он говорит между прочим: „Тут наш взгляд самым глубоким образом соприкасается с бисмарковским. Он социализировал железные дороги и напомнил при этом факт освобождения крестьян фон-Штейном, что также представляло собой *социалистическое мероприятие.* Дело фон-Штейна означало освобождение сотен тысяч крестьян из-под ужасного гнета. Этим освобождением творческих сил были подняты благополучие и характер народа, и дело фон-Штейна остается и поныне одной из крупнейших вех в истории немецкого социализма“ [3]. Освобождение крестьян от крепостничества, огосударствление капиталистическим государством железных дорог и введение таможенных тарифов—все эти *чисто капиталистические мероприятия,* имевшие целью создание внутреннего рынка для растущего немецкого капитализма, улучшение и упорядочение средств сообщения, необходимых для капиталистического товаро-

[1] *J. Plenge,* 1789 и 1914, S. 65.
[2] *Шпенглер,* Пруссачество и социализм.
[3] *A. Rosenberg,* Der Mythus des XX Jahrhunderts.

оборота, и охрану интересов немецкого капитализма внутри и вовне, при учете интересов обуржуазившихся юнкеров,—все это изображается как победоносное шествие социализма. *Чем выше подымался капитализм, тем якобы более „социалистичным" он становился.* А современная эпоха есть эпоха окончательного торжества „социализма". Таков основной принцип этой фашистской концепции „истории социализма в Германии".

Наиболее интересно эта концепция проведена *Пленге.* Он прямо устанавливает внутреннюю связь между империализмом и „социализмом". „С высокой хозяйственной жизнью (читай с империализмом.—*М. А.*), из которой в конце концов возникла война, были также необходимо связаны и ее спутники: *социализм и организация.* Мы через войну стали больше, чем до сих пор, социалистическим обществом" [1]. Пленге набрасывает следующую схему развития „германского социализма": 1) „В царстве идей Германия всегда была убежденнейшим носителем всех социалистических мечтаний и в царстве действительности наиболее полным сил строителем организованного народного хозяйства". 2) Последние десятилетия подняли на огромную высоту хозяйственное развитие в Германии, в результате чего объективные предпосылки (крупное, централизованное хозяйство) *„организации"* народного хозяйства еще больше укрепились. 3) Этим в то же время даны были условия для возникновения войны. Но война, которая поставила „германский народ", т. е. германский империализм, перед угрозой уничтожения, сплотила его в единое целое, вызвала „возрождение к высшему объединению всех сил" [2]. 4) Оно выразилось в том, что немцы „спаяли *воедино государство и хозяйство в сильнейшее* и свободнейшее, нравственнейшее и наиболее духовное жизненное целое" [3]. Это привело к огромному усилению государства, к увеличению его роли в руководстве всей жизнью общества, в частности к установлению внутреннего „социального единства", „социальной гармонии", к „устранению классовой борьбы". 5) Принципиальный смысл всего совершившегося следующий: наконец-то на деле осуществлено государство Гегеля. Ошибка Гегеля заключается лишь в том, что он смешал идеальное государство, которое не могло осуществиться в его эпоху по объективным условиям, с современным ему прусским государством. Теперь же настали эти объективные условия, и государство Гегеля осуществилось. „Действительное государство будущего рождено как усилившееся немецкое национальное государство, *которое не устраняет классовых интересов* в сознании единства, испытанного в борьбе, но преодолевает их более высокой идеей" [4]. 6) Отсюда и всемирно-историческая, мессианистическая роль Германии. „XX в. воплощен в нас. Когда война окончится, мы будем образцовым народом. Наши идеи будут определять цели жизни человечества" [5]. А вывод из всего этого в отношении войны ясен: *война является величайшим*

---

[1] *J. Plenge*, 1789 и 1914, S. 19, 123.

[2] *Там же*, стр. 19.

[3] *Там же*, стр. 17.

[4] *Там же*, стр. 18.

[5] *Там же.*

событием в жизни человечества, в его развитии к „социализму", и поэтому она должна быть во что бы то ни стало доведена до победного конца. Вот в чем и заключалась „социально-мобилизующая" роль этой национал-социалистской концепции, империализма, социализма и войны 1914 г.

В ней все *извращено и поставлено наголову.* Высокий уровень капиталистического развития рассматривается как предпосылки не обострения классовой борьбы, а „снятия ее в единстве" „народных" интересов. *Сращение государственного аппарата* с банками и трестами, полное подчинение его деятельности и функций интересам последних изображаются как *огосударствление хозяйства,* как лишение его прежней самостоятельности, как устранение в нем „эгоистических" моментов и подчинение его деятельности и функций интересам „общества и государства". Гегелевское прусское государство, которое было идеальным отражением отсталости и слабости германского капитализма в начале XIX в., представлено как предвосхищение государственного строя совершенно иной эпохи, эпохи наивысшего развития капитализма, империалистической его стадии, нашедшей себе между прочим в Германии наиболее полное „классическое" выражение. Тот факт, что рабочая аристократия, продажная социал-демократическая верхушка, поддержала империалистическую политику буржуазии, повела отравленные шовинистической агитацией и демагогией массы на бойню, истолковывается Пленге как показатель того, что война закрепила „непоколебимое единство" всего народа и стало быть закончила процесс „организации социализма". *Государственный капитализм* в том виде, как он сложился в обстановке войны (у Ленина мы имеем блестящую характеристику его), преподносится как *„государственный социализм".* Империалистическая *милитаризация* народного хозяйства и всей общественной жизни (проведенная в Германии весьма неплохо с точки зрения *техники* и *организации)* преподносится как *„организация* социализма". Тот факт, что немецкий империализм, будучи не в состоянии развиваться в тех пределах, которые ему были поставлены его положением на мировом рынке, вынужден был вооруженной рукой добиваться *передела мирового рынка,* что германский империализм экономически давно перерос рамки национального государства и вынужден был тянуться за аннексиями во все четыре стороны, чтобы стать империалистски многонациональным государством,—Пленге изображает как *„усиление национального государства"* Германии и т. д. и т. п.

В этой концепции с удивительной беззаботностью и легкостью отождествляются самые различные и противоположные понятия, формы, явления, системы: *национализм, этатизм, капитализм, социализм, империализм, милитаризм, война, революция и т. д. и т. п.* Буржуазные ученые показали свое полное банкротство в своих попытках дать характеристику современного этапа капитализма. В то самое время, когда империалистические идеологи беспомощно путались и запутывали других, создавая свою „философию эпохи", Ленин, поднимая на новую, более высокую ступень революционную идеологию и науку пролетариата—марксизм, блестяще применяя метод материалистической диалектики, дал свою

теорию *империализма.* Эта теория опрокидывает все построения империалистических идеологов, дает единственно научную постановку и разрешение всех проблем, связанных с вступлением капитализма в новую империалистическую стадию. *Она дает в то же время ключ к пониманию процессов, происходящих в буржуазной идеологии* в период империализма, их исторических корней, их социального смысла. „Социалистическая" фразеология империалистических идеологов является продуктом умирания, загнивания капиталистической системы. Она является идеологией спасения смертельно больного социально-экономического строя. *Капитализм гниет на корню.* Но он не хочет сдаваться и не сдается без боя. Он борется и будет бороться всеми методами, всеми средствами. В числе последних испытанное средство, дымовая защитная завеса—*идеологический туман,* который должен прикрыть гнусное дело кровавой классовой расправы над подымающимся социализмом, над революционными силами пролетариата. Это *грандиозная фальшивка* и провокация, которыми загнивающий строй стремится хоть на время продлить свое существование. О социальных предпосылках всего этого идеологического процесса мы уже говорили выше. Фашистские идеологи сооружают плотины против социализма и пролетарской революции из национализма, этатизма, антииндивидуализма и пр. Заключительным же аккордом всей этой музыки является мотив—„социализм" против социализма.

II

Существует весьма много способов фальсификации социализма для борьбы с ним. В данном случае мы останавливаемся лишь на одной разновидности, которая базируется на гегельянском прусском государстве. Мы имеем в виду шпенглеровскую систему противопоставления пруссаческого „социализма" марксистскому „лжесоциализму", или по шпенглеровской терминологии: *„социализма—марксизму".* Это противопоставление рассматривается Шпенглером совершенно сознательно *в аспекте классовой борьбы,* конкретнее—в аспекте решающей схватки буржуазии и пролетариата, в аспекте гражданской войны, революции и контрреволюции. Тут он оставляет на время в стороне свой расово-морфологически-националистический подход и прямо формулирует проблему интернациональной борьбы двух систем—капитализма и социализма. Со свойственной ему резкостью и остротой постановки вопроса он говорит: „Должен ли мир быть устроен социалистически или капиталистически? Этот вопрос не может быть решен двумя народами. Сейчас в каждой стране есть английская и прусская хозяйственная (?) партия. И если целые классы и слои населения устали от войны, то *более мощные натуры будут продолжать ее во имя идеи.* Когда оружие не находит применения против внешних врагов, то оно находит применение в *гражданской войне*"[1]. И Шпенглер ставит своей задачей отточить оружие для этой войны. Для кого? Конечно для „социализма". Против кого? Марксизма. „Социализм" Шпенглера об-

---

[1] *Шпенглер,* Пруссачество и социализм, стр. 45.

наруживает тут с завидной откровенностью свой фашистский характер. *Это идеология гражданской войны против пролетариата.*

Шпенглер оказался недурным советчиком, когда указывал немецкой буржуазии, как ей использовать ту многочисленную массу офицерства, выходцев из мелкой буржуазии, интеллигенции, чиновничества, деревенского кулачества и пр., для которой война сделалась профессией и которая осуждена в условиях версальской системы на пребывание вне рядов армии, на безделье, безработицу, а зачастую и материальные бедствия. Превратить их в *опричников финансового капитала,* т. е., да извинит нас „социалист" Шпенглер, в армию „борцов за социализм", за „идею", что и было со временем осуществлено. Кадровый, руководящий состав штурмовых отрядов Гитлера, находящийся на содержании Стиннесов, Тиссенов и пр., плюс „социалисты" из „Стального шлема", ну и рейхсвер само собою,—вот они „более мощные натуры", которые „решат" вопрос о том, быть ли „социализму" или нет. Теоретически принципиально для Шпенглера вопрос давно решен. Нужно лишь, чтобы „народ" это осознал, чтобы он понял, что марксизм—это ложь, мираж, фантазия, что „действительность", „жизнь", „судьба" и пр. на стороне только пруссачества. „С этой точки зрения мы противопоставляем сейчас в разгаре германской революции марксизм и социализм. Социализм, все еще непонятное пруссачество, есть кусок действительности первостепенного значения. Марксизм—это литература. Действительный инстинктивный социализм как выражение старопрусского духа, в литературных блужданиях попавший в Англию, возвращается теперь к сознанию своего происхождения и своего значения"[1]. Почему он заблудился в Англии и каким образом, почему он снова возвращается в Германию—все это остается тайной. Известно лишь, что в возвращении блудного сына в свое отечество главную роль сыграл Шпенглер. Это он, Шпенглер, „вскрыл" заблуждения и эклектизм Маркса. Это он „опроверг" „предрассудок", будто Маркс создал монолитное, цельное, исключительное по своей последовательности и научности социалистическое учение. Вот два наиболее главных пункта его „опровержения".

Пункт 1-й: „Он (Маркс.—*М. А.*) происходил из прусской атмосферы и свыкся с английской, но он оставался одинаково чужд душе обоих народов. Вместо английской крови, которой он не чувствовал в себе, он увидел лишь английские вещи и понятия,—из Гегеля же, представлявшего значительную дозу прусского государственного мышления, ему оказался доступным лишь метод. Так при помощи комбинации, являющейся подлинным гротеском, он перенес противоположность инстинктов обеих германских рас на материальную противоположность двух слоев. Он приписал „пролетариату", четвертому сословию (!), прусскую мысль социализма и „буржуазии", третьему сословию, английскую мысль капитализма"[2]. Обойдем „научные" упражнения Шпенглера в сопоставлениях немецкой и английской крови. Укажем лишь на его метод „противопоставления" пруссачества марксизму. Это есть метод сваливания с больной головы на здоровую. Шпенглер приписывает

[1] *Шпенглер*, Прусачество и социализм, стр. 69.
[2] *Там же*, стр. 6[illegible].

Марксу тот самый прием, который он употребил в борьбе с марксизмом. Он перенес противоположность классов буржуазии и пролетариата и их идеологий на противоположность наций. Чтобы замести следы, вор кричит: „ловите вора!“ Он при этом не замечает, какую неловкую аргументацию он приводит: Маркс-де усвоил „лишь“ метод Гегеля и совсем игнорирует прусское государство. Шпенглеру невдомек, что именно благодаря тому, что он усвоил метод (материалистически его переработав) Гегеля, а не его систему, Маркс создал научную, монистическую теорию в противоположность всяким эпигонам, способным лишь на жалкую, пошлую эклектику в духе прусского государства. *Шпенглер* „доказывает“ эклектицизм Маркса! Что может быть еще более комичным.

Пункт 2-й: „Он (Маркс.—*М. А.*) берет один лишь внешний вид пруссачества: организацию, дисциплину, общность, нечто такое, что совершенно независимо от какого-либо отдельного класса, техническую форму, социализм, и преподносит его как цель и оружие рабочему классу в построенной на английский манер Society, чтобы он опять-таки совершенно по-викингски смог переменить роли грабителей и ограбленных—экспроприация экспроприаторов—к тому же с весьма эгоистической программой раздела добычи после победы“ [1]. И тут Шпенглер сваливает с больной головы на здоровую. Ибо как раз шпенглеровский „социализм“ построен на чисто формальных, морфологических комбинациях и сравнениях, ибо „пруссачество“, поскольку вообще о нем можно говорить, это лишь моменты национальной формы, присущей германскому капитализму в отличие от капитализма других стран, это лишь особенности пути развития капитализма в Германии. Какая чушь приписывать что-либо подобное марксовскому, научному социализму!

Реальный политический смысл, вкладываемый Шпенглером в свои изображения марксизма, выражен в обывательской тираде Шпенглера против „грабителей, раздела добычи“ и пр. довольно ясно. Политический смысл всей этой чудовищной карикатуры на марксизм заключается в том, чтобы какими угодно методами дискредитировать в трудовых массах мелкой буржуазии научный социализм, дискредитировать в этих массах пролетарскую революцию. В этом смысле Шпенглер может и должен быть назван одним из пророков и идеологов германского *национал-социализма.*

Идея противопоставления национализма (у Шпенглера в конкретной форме пруссачества) марксизму является одной из основных в идеологии, в демагогии национал-социализма [2]. Приведем пару иллюстраций из писаний гитлеровских „теоретиков“. Подвергнув марксизм „уничтожающей“ „критике“ (т. е. повторив избитые пошлости, что марксизм-де против собственности, но в действительности стремится к обогащению за счет других, что он за равенство народов, но за кровавую борьбу против них) и добавив от себя несколько крепких антисемитских словечек, *Розенберг* приходит к положительному, „творческому“ выводу: „Итак кто сегодня хочет

[1] *Шпенглер*, Пруссачество и социализм, стр. 62.
[2] См. выше цитаты из Гитлера.

быть националистом, должен быть и социалистом. И наоборот. Социализм серого фронта 1914—1918 гг. хочет государственно ожить. Без него нельзя преодолеть марксизм и нельзя сделать безвредным интернациональный капитал“ [1]. *Отождествление социализма и национализма—это один из основных пунктов национал-социалистской методологии.* Производится оно при помощи следующего силлогизма. Что такое социализм? Это принцип общности. Какова действительная, единственно возможная форма общности? Нация, национализм. Следовательно *социализм возможен только как национализм,* наоборот—последовательно проведенный национализм должен привести и приводит к социализму. Следовательно социализм враждебен и противоположен марксизму по двум причинам: *во-первых,* потому, что последний против „общности“, за классовую борьбу внутри нации, *во-вторых,* потому, что он за интернационализм, против национализма. Но если содержанием социализма является национализм, то тогда характер социалистичности или антисоциалистичности того или иного явления определяется тем фактом, что оно национально или „антинационально“, т. е. интернационалистски. К примеру—капитализм. „Есть два рода капитала, и эти два рода настолько основательно друг от друга отличаются, что о них должно говорить совершенно различно. Прежде всего идет речь не о носителях капитала, но о представляемом капитале an und für sich. Мы, националисты, различаем производительный, *национальный* государственный капитал и хищнический, *интернациональный* ссудный капитал“ [2]. Из этого вытекает, что „национальный, государственный капитал“ социалистичен. При помощи „нации и государства“ *капитализм идентифицируется с социализмом.* Это „национал-социалистский“ вариант той теории организованного, государственного капитализма, государственного социализма, на которой сходятся и национал-социализм и социал-фашизм. Так посредством категорий национализма и этатизма социализм благополучнейшим образом превращен в капитализм и империализм. Марксизм „преодолен“. „Социализм“ утвержден. „Ловкость рук и никакого мошенства!“

„Социализм, которого мы хотим,—продолжает Гебельс,—не имеет ничего общего с интернационально-марксистски еврейским уравнительством. Мы хотим социализма как учения об общности. Мы хотим социализма как старогерманскую идею судьбы (Ау, Шпенглер!—*М. А.*). Мы хотим сделать Германию народом, социалистически объединенным не только в радости, но и в горе. Мы хотим сделать из Германии народ, который делит нужду, хлеб и судьбу“ [3]. Вряд ли есть необходимость в том, чтобы комментировать эти реляции теперь, когда гитлеровцы уже стоят у власти и проводят свою политику, осуществляют то, чего они „хотят“, т. е. то, что им диктуют интересы монополистического капитала. Германский народ, трудящиеся массы Германии получили меньше всего *хлеба,* но больше всего *нужды.* Об этом красноречивей всего говорят *факты—неуклонный рост безработицы, снижение зарплаты, соци-*

[1] *Rosenberg*, Der Mythus..., S.

[2] *Goebels*, Lenin oder Hitler?

[3] *Там же.*

ального страхования и обеспечения, небывалая нищета масс в городе и деревне, не говоря уже об ужасах террора, резком снижении, почти полном подавлении культурной жизни, о черносотенной реакции и в этой области и пр. Вот чего хотят „социалисты“ его величества—господина умирающего капитала. Шпенглер тоже „хочет“ всего этого. Он тоже за то, чтобы народ „делил судьбу, хлеб и нужду“. Причем „дележ“ он себе представляет очевидно, как и Гебельс,—трудящиеся получают нужду, а все остальное (сверхприбыль, неограниченное господство в хозяйственной и всей жизни страны) падает на долю эксплоататоров.

Но как быть с тем, что трудящиеся массы не согласны с такой „общностью“, сопротивляются ей разными способами, в частности забастовкой? Дело ясное—строжайше запретить забастовку. Как идеологически обосновать это запрещение? Для Шпенглера нет ничего проще такой задачи. Вы хотите знать, что такое забастовка? Гегельянское, прусское „государственное мышление“ дает на это ясный и исчерпывающий ответ. „Забастовка—это несоциалистическая особенность марксизма, классический признак его *происхождения из торгашеской философии,* к которой Маркс примыкал по инстинкту и по привычке. В забастовке, как орудии борьбы, скрыта предпосылка, что нет народа как государства, а существуют только партии“ [1]. Полемизировать с указанной предпосылкой Шпенглер считает ненужным, ведь она марксистская, „несоциалистическая“. Что же им противопоставляется забастовке? Что говорит по этому поводу „прусская мысль“? „Прусская мысль—это непартийная *государственная фиксация заработной платы* для всех видов труда, планомерно распределяемой, согласно с общим хозяйственным положением, в интересах народа в целом, а не отдельных профессиональных групп; это принцип *чиновничьего оклада,* распространенный на всех трудящихся. Он заключает в себе запрет забастовки как антигосударственного, торгашеского и частного средства. Право устанавливать заработную плату должно быть отнято от работодателей и от рабочих и передано общему хозяйственному совету, чтобы обе стороны должны были считаться с определенной величиной, какая давно существует в других областях ведения предприятия и хозяйства“ [2]. „Прусская мысль“ считает необходимым лишить пролетариев их элементарного средства в борьбе с ставшей совершенно нестерпимой капиталистической эксплоатацией—*права стачек*, она хочет установить открытый произвол предпринимателя, осуществляемый к тому же „надпартийным“ фашистским госаппаратом, с тем чтобы капиталистическое рабство было освящено, а какой бы то ни было протест против него считался государственно-политическим преступлением. Но эта „мысль“ в такой же мере прусская, как и итальянская, польская, венгерская и т. п. Это „всеобщая“ мысль мирового капитализма, вынужденного переходить к методам открытой фашистской диктатуры. Это „интернациональная“ мысль фашизирующейся буржуазии, и совершенно зря *Шпенглер хочет* взять на нее национальный патент. Итальянские фашисты имеют столько же основания претендовать на него, сколько

---

[1] *Шпенглер,* Пруссачество и социализм, стр. 66.
[2] *Там же.*

и немецкие, когда в один голос утверждают, что лишь Италия могла явиться родиной *корпоративного государства.*

Идеолог палки и кнута охотно будет убеждать и себя и других, в том числе и в первую очередь трудящихся своей нации, что последние в силу своих „национальных особенностей" непритязательны, скромны, терпеливы и пр., как в свое время представители великодержавнической „официальной народности" (Уваров, Катков и др.) убеждали русский народ в том, что он издревле, всегда по своей натуре склонен к подчинению самодержавию и православию, что он не склонен и не способен к просвещению и т. д. В последнее время Муссолини открыл существеннейшую „характерную черту" итальянского народа, заключающуюся в том, что он привык к бедной жизни, легко переносит экономический кризис и по своей природе не может прибегать к большевистским методам борьбы. Можно не сомневаться в том, что без особого труда эта „национальная черта" будет обнаружена фашистскими идеологами всех стран у „своих" народов.

В последние годы стала все более вырисовываться еще одна весьма важная сторона *мессианистических претензий* германского национал-социализма. А именно та, которая направлена *против СССР,* которая представляет собой идейное обоснование крестового похода против первого в мире социалистического государства. Германский фашизм предлагает свои услуги мировому империализму в качестве организатора и руководителя интервенции СССР. В известных кругах германского фашистского правительства, как и национал-социалистской партии, имеются весьма конкретные проекты на сей счет (вспомним „проекты" Розенберга, меморандум Гугенберга на Международной экономической конференции в Лондоне и т. п.). *Гитлеры и Геринги* чувствуют себя видимо призванными к роли современных *Кавеньяков и Галифе,* к тому еще действующих во всемирном масштабе. Новоявленные *мессии,* обещающие полное искоренение большевизма во всем мире, доказывают, что лишь „германский народ"—читай германский фашизм—в состоянии справиться с такой ответственной и в то же время благодарной ролью. За это германский империализм должен получить конечно соответствующие „компенсации". И вот все эти контрреволюционные, антисоветские замыслы и мечтания облекаются, согласно особенностям германско-фашистского идеологического ритуала, в кричащие и напыщенные фразы о „социалистической миссии германского народа".

„Прусская мысль" в формулировке Шпенглера—это „мысль" всего германского и мирового фашизма. Как она осуществляется на деле фашизмом, достаточно красноречиво говорят сами факты. Мы можем привести и другие формулировки фашистского разрешения „рабочего вопроса". Вот германски-расистская „мысль" *Розенберга:* „Для национал-социализма „пролетарии" и „буржуи"—два смертельно враждебных класса, только лишь *немец* товарищ по крови и судьбе (Blut- und Schiksalgenossen)" [1]. В отношении кого, каких классов национал-социалисты действительно смертельно враж-

---

[1] *Rosenberg,* Wesen Grundsätze und Liebe.

дебны и в отношении кого они рабски покорны—это они продемонстрировали в достаточной мере, в особенности на протяжении последнего года. Вот еще одна формулировка: „Для нас ядро проблемы наших дней—разрешение социального вопроса. Социальный вопрос не в смысле меньше работы и больше платы (еще бы!—*М. А.*). Социальный вопрос является для нас вопросом возможности и способности к взаимному пониманию Folksgenossen. Германия станет свободной в мгновение ока, если 30 млн. справа и 30 млн. слева (вот где точный подсчет!—*М. А.*) смогут друг друга понять (вот то-то и оно-то!—*М. А.*). Буржуазные партии не могут достичь этой цели. Марксизм не хочет этого достичь. Только одно движение способно на это: национал-социализм, воплощенный в вожде Адольфе Гитлере“ [1]. Гебельс—этот представитель „социального крыла“ гитлеровцев—больше всего, как известно, „болеет“ за рабочий класс. Он хочет с ним „делить нужду“ и т. д., но так, чтобы он больше работал и меньше получал платы. *Шпенглер* еще за много лет до Гебельса заявил, что он тоже этого хочет и потому он также против забастовки. Он отличается от Гебельса лишь тем, что он имеет большое философское образование и может открыть в тайниках „прусской души“, в ее „судьбе и крови“ неоспоримое доказательство“ того, что она несомненно против забастовок.

Гебельс довольствуется авторитетом Гитлера. Шпенглер орудует Гегелем, Кантом, Ницше и т. п. Социально-политическое, практическое резюме длиннейших, абстрактнейших, ученнейших изысканий Шпенглера в фаустовской, прусской душе может быть предоставлено в виде такого примерно требования. „*Первым долгом каждого гражданина государства должно быть: духовно или физически работать. Деятельность частного не должна нарушать интересов общего, но должна протекать в рамках совокупного и в интересах всех*“. Знакомый с национал-социалистским лексиконом легко узнает здесь какой-нибудь пункт их программы. Приведенное „требование“ и есть 10-й пункт *программы национал-социалистов*. Таким образом то, что экс-философ Шпенглер проповедывал на страницах сугубо теоретических трудов, нашло в дальнейшем свое воплощение в программе боевой, террористической массовой партии германского фашизма.

„Пруссачество и социализм“—это целая программа, философско-социологическая программа национал-социализма, „учено“ и литературно-художественно изложенная.

То же относится и ко всем другим фашистским философам и социологам,—их архиученнейшие изыскания, „открытия“ и рецепты оздоровления и „спасения человечества“ путем „идеи нации и государства“ отражают *практику* фашизации. Они все бьют в одну точку, устремлены в одну сторону: *идеологически обосновать и приукрасить фашизм*—фашизм в его повседневной, отвратительной, варварской форме, фашизм как продукт гниения капитализма, как наиболее зверскую форму контрреволюции, как последнюю, исторически обреченную *попытку* спасения капитализма.

---

[1] *Goebels*. Lenin oder Hitler?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

III империя или советская Германия!

Через 9 лет после неудачной попытки совершить „национальную революцию“ путем вооруженного восстания против Веймарской республики (8 ноября 1923 г.) Гитлер получил власть из рук президента этой же республики, на основе Веймарской конституции.

То, к чему так долго готовились и стремились национал-социалистские вожди, наконец осуществлено—*Адольф Гитлер* стал „вождем германского народа“, кайзеровские лейтенанты и штабс-капитаны стали неограниченными хозяевами „национальной Германии“.

Национал-социалистский фашизм—что вовсе не было абсолютной неизбежностью, а стало следствием конкретных условий (см. главу II)—установил свою диктатуру в Германии. История Германии вывела на свою арену на некоторый срок и эту форму господства реакционнейшего умирающего капитализма. Последние резервы контрреволюции Германии выведены на передовые позиции, германская буржуазия пошла с последних своих козырей.

Напыщенные национал-социалистские декларации о „новой эре“ насквозь фальшивы, демагогичны и абсурдны, как и вся „философия истории“ фашизма. Но несомненно однако то, что приход к власти гитлеровцев означает собою *новый этап* в развитии всеобщего кризиса германского (а также и всемирного) капитализма.

Он означает, правда, укрепление власти крупного капитала, но укрепление *кратковременное*. Он означает, правда, отступление пролетариата, но отступление *временное*. За временным „затишьем“ под властью фашистского сапога последуют революционный взрыв, революционное восстание пролетариата, которые не могут не закончиться победой диктатуры пролетариата.

Последняя карта германской буржуазии будет бита.

Национал-социализм поднялся на волнах протеста и возмущения мелкобуржуазных масс против буржуазной Веймарской республики версальской системы. Гитлер обещал этим массам изжить нищету и безработицу, спасти разоренное крестьянство, оздоровить всенародное хозяйство, покончить навсегда с кризисом и униженную, побежденную, „опозоренную“ Германию сделать великодержавной, могущественной, колониальной империей. Он не скупился на демагогические обещания, правда, самого туманного и абстрактного характера,—другими они не могли быть. Ценою необычайной на-

ционалистской и социальной демагогии и обмана масс национал-социализм приобрел себе симпатии мелкой буржуазии, которая мечется в поисках выхода из тупика, в который она загнана капитализмом.

Гитлеровцы купили у этих масс власть, подписав векселя, по которым придется платить не через четыре или восемь лет, а в самое ближайшее время. Счета будут предъявлены немалые. А платить по ним нечем.

Тогда обманутые массы Германии узнают на *практике*, на своем собственном *опыте*, что одно дело демагогия национал-социалистов, а другое дело действительность, реальная политика фашизма, которая не может быть иной, как наиболее реакционной политикой крупного финансового и аграрного капитала Германии. III империя предстанет в своем настоящем отвратительном виде, и от нее отвернутся с проклятием по ее адресу те, кто еще вчера в нее верил.

Не может быть никакого сомнения в том, что *„...оголтелая фашистская диктатура Гитлера, начавшая гражданскую войну в стране, не может решить ни одного политического и экономического вопроса современной Германии“* [1].

Решающим фактором тут является то, что национал-социалисты пришли к власти в условиях небывалого кризиса, который не только не ослабевает, но, наоборот, все более углубляется и обостряется. Сравнения с итальянским фашизмом совершенно несостоятельны,—тот удержался и сохранил в своих руках власть, попав в фарватер капиталистической стабилизации в обстановке промышленного подъема 1923—1928 гг. Итальянский фашизм не имел перед собой такого сильного противника, как коммунистическая партия Германии. У него не были так обострены международные отношения, как у современной фашистской Германии. Германский фашизм не только не может улучшить экономическое положение страны, он не может его сохранить на нынешнем уровне. Оно неизбежно будет ухудшаться с каждым днем.

Как ни красноречивы гитлеровские ораторы—факты красноречивее их.

А факты будут накопляться с каждым днем все в большем числе. Их уже сегодня, когда Гитлер стоит у власти несколько месяцев, вполне достаточно, чтобы подтвердить то положение, которое коммунисты всегда выставляли—что фашизм никак не может ослабить, а тем более устранить кризиса и его последствий.

Национал-социалисты обещали приступить немедля к уничтожению нищеты и нужды масс. На деле „нужда и нищета масс возрастают с каждым днем“ [2].

Национал-социалисты заявляли, что у них имеются спасительные рецепты по изживанию безработицы. Они обещали, что в „национально возрожденной“ Германии все смогут применить свой труд. *На деле „нет и не может быть никаких перспектив серьез-*

---

[1] Из резолюции Президиума ИККИ по докладу т. Геккерта о современном положении в Германии. (*Курсив всюду мой.—М. А*)

[2] *Там же.*

ного сокращения безработицы"[1]. Гитлеровцы носятся, как с писаной сумой, с проектом „трудовой повинности" (примерно на миллион человек в два приема ежегодно). На деле это проект не изживания безработицы, а подготовки в государственно-организованном порядке обученных резервов империалистской армии, что, естественно, ляжет добавочной тяжестью на плечи трудящихся масс Германии.

Национал-социалисты обещали взять под свою защиту „национальный капитал", т. е. крупную промышленность, облегчить ее положение на мировом рынке, „оздоровить" и расширить внутренний. *На деле „положение промышленности ухудшается, ибо авантюристская политика правительства только ускоряет сокращение как внутреннего, так и внешнего рынка"*[2].

Национал-социалисты обещали безработным служащим, учителям, адвокатам и т. д. работу и должности в III империи. Но как бы они ни насаждали всюду своих людей, изгоняя социал-демократов, либеральную интеллигенцию и „неарийцев", как бы они ни стремились устроить всех „своих" людей, но это невозможно в отношении всех голосовавших за них на выборах и т. д., они не в состоянии выполнить своих обещаний. Ибо *на деле „нет никакой возможности предоставить работу и должности всем сторонникам национал-социалистов"*[3].

Национал-социалисты обещали „спасти" крестьянство проведением своей „национальной" аграрной политики. Последняя выразилась пока в контингентировании сельскохозяйственного импорта и в отсрочке уплаты долгов до 1 октября 1933 г. Но что оно может дать на деле? „Продление моратория до октября и контингентирование ввоза сельскохозяйственных продуктов из-за границы могут только на весьма короткое время удовлетворить небольшую прослойку зажиточных крестьян, *но не могут приостановить роста нужды, нищеты и недовольства широких крестьянских масс*"[4].

Мелкие торговцы и ремесленники также получили щедрые обещания от национал-социалистов. Они поверили демагогическим выпадам против „интернационального капитала", они в значительной степени поверили антисемитским россказням о том, что всему виною „еврейский капитал". Но что могут им дать национал-социалисты? Ничего они не могут дать, потому что „демагогическим выступлением против универмагов и еврейского капитала *нельзя помочь нуждающейся мелкой буржуазии,* положение которой будет ухудшаться по мере дальнейшего падения покупательной способности пролетариата, что приведет к дальнейшему сокращению внутреннего рынка"[5].

То же относится и к вопросам международного положения и внешней политики Германии. Национал-социалисты культивируют

---

[1] Из резолюции Президиума ИККИ по докладу т. Геккерта о современном положении в Германии. (*Курсив всюду мой.—М. А.*)

[2] *Там же.*

[3] *Там же.*

[4] *Там же.*

[5] *Там же.*

самые дикие, разнузданные шовинистические страсти и идеалы. Они в течение многих лет, играя на национализме немецкого мещанства и льстя ему, распространяли идею империалистского реванша. Немецкий филистер ждет теперь от Гитлера решительных шагов по поднятию „престижа“ и восстановления „величия“ Германии. Ухудшающееся внутреннее положение будет все больше толкать национал-социалистов на путь внешней агрессии. В нынешних условиях политика гитлеровцев может привести только *„к дальнейшему обострению всей международной обстановки и к громадному росту военной опасности“* [1]. Какие реальные возможности имеет германский фашизм, чтобы добиться отмены унизительных условий Версальского договора, чтобы получить обратно отобранные территории, колонии, получить право вооружаться и т. д.? Сомнительно, чтобы *авантюристская* политика провокации новой войны со стороны еще невооруженной Германии могла содействовать популярности национал-социалистов. Скорее всего наоборот.

Таковы перспективы развития III империи с точки зрения массовой социальной базы национал-социалистского движения. Чем дальше, тем больше будут падать под ударами действительности те иллюзии, с которыми связана поддержка национал-социализма мелкобуржуазными массами. „Каждый новый день правительства Гитлера будет все более ясно показывать обман, жертвами которого стали массы, шедшие за Гитлером. Каждый новый день будет все яснее показывать, что Гитлер ведет Германию к катастрофе“ [2].

Единственное обещание, которое выполняет Гитлер всеми своими силами, это „искоренение большевизма и марксизма“. С этой целью он и был призван к власти „деловыми кругами“, т. е. руководящими верхами германской буржуазии.

В этом вопросе, в отличие от всех прочих вопросов внутренней политики, он имел четкую и ясную программу. Разгромить коммунистическую партию и комсомол, запугать революционизирующуюся рабочую массу зверским террором, лишить рабочий класс всяких остатков буржуазно-демократических свобод—собраний, стачек, печати, „демократических“ условий выборов в правительственные и общественные организации и т. д., подчинить профсоюзы фашистскому государству, т. е. сделать их придатком к диктатуре трестов и концернов, выбросить за ворота всякого мало-мальски подозрительного в отношении революционности рабочего, создать разветвленную сеть шпионажа и провокации на предприятиях, развернуть систематическую пропаганду в государственном порядке фашистских „идей“ и т. д., одним словом, лишить пролетариат каких бы то ни было возможностей классовой самоорганизации,—такова эта программа. Все это необходимо для того, чтобы осуществить дальнейшее наступление на жизненный уровень пролетариата, обеспечить возможность проведения политики империалистской агрессии, подготовки реванша. *Организовать победоносную гражданскую войну против пролетариата, навсегда придушить ком-*

---

[1] Из резолюции Президиума ИККИ по докладу т. Геккерта о современном положении в Германии. *(Курсив всюду мой.—М. А.)*

[2] *Там же.*

мунизм в Германии—такую задачу поставил перед национал-социализмом монополистический капитал Германии.

Справился ли Гитлер с этой задачей? Нет, не справился и никогда не справится с ней.

И тут мы подходим к вопросу о „субъективном факторе", о движущей и организующей силе пролетарской революции—о коммунистической партии Германии.

Не имея за собой—в результате предательской политики социал-демократии—большинства рабочего класса, она сегодня не приняла боя с фашизмом опирающимся на огромные вооруженные силы и поддерживаемым миллионами мелкобуржуазных масс.

Но недалек тот час, когда она *сама даст бой*—последний и решительный бой германскому капитализму и фашизму.

Ее огромная боеспособность продемонстрирована в настоящей обстановке уже тем, что она, решив не принимать боя, *исключительно организованно и быстро перешла в новые условия революционной борьбы с фашизмом*—в подполье, перестроив в течение нескольких недель свои ряды, сохранив свои руководящие кадры и создав совершенно новую сеть своих организаций, новые методы связи с массами и революционной работы среди них. *Разбить* компартию германскому фашизму не удалось. Те значительные потери, которые она понесла и продолжает нести в условиях гитлеровского террора, восстанавливаются довольно быстро. Это и есть показатель того, что нити, связывающие компартию с массами пролетариата, становятся все более многочисленными и крепкими.

Большевики Германии, руководясь марксо-ленинской теорией пролетарской революции, знают, что автоматически, само по себе, буржуазное государство не упадет. Его необходимо разбить. Для этого требуется напряженная, героическая борьба, идейная и организационная, политическая и вооруженная против буржуазного государства. Но они знают также, что исторические сроки существования буржуазного строя в Германии уже истекли, что национал-социалистский фашизм недолго сможет противостоять надвигающейся уже вплотную пролетарской революции. И теоретический анализ и сам ход борьбы делают для них ясным то положение, что в современной обстановке *рабочий класс будет все больше переходить на сторону компартии—этого единственного борца против фашистской реакции, подлинного борца за социализм, против капитализма.* Основное и главное препятствие к установлению единства пролетариата на революционной основе—влияние социал-демократии на широкие слои рабочего класса—устраняется теперь с нарастающей быстротой. Фашистская диктатура Гитлера приходит неминуемо к тому, что она, „открывая гражданскую войну против рабочего класса, отменяя все права пролетариата, вместе с тем разбивает социал-демократические теории о возможности завоевания парламентского большинства путем выборов и мирного развития, без революции, к социализму. Она разбивает социал-демократические теории о классовом сотрудничестве с буржуазией и политике „меньшего зла" и уничтожает все демократические иллюзии в широких рабочих массах. Она показывает, что госу-

дарство вовсе не является надклассовой надстройкой, а орудием диктатуры буржуазии, что настоящая государственная власть—это вооруженные банды штурмовиков, „Стальной шлем“, полиция, офицерье, управляющие от имени буржуазии и юнкеров. Рабочий класс убеждается на деле, что правы были коммунисты, когда они в течение ряда лет боролись против демократических иллюзий и социал-демократической политики „меньшего зла“ и сотрудничества с буржуазией“[1].

Коммунисты Германии используют самым широким образом это обстоятельство в своей повседневной агитации и пропаганде. Они разъясняют массам на конкретных действиях III империи, что фашизм ведет страну к катастрофе, к еще большим бедствиям и ужасам. Они противопоставляют капиталистической каторге „национальной Германии“ Советский союз, победоносно строящий социализм и оставивший позади себя далеко и навсегда буржуазный строй со всеми его противоречиями и мучениями для трудящихся. Они на фактах III империи показывают массам правоту теории марксизма-ленинизма и банкротство демагогии и „идеологии“ фашизма и его крайнего крыла—национал-социалистов.

Гитлер пытается пробиться в рабочий класс, завоевать его „социалистскими“ фразеологией и жестами, сочетаемыми с коррупцией и террором. Ему это не удалось и не удастся.

Решающие бои III империи с социалистической революцией не за горами. *На сей раз нападающей стороной будет революционный пролетариат, организовавшийся и сплотившийся под руководством коммунистической партии Германии, под знаменами марксизма-ленинизма.*

В вооруженном восстании, в великих и упорных боях пролетариат сметет „последних могикан“ буржуазной реакции и установит свою диктатуру по славному примеру пролетариата СССР.

Германия империалистская и фашистская станет советской.

Германские фашисты кичатся своей „непобедимой“ и „творческой“ националистской идеологией. Они утверждают, что не пройдет нескольких десятков лет, как все забудут даже слово „марксизм“. Не долго им придется тешить себя и обманывать других такой перспективой. Не пройдет и несколько лет, как вместе с свергнутым фашистским государством в мусорном ящике истории окажутся столь же претенциозные и хвастливые, сколь реакционные и бесплодные „идеи“ фашизма, в том числе и его неогегельянские теории национализма и этатизма.

Марксизм-ленинизм одержит победу еще в одной стране, в одном из решающих центров Европы и всего мира.

---

[1] Из резолюции Президиума ИККИ по докладу т. Геккерта о современном положении в Германии. *(Курсив всюду мой.— М. А.)*

Замеченные опечатки

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
3	4-я снизу	одного	одного вида
13	15-я снизу	идеологам	идеологами
39	17-я сверху	«Эмпириокритицизм и мате иализм».	«Материализм и эмпириокритицизм».
44	16-я снизу	неогегельянства	неогегельянство
65	26-я сверху	Энтузиазма	Этатизма
98	4-я сверху	облегченное	облаченное
114	24-я сверху	Геринг	Гиезе
116	4-я сверху	паброcана	набросана столь
1 7	7-я сверху	нацреакционпое	наиреакционное
134	4-я сверху	в своим	в своем

Гегельянст на службе германского фашизма

ГЕГЕЛЬЯНСТВО НА СЛУЖБЕ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА